

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2022 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 4 № 3

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 4 № 3

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 4, № 3 | 2022

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Этнография, этнология и антропология:

- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.1. Отечественная история

Языки и литературы народов мира:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Этнокультурные проблемы образования:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

ПЕРЕВОДЧИК:

Фомин Михаил Юрьевич

КОРРЕКТОР:

Миронова Людмила Сергеевна

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Миронова Людмила Сергеевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №Фс77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10407
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Подписной индекс	В объединенном каталоге «Пресса России» – 85756.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага мелованная. Формат 60×84 ¼. Усл. печ. л. 6,74. Заказ К-1035. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	29.09.2022
Дата выхода в свет	30.09.2022

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 4 No. 3 | 2022

"Ethnic Culture" is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:

- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.2. Universal history
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:

- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philosophic sciences, associate professor, rector of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

TRANSLATOR:

Fomin Mikhail Yurievich

PROOF-READER:

Lyudmila S. Mironova

COMPUTER LAYOUT:

Lyudmila S. Mironova

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФЦ77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10407
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
The subscription index	In the merged catalog "Russian Press" — 85756.
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Coated paper. Format 60×84 1/4. Conditional printed pages 6,74. Order K-1035. Circulation 100 copies.
Signed in the print	29 September 2022
Date of publication	30 September 2022

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета, Бишкек, Кыргызская Республика

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики НАО «Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева», Нур-Султан, Республика Казахстан

Иноятов Сулейман Иноятович, д-р ист. наук, профессор кафедры национальной идеологии, основ духовности и правового воспитания Бухарского государственного университета, Бухара, Республика Узбекистан

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой «Второй иностранный язык и методика обучения иностранному языку» Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых», Владимир, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусства, Минск, Республика Беларусь

Масанори Гото, доктор гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета, Хоккайдо, Япония

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана, Ташкент, Республика Узбекистан

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета, Душанбе, Республика Таджикистан

Яниоголо Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Комратского государственного университета, Комрат, Республика Молдова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет», Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация

Брагина Дария Григорьевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований ГУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)», Якутск, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

Владыкина Татьяна Григорьевна, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, Российская Федерация

Годובהва Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ», Казань, Российская Федерация

Джунджузов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация

Карлушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева», Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Угачевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук», Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, Владивосток, Российская Федерация

Кучаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка ФГБОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Матлин Михаил Гершенович, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «Тюркология» ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», Кызыл, Российская Федерация

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. В. Городовикова», Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузиколович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российской-Таджикского (Славянского) университета, Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанова Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования ФГБОУ ВО «Хакаский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Таулановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами ФГБОУ ВО «Мариийский государственный университет», Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

Цалпагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора ГБУК «Музей Чеченской Республики», заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko – doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

Evgenia A. Zhuravleva – doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics at NJC "L. N. Gumilyov Eurasian National University", Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Sulaymon I. Inoyatov – doctor of historical sciences, professor of the department of national ideology, fundamentals of spirituality and legal education at Bukhara State University (Uzbekistan), academician at Turon Academy of sciences, academician at "International Teacher's Training Academy of Science", Bukhara, Republic of Uzbekistan

Vera V. Koroleva – doctor of philological sciences, associate professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages" of FSBEI of HE "Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs", Vladimir, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya – doctor of art history, professor of the department of cultural studies of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Goto Masanori – doctor of humanities (Ph.D.), Human Science, Osaka University, 2003), professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Anton K. Salmir – doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Myratgeldi Soyegov – doctor of philological sciences, professor, full member-academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, visiting research adviser at Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Mikhail V. Strelets – doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

Marfua A. Khamidova – doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training at The State Conservatory of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Rakhmonali Ya. Sharifov – doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Mariya A. Yanioglo – doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina – doctor of pedagogical sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the FSBEI of HE "Orel State University named after I. S. Turgenev", Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula – doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications FSBEI of HE "Murmansk Arctic State University", Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman – candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history of FSBEI of HPE FSBEI of HPE "Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University", Cheboksary, Russian Federation

Daria G. Bragina – doctor of historical sciences, chief research fellow of the department of ethnosocial and ethnoeconomic research of the SI "Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)", Yakutsk, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva – candidate of art history, senior research fellow of art history at BSI "Chuvash State Institute of Humanities" of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Russian Federation

Tatyana G. Vladykina – doctor of philological sciences, professor, leading research fellow of Philological Research Department FSBEI "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of RAS", Cheboksary, Russian Federation

Elena V. Godovova – doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History of the FSBEI of HE "Orenburg State Pedagogical University", Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina – doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Russia

Denis V. Davydov – doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management of the FSBEI of HE "Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI", Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov – doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history of the FSBEI of HE "Orenburg State Pedagogical University", Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova – doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism of the FSBEI of HE "I. N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina – doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education of the FSBEI of HE "Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev", Saransk, Russian Federation

Baatur U. Kitinov – doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History of the FSBSI "Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina – doctor of philological sciences, leading research fellow, head of the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva – candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altai languages department of FPFIS "Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina – doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French at FSPMEI of HE "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Mikhail G. Matlin – doctor of philological sciences, professor of Russian language, literature and journalism department FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation

Natalya M. Mosina – doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication of the FSBEI of HE "National Research Ogarev Mordovia State University", Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova – candidate of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries of the FSEI of HPE "Moscow State Lomonosov University", Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak – doctor of philological sciences, leading research fellow of Scientific and Educational Center "Turkology" of Tuva State University, Kyzyl, Russian Federation

Arkadiy B. Pankin – doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair of FSBEI of HE "Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov", Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov – doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science of FSAEI of HE "V.I. Vernadsky Crimean Federal University", Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov – doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova – doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language at FSBEI of HE "Smolensk State University", Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva – doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina – candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies of FSBEI of HE "Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)", Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina – doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History of the FSAEI of HE "National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod", Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva – doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education of FSBEI of HE "N.F. Katanov Khakas State University", Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova – doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work of the FSBEI of HE "Gorno-Altai State University", Gorno-Altai, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova – doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova – doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature of the SEI "Khujand State University named after Academician B. Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova – doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems of FSBEI of HE "Mari State University", honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin – candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines of BEI HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova – doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara E. Elbuzdukaeva – doctor of historical sciences, first deputy general director of SBCI "Museum of the Chechen Republic", head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Afiya Sh. Yusupova – doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, of the Institute of Philology and Intercultural Communication of the FSAEI of HE "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha – doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova – doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation

От редактора.....	7
-------------------	---

Этнография, этнология и антропология

<i>Аминов А. Х.</i> Фольклорные аспекты похоронно-траурных обрядов жителей Бадахшана.....	8
<i>Брагина Д. Г.</i> О современных факторах идентичности якутов на рубеже XX–XXI вв.....	12
<i>Грищенко А. Б.</i> Особенности фиксации архитектурного наследия в белорусском изобразительном искусстве (на примере выставки «Мой Минск – мое вдохновение»).....	18

Языки и литературы народов мира

<i>Максимов С. А.</i> О структуре бесермянского словаря, составляемого по материалам Т. И. Тепляшиной.....	23
<i>Мосина Н. М.</i> Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «домашнее животное» в мордовских и финском языках.....	31
<i>Савицкий В. М., Гадалин Д. В.</i> К вопросу об объеме и содержании понятия «фразеоматизм» (на материале английского языка).....	37
<i>Фомин Э. В.</i> К вопросу о чебоксарском шибболете.....	41
<i>Шибанов В. Л.</i> Форма хокку в удмуртской поэзии.....	45

Этнокультурные проблемы образования

<i>Камаева М.П.</i> Исследование этнической и гражданской идентичности студентов вуза.....	51
--	----

Обзоры и рецензии

<i>Годовова Е.В.</i> Рецензия на: Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2011. 164 с.	56
--	----

CONTENTS

From the editor-in-chief..... 7

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Abdulfattokh Kh. Aminov. Folklore Aspects of Funeral and Mourning Rites of Badakhshan Residents..... 8

Daria G. Bragina. About Modern Factors of Yakut Identity at the Turn of the XX–XXI Centuries..... 12

Anton B. Grishchenko. Features of Fixing the Architectural Heritage in the Belarusian Fine Arts (On the Example of the Exhibition «My Minsk – My Inspiration»)..... 18

World languages and literature

Sergey A. Maksimov. On the Structure of the Beserman Dictionary Based on the Materials of T. I. Teplyashina..... 23

Natalya M. Mosina. Comparative Analysis of Phraseological Units with the Zoonym Component «Domestic Animal» in the Mordovian and Finnish Languages..... 31

Vladimir M. Savitskij, Denis V. Gadalin. The Scope and Content of the Notion of Phraseomatic Unit (Based on the English Language Material)..... 37

Eduard V. Fomin. On the Question of the Cheboksary Shibboleth..... 41

Victor L. Shibanov. Haiku Form in Udmurt Poetry..... 45

Ethno-Cultural Problems of Education

Marina P. Kamaeva. On the Issue of Ethnic and Civic Identity of University Students..... 51

Reviews and Peer-Reviews

Elena V. Godovova. Review on: Tagirova L. F. (2011). Cantonal Chiefs of Bashkiria: The National Regional Elite of the First Half of the XIX century, 164..... 56

Дорогие авторы и читатели!

Журнал «Этническая культура» продолжает публиковать материалы современных исследований, в которых рассматриваются самые разные вопросы: место и роль этнических культур в истории человеческой цивилизации; механизмы образования этнокультурных традиций и методологические подходы к их изучению; различные компоненты культуры, выражающие ее этническую сущность; и в целом – удивительно богатый и сложный мир этнокультурных явлений и процессов.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала «Этническая культура», которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах. Мы намерены продолжить творческое сотрудничество с ними и последовательно будем выполнять главную миссию журнала – развитие плодотворного диалога, обмен опытом в области искусства, культуры, науки и образования для представителей различных этносов. Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают авторам и читателям крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений! Пусть трудолюбие, искренность, профессионализм позволяют решать самые сложные задачи, покорять любые вершины!

С искренними пожеланиями

Баскакова Н.И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

The “Ethnic culture” journal continues to publish different materials of contemporary researches which examine different issues: place and role of ethnic cultures throughout the history of human civilization, development mechanisms of ethnocultural traditions and methodological approaches to their study; different cultural components which express its ethnic entity; and after all – remarkably rich and complex world of ethnocultural events and processes.

Editorial staff and editorial board express our sincere gratitude to all external experts of the “Ethnic culture” journal, who shared their professional opinion on published materials. We intend to continue our creative cooperation with them and successively carry out the journal’s main mission, i.e. development of fruitful dialogue, exchange experience in fields of art, culture, science and education for the representatives of different ethnicities. Editorial council, academic staff and Chuvash State Institute of Culture and Arts’ authorities wish the authors and the readers good health, new scientific discoveries and creative achievements! May industriousness, sincerity and professionalism aid you in solving the hardest tasks and to conquer any summits!

With sincere wishes

The Sincere wishes
Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Фольклорные аспекты похоронно-траурных обрядов жителей Бадрахшана

DOI 10.31483/r-102835

УДК 393.05(575.3)

Аминов А. Х.

Научно-исследовательский институт культуры и информации
при Министерстве культуры Республики Таджикистан,
Душанбе, Республика Таджикистан.

 <https://orcid.org/0000-0002-8804-8994>, e-mail: raboni_81@mail.ru

Резюме: Статья посвящена одной из сфер духовной культуры жителей Бадрахшана – похоронно-траурным обрядам, в которых отразились многие традиционные представления местного населения. *Цель* статьи – выявить отличительные культурные черты в похоронно-траурных обрядах жителей Бадрахшана. Содержание статьи основано на *материале*, накопленном автором из народных рассказов, верований и обычаев похорон и траурных церемоний, результатов опросов местных жителей, знатоков местных ритуалов и активных участников соответствующих обрядов, а также на взглядах предыдущих исследователей. На основе *метода* включенного наблюдения, интервью, сравнительных методов были проанализированы различные стороны особенностей похоронно-поминальных обрядов, таких как чтение заупокойной молитвы (джаноза), похоронное зажигание светильника «Чарогравшан» (Зажигание светильника), которые составляют основу религиозных обрядов скорбящих семей шиитских исмаилитов Бадрахшана. В *заключении* статьи приводятся выводы об основных элементах обряда «Чарогравшан»: чтение аятов Корана, связанных со светом; прочтение «Кандилнаме (Чарогнаме)»; молитвы для зажжения лампы; чтение хвалебных стихов из поэзии Насира Хосрова; славословие во имя пророка Мухаммада (мир ему и благословение); молитвы и особые аяты, связанные с горем; проверка светильника халифом и присутствующими; молитвы и благословения для упокоя души умершего.

Ключевые слова: Бадрахшан, таджики, похоронно-траурные обряды, поверья, ритуал.

Для цитирования: Аминов А. Х. Фольклорные аспекты похоронно-траурных обрядов жителей Бадрахшана // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 8-11. DOI:10.31483/r-102835.

Research Article

Folklore Aspects of Funeral and Mourning Rites of Badakhshan Residents

Abdulfattokh Kh. Aminov

Scientific Research Institute of Culture and Information
under the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan,
Dushanbe, Republic of Tajikistan.

 <https://orcid.org/0000-0002-8804-8994>, e-mail: raboni_81@mail.ru

Abstract: The article is devoted to one of the spheres of the spiritual culture of the inhabitants of Badakhshan – funeral and mourning rites, which reflected many of the traditional ideas of the local population. The *purpose* of the article is to reveal the distinctive cultural features in the funeral and mourning rites of the inhabitants of Badakhshan. The content of the article is based on the *material* accumulated by the author from folk stories, beliefs and customs of funerals and mourning ceremonies, the results of surveys of local residents, experts on local rituals and active participants in the relevant rites, as well as the views of previous researchers. On the basis of the *method* of participant observation, interviews, comparative methods, various aspects of the features of funeral and memorial rites were analyzed, such as reading a prayer for the dead (janoz), funeral lighting of the lamp “Charo gravshan” (Lighting the lamp), which form the basis of the religious rites of the mourning Shiite families. Ismailis of Badakhshan. At the end of the article, *conclusions* are given about the main elements of the rite “Charo gravshan”: reading the verses of the Koran associated with light; reading “Kandilname (Charo gname)”; prayers for lighting a lamp; reading laudatory verses from the poetry of Nasir Khosrov; praise in the name of the Prophet Muhammad (peace and blessings be upon him); prayers and special verses related to grief; checking the lamp by the caliph and those present; prayers and blessings for the repose of the soul of the deceased.

Keywords: Badakhshan, Tajiks, funeral and mourning rites, legends, ritual

For citation: Aminov A. Kh. (2022). Folklore Aspects of Funeral and Mourning Rites of Badakhshan Residents. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 8-11. (in Russ.). DOI:10.31483/r-102835.

Введение

Похоронно-траурные обряды жителей Бадрахшана являются отражением их народной мудрости, духовной культуры и традиционных представлений о мироустройстве. К настоящему времени раскрыты многие стороны традиционной обрядности жителей Памира. Цель статьи – раскрыть этнокультурные особенности погребально-поминальной обрядности шиитского населения Бадрахшана в аспекте поверий и примет, поминальных стихов и песен.

Среди жителей Горного Бадрахшана и других регионов страны в обычаях и образе жизни, независимо от того,

проживают ли они на одной территории, существует много различий. Всякое изменение, которое существует среди жителей Бадрахшана, имеет свою причину. Во-первых, Бадрахшан, как горный регион, из-за своего расположения далек от центра и расположен между высокими горами. Кроме того, по вероисповеданию Горно-Бадрахшанская автономная область – единственная область в Республике Таджикистан, где около 75 процентов населения являются шиитами-исмаилитами. Естественно, их убеждения, речь и обычаи и традиции формируются в рамках устоев данного мусульманского течения.

Следует отметить, что многие траурные церемонии и связанные с ними ритуалы изучались такими учеными, как М. С. Андреев [Андреев, 1927; Андреев, 1953], А. Д. Бобоев [Бобоев, 1965], А. А. Бобринский [Бобринской, 1908], А. Мардонова [Мардонова, 1998], Н. Шакармамадов [Шакармамадов, 2006], А. А. Шоинбеков [Шоинбеков, 2007], З. Юсуфбекова [Юсуфбекова, 2015] и др., которые по данному направлению осуществили исследования и опубликовали книги и монографии. После научной экспедиции в регион Горного Бадахшана и непосредственного знакомства с условиями жизни его жителей, мы также намерились исследовать некоторые детали траурных церемоний данного регионе, основываясь на утверждениях выше-названных исследователей.

Материалы и методы

В исследовании использовались методы включенного наблюдения, интервью, метод сравнительного анализа. Материалом для исследования послужили народные рассказы, верования, обычаи похорон и траурных церемоний, результаты опросов местных жителей, знатоков местных ритуалов и активных участников соответствующих обрядов, а также труды предыдущих исследователей.

Результаты и их обсуждение

Траурные церемонии шиитского населения Бадахшана состоят из джаназы, похорон, траурной церемонии *чарогравшан* (зажжение огня) и *сиёхибарон*, которые завершаются уже через три или четыре дня после похорон. Именно во время этих четырех траурных церемоний выполняется ряд связанных с верой ритуалов, которых не существует в других регионах. Наряду с этим, в указанных церемониях используется множество поверий и примет, поминальных стихов и песен.

Известно, что жители Бадахшана до сих пор живут в традиционных домах. В целом, дом бадахшанцев называется «*чид*». Интерьер бадахшанских домов разделен на пять частей пятью колоннами под именами Мухаммад, Али, Фатима и Хасану Хусейн. У указанных пяти частей дома тоже есть свои названия. Первая часть называется «*далез*» (коридор) и является входом в дом. Вторая часть дома называется «*барнех*», это место для гостей и досточтимых людей. В третьей части, называемой «*китсор*», располагаются хозяева дома (в основном домохозяйки). В одном углу китсора – домашняя утварь – одеяла, циновки, скатерти, хлеб, сахар и другие продукты. Четвертая часть дома находится на стороне *киблы* (направление в сторону священной Каабы в г. Мекке) и называется «*вознех*». Это самое святое и чистое место в доме бадахшанцев. По словам рассказчиков, здесь происходит рождение ребенка, и отсюда выносят покойника. Кроме того, в этой части дома есть «*санч*» – очаг, который необходим как для выпечки, так и для обогрева дома. Пятая часть называется «*пойгах*», она как сцена и расположена примерно на один метр ниже остальных частей. *Пойгах* – это большое пространство для проведения праздников, мероприятий и танцев.

Когда человек умирает, халиф читает священную суру «Ясин» над его головой и медленно завязывает его подбородок белой тканью. Затем тело помещают в центр *вознеха*, чтобы родственники могли сидеть вокруг него и другу другу говорить утешительные слова. Голова покойника повернута в сторону *киблы* и покрыта красной тканью. Красный цвет обладает множеством символов и значений в культуре жителей Бадахшана. До наступления время молитвы для погребения (джаназы), которые иногда длятся до суток, жители Бадахшана особо громко не оплакивают покойника. Один из традиционных обычаев жителей Бадахшана – женщины и девушки тихо поют над головой покойника «*лалаик*». Лалаик – это песня, которую поют как колыбельную, и этой же песней отправляют покойного в вечный сон. В связи с этим исследователь М. Шохджамолов приводит: «После смерти покойника на время покрывают красной тканью, и близкие родственники, в том числе женщины и девушки, оплакивают его, и как ребенка, покойника укладывают спать грустной песней «Лалаик» [Шохджамолов, 2014, с. 352].

В каждом районе данного региона есть мастера, которые поют мягким голосом погребальные песни. *Мадхия* – это песня, которая исполняется тем же тоном, что и *наъд*. Тексты песен имеют нравственное, успокаивающее содержание и в основном почерпаны из газелей персидских и таджикских поэтов – Хафиза Ширази, Абдурахмана Джамии, Джалолиддина Руми, Носир Хосрова и других. Во время песнопения используются музыкальные инструменты: бадахшанский *рубаб*, *даф* и *гиджак*.

В этом случае старики и пожилые женщины семьи исполняют танец *поймамал*. Танец исполняется под задушевую музыку гиджака и специальных ударов дафа. «В танце поймамал не так много движений. Основу этого танца составляют движения стоп. Поэтому его называют «поймамал». В этом танце руки не должны подниматься выше плеч, оказывается, что, если руки поднимутся слишком сильно, танец будет полон радости и счастья. Иногда широкими ладонями руки поднимаются к небу, как бы взывая к Богу: «О Боже, прими дух этого покойника». При движении ноги в половину оборота, правая рука кладется на сердце, а левая кладется на бок. Это означает: «друзья, мое сердце полно горя и стан мой сгорбился». При другом полуобороте ноги левая рука находится ниже груди, то есть возле печени, а правая – на бок, как будто танцор страдает от боли в печени и сгорбленного стана»¹.

Раньше этот танец исполняли взрослые всех возрастов, но сегодня во всех селениях осталась лишь горстка людей, которые танцуют на похоронах жителей танец поймамал. Есть опасность утратить традиции этого танца. Еще одна особенность танца поймамал – его исполняют в старой, изорванной одежде и с черными щечками. По словам рассказчиков, в предыдущие годы в этом танце были некоторые движения, подобные царапанию лица, вырыванию волос и разрыванию воро-

¹ Информатор Давлатмандов Саркори, кишлак Сипандж, сельский джамоат Бартанг, Рушанский район Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан.

та. В наши дни это символически отражается в одежде и лице исполнителя. Таким образом, с заукокойными песнями, танцами пойамал и воспитательными назиданиями старейшин, а также молитвами и благословениями халифов покойный отправляется к месту его последнего упокоения.

Подобно танцу «пойамал», Д. Рахимов указал на существование танцев и в других частях страны: «Один из самых древнейших таджикских ритуалов – это танец в день похорон, который удалось увидеть этнографам. В Шахринавском, Гиссарском, Турсунзадевском и частично в Файзабадском, Оби Гармском и Раштском районах траурные танцы назывались «садр», «само» и «судур». *Садиррави* – это групповой танец, исполняемый женщинами в день похорон молодого человека. В некоторых деревнях Дарваза в день похорон женщины собирались вокруг пустых носилок, а один из родственников покойницы медленно кружился вокруг носилок. Он двигал руками направо и налево и мягко ходил под стоны» [Рахимов, 2015, с. 17].

Для сравнения, если взглянуть на другие регионы страны, траурные танцы исполняются чаще только после смерти молодых людей. Но по рассказам, танец *пойамал* исполняется для всех покойников в Бадахшане. С другой стороны, если танцующими танец скорби в Раште и Гиссарской долине бывают только женщины, то в Бадахшане и мужчины его исполняют.

Следует отметить, что скорбные песни и танцы связаны с древними поверьями жителей данного региона. Словно этими действиями они отправляют душу покойника к ее первоисточнику, то есть к творцу. Есть даже поверье, что душа возродится в лице одного из родственников семьи. В связи с этим этнограф З. Юсуфбекова привела пример. «Женщина забывает гребень на стойке крыши. Через некоторое время после ее смерти в этом же доме рождается девочка. Когда девочка вырастет и научится говорить, она повернется к крыше и попросит, чтобы гребешок принадлежал ей и был отдан ей. Все члены семьи считают, что девочка унаследовала дух бабушки» [Юсуфбекова, 2015, с. 149].

Среди шиитов Бадахшана не принято, чтобы родственники и соседи приносили деньги и получали благодарственную молитву. Готовить также не принято. Тем, кто пришел на похороны или для утешения при необходимости приносят только чай. Другие обряды после погребения, во время которых готовят пищу во имя милости, – седьмой день, по каждому понедельнику, четвергам и сорок дней среди здешнего населения не распространены.

Одна из важнейших традиций шиитов исмаилитского толка Бадахшана – *чарогравшан*. *Чарогравшан* проводится как обряд на вторую ночь после погребения в доме усопшего. По мнению жителей Бадахшана, человеческая душа связана со светом, и в эту ночь обязательно зажигать лампу, чтобы успокоить и очистить дух умершего.

Церемония зажжения огня проводится халифом и его последователями в присутствии близких умерше-

го и других родственников. Во время этой церемонии перед халифом ставят особую *чарогдон* (лампу), *пилта* (фитиль) и *далилак* (палочку) с оливковым маслом. Затем, читая «Чарогнаме», халиф зажигает лампу, а помощники халифа продолжают вертеть фитиль до конца церемонии. Раньше зажжение огня длилось три часа и более. В настоящее время проводится всего за полчаса.

Для проведения обряда зажжения огня не используют обычные лампы освещения. Чарогдон – лампа особенная, сделана из особого камня, который в Рушане и Шугнгане называется «сангалич». Эта лампа находится в руках халифов как священный атрибут.

По словам информатора К. Бахромбекова, «церемония зажжения состоит из следующих частей:

1. Чтение аятов Корана, связанных со светом.
2. Прочтение «Кандилнаме (Чарогнаме)».
3. Молитвы для зажжения лампы.
4. Чтение хвалебных стихов из поэзии Насира Хосрова.
5. Славословие во имя пророка Мухаммада (мир ему и благословение).
6. Молитвы и особые аяты, связанные с горем.
7. Проверка светильника халифом и присутствующими.
8. Молитвы и благословения для упокоя души умершего»².

По поверьям этого народа, зажжение огня – это своего рода действие, связанное со светом Аллаха. Они придерживаются мнения, что «Аллах дарует свой свет и красоту пророку Мухаммаду. Часть этого света достается Хазрату Али. Поэтому его последователи отдают дань уважения свету и посредством этой церемонии отправляют человеческую душу в потусторонний мир»³.

Самая важная траурная церемония для шиитов исмаилитского толка – это зажжение огня. Истинная суть зажжения огня – это призыв к чистоте и добру. Человек, зажигающий лампу, должен провести остаток своей жизни в чистоте и честности. «Внутренняя философия зажжения огня также выражается в призыве к вечности. Инициатор призыва вечности – это человек, в присутствии которого проводится церемония зажжения огня, словно этот человек умер. Следовательно, этот человек, проводящий собрание вечности, должен провести остаток своей жизни в чистоте, с добрыми мыслями и добрыми делами. «Умри, прежде чем умрешь» – суть призыва к вечности» [Шохджамолов, 2014, с. 350].

Выводы

Таким образом, по мнению жителей этого региона, зажжение огня – важнейший и обязательный ритуал семьи умершего. В этой церемонии подается только ужин, состоящий из блюда *камачтарит* и *ширравган*, что не

² Информатор Бахромбеков Киёбек. кишлак Рож, сельский джамоат Сучон, Шугнганский район Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана.

³ Информатор Бахромбеков Киёбек. кишлак Рож, сельский джамоат Сучон, Шугнганский район Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана.

требует больших финансовых затрат. Данный факт является наиболее характерной отличительной особенностью церемонии. Кроме этого, мы уточнили составные элементы церемонии зажжения светильника – Чаро-гравшан, характерные для жителей Бадахшана.

В целом изучение библиографических сведений и наблюдения за местными жителями показывает, что

население Бадахшана живет в атмосфере древних поверий и традиционных представлений. Каждый момент своей жизни люди связывают с окружающей средой и природой, и сообразно сложившимся представлениям о мироустройстве они проводят церемонии похорон и траур.

Список литературы

1. Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабод : Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1953. Выпуск I. 252 с.
2. Андреев М. С. Из материалов по мифологии таджиков // По Таджикистану : краткий отчет о работе этнографических экспедиций в Таджикистане в 1925 году. Выпуск 1. Ташкент, 1927. С. 77–86.
3. Бобоев А. Д. Редкие находки с крупных кладбищ Восточного Памира // Вести Академии наук Таджикской ССР. Отдел социальных наук. 1965. №1 (39). С. 71–81.
4. Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам графа А. А. Бобринского. Москва, 1908. 150 с.
5. Мардонова А. Традиционные похоронно-поминальные обряды таджиков Гиссарской долины (конца XIX – начала XX века). Душанбе: Дониш, 1998. 236 с.
6. Рахимов Д. Траурные традиции // Энциклопедия традиционной культуры таджикского народа. Душанбе: СИ-ЭМТ, 2015. Т. 1. С. 17.
7. Шакармамадов Н. Бадахшан на пути всемирной цивилизации. Душанбе : Дониш, 2006. 146 с.
8. Шоинбеков А. А. Традиционная погребально-поминальная обрядность исмаилитов Западного Памира: конец XIX – начало XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007. 17 с.
9. Шохджамолов М. Чарогравшан // Шугнан. Душанбе : Ирфон, 2014. 704 с.
10. Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX века). Москва, 2015. 220 с.

References

1. Andreev, M. S. (1953). *Tadjhiki doliny Huf*, 252. Stalinobod: Izdatel'stvo Akademii nauk Tadjhikskoj SSR. Vypusk I.
2. Andreev, M. S. (1927). *Iz materialov po mifologii tadjhikov. Po Tadjhikistanu : kratkij otchet o rabote etnograficheskikh ekspeditsij v Tadjhikistane v 1925 godu.* (Vol. 1, pp. 77–86). Tashkent.
3. Boboev, A. D. (1965). *Redkie nakhodki s krupnykh kladbishch Vostochnogo Pamira.* *Vesti Akademii nauk Tadjhikskoj SSR.* Otdel sotsial'nykh nauk, 1(39), 71-81.
4. Bobrinskoj, A. A. (1908). *Gorcy verhov'ev Pyandzha (vahancy i ishkashimcy).* *Ocherki byta po putevym zametkam grafa A. A. Bobrinskogo*, 150. Moskva.
5. Mardonova, A. (1998). *Tradicionnye pohoronno-pominal'nye obyady tadjhikov Gissarskoj doliny (konca XIX – nachala XX veka*, 236. Dushanbe: Donish.
6. Rakhimov, D. (2015). *Traurnye traditsii.* *Enciklopediya tradicionnoj kul'tury tadjhikskogo naroda.* (Vol. 1, p. 17). Dushanbe: SIEMT.
7. Shakarmamadov, N. (2006). *Badakhshan na puti vsemirnoi tsivilizatsii*, 146. Dushanbe : Donish.
8. Shoinbekov, A. A. (2007). *Tradicionnaya pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' ismailitov Zapadnogo Pamira: konec XIX – nachalo XXI vv. : avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk*, 17. Sankt-Peterburg.
9. Shohdzhamolov M. (2014). *Charogravshan.* *Shugnan*, 704. Dushanbe : Irfon.
10. Yusufbekova, Z. (2015). *Sem'ya i semejnij byt shugnancev (konec XIX – nachalo XX veka)*, 220. Moskva.

Информация об авторе

Аминов Абдулфаттох Хакимович – кандидат филологических наук, заместитель директора по науке, Научно-исследовательский институт культуры и информации при Министерстве культуры Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан.

Information about the author

Abdulfattokh Kh. Aminov – candidate of philological sciences, deputy director for science, Scientific Research Institute of Culture and Information under the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Поступила в редакцию / Received 07.06.2022

Принята к публикации / Accepted 29.06.2022

Опубликована / Published 01.09.2022

О современных факторах идентичности якутов на рубеже XX–XXI вв.

DOI 10.31483/r-103550

УДК 316.4(=512.157)

Брагина Д. Г.

ГУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)», Якутск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0001-8289-1043>, e-mail: filial_spgucac@mail.ru

Резюме: В условиях исторически сложившегося этнического многообразия в Республике Саха (Якутия), сложного развития рыночных отношений и усиления роли этнического фактора остро встают проблемы этносоциальной адаптации коренного населения. *Цель* статьи – изучение структуры самоидентификации личности и исследование различных форм идентичности – этнокультурной, языковой и этнической. Одним из основных источников исследования проблем этничности послужили как различные статистические материалы, данные этносоциологического обследования, так и полевые этнографические материалы, полученные автором статьи в процессе экспедиционных и стационарных работ в улусах республики за последнюю четверть XX в. – начала XXI в. Автором при написании работы применены как *методы* полевого исследования с целью сбора первоначального материала, так и теоретико-методологические. В статье делается *вывод* о том, что при наличии проблемы функционирования якутского языка и его утраты частью городского якутского населения не приводит к утрате якутской идентичности. Напротив, отчасти утрата родного языка лицами якутской национальности, как оказалось, ведет к усилению их этнокультурной идентичности. Динамика численности якутов свидетельствует, что этнический фактор играет большую роль в идентификации личности. *Результаты* работы подтверждают тезис, что этничность, компенсируя ослабление гражданской идентичности, становится определяющей стратифицирующей категорией, приобретающей ранг этнополитической. В целом, несмотря на влияние различных факторов, материалы этносоциологических исследований в Якутии показали высокую степень проявления как этнической идентичности, так и этнокультурной, отчасти и языковой.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнокультурная идентичность, языковая идентичность, этническая толерантность, национальное самосознание.

Для цитирования: Брагина Д. Г. О современных факторах идентичности якутов на рубеже XX–XXI вв. // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 12–17. DOI:10.31483/r-103550.

Review Article

About Modern Factors of Yakut Identity at the Turn of the XX–XXI Centuries

Daria G. Bragina

 SI "Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)", Yakutsk, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0001-8289-1043>, e-mail: filial_spgucac@mail.ru

Abstract: In the conditions of the historically established ethnic diversity in the Republic of Sakha (Yakutia), the complex development of market relations and the strengthening of the role of the ethnic factor, the problems of ethno-social adaptation of the indigenous population arises. The *purpose* of the article is to study the structure of a person's self-identification and to research various forms of identity such as ethno-cultural, linguistic and ethnic. One of the main sources for studying the problems of ethnicity was both various statistical materials, data from an ethno-sociological survey, and field ethnographic materials obtained by the author of the article in the course of expeditionary and stationary work in the uluses of the republic over the last quarter of the XX century – the beginning of the XXI century. When writing the work, the author applied both *methods* of field research in order to collect initial material, as well as theoretical and methodological ones. The article *concludes* that if there is a problem with the functioning of the Yakut language and its loss by a part of the urban Yakut population, it does not lead to the loss of Yakut identity. On the contrary, partly the loss of their native language by people of Yakut nationality, as it turned out, leads to the strengthening of their ethno-cultural identity. The dynamic of the number of Yakuts shows that the ethnic factor plays an important role in the identification of a person. The *results* of the work confirm the thesis that ethnicity, compensating for the weakening of civic identity, becomes a defining stratifying category, acquiring the ethnopolitical rank. In general, despite the influence of various factors, the materials of ethno-sociological studies in Yakutia showed a high degree of manifestation of both ethnic and ethno-cultural identity, and partly linguistic.

Keywords: ethnic identity, ethno-cultural identity, linguistic identity, ethnic tolerance, national identity.

For citation: Bragina D. G. (2022). About Modern Factors of Yakut Identity at the Turn of the XX–XXI Centuries. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 12–17. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103550.

Введение

Якутия – многонациональная республика, и это обуславливает актуальность поиска путей её гармоничного развития. В ситуации исторически сложившейся многонациональности республики и сложного развития рыночных отношений остро встают проблемы этносоциальной адаптации коренного населения. В современных условиях усиления роли этнического фактора важность приобретает научное осмысление данного феномена как существенного элемента системы межэтнической коммуникации. Научная новизна

предлагаемой нами работы состоит в попытке изучения на основе сравнительного анализа этнического самосознания таких взаимосвязанных форм идентичности у якутов, как этнокультурная, языковая и этническая.

В современных условиях глобализации раскрытие особенностей этнического развития якутского этноса требует должного концептуального научного освещения. В связи с этим теоретическая значимость данной статьи заключается в применении системного подхода в изучении важнейших этниче-

ских компонентов якутского этноса как проявления различных форм этнического самосознания.

С признанием положения, что ни одна из существующих ныне концепций не может претендовать на универсальное раскрытие сущности этноса, сути этнической составляющей в социуме, в современной этнологии идёт интенсивный поиск исторически оправданной и научно обоснованной теоретико-методологической основы исследования этноса, природы этничности. Развитие науки, как свидетельствует ее история, происходит, в конечном счете, не на путях конфронтации к ранее накопленному опыту, а его критического осмысления в интересах дальнейшего развития.

При всех существующих принципиальных различиях в подходах к трактовке этничности среди исследователей растет понимание необходимости разумной интеграции различных научных теорий и концепций, в том числе и тех, которые, так или иначе, интерпретируют место и роль этничности в современной социокультурной реальности.

Усиление роли этничности в современной жизни подчеркивает и практическую значимость данной статьи. Представляется, что развитие конкретных региональных исследований позволит как уточнить те или иные концептуальные положения, так и расширить эмпирическую базу для выдвижения новых суждений теоретико-методологического плана.

Существенный импульс для проведения конкретных этнорегиональных исследований дают современные дискуссии, научная полемика в работах В. А. Тишкова [Тишков, 1997, 2003], С. В. Чешко [Чешко, 1996], В. В. Коротеевой [Коротеева, 1999], Н. Г. Скворцова [Скворцов, 1997] и других, направленных на дальнейшее осмысление проблем этничности, теории этноса. Значительный вклад в изучение различных российских этносов вносят этносоциологические исследования, проведенные под руководством Л. М. Дробижевой, в которых Якутия является одним из объектов исследования [Дробижева и др., 1995, 1996, 2002]. Этнорегиональное исследование в Якутии было проведено Д.Г. Брагиной [Брагина, 2005].

Материалы и методы

Одним из основных источников исследования проблем этничности послужили как различные статистические материалы, данные этносоциологического обследования, так и полевые этнографические материалы, полученные автором статьи в процессе экспедиционных и стационарных работ в улусах республики за последнюю четверть XX в. – начало XXI в. Автором при написании работы применены как методы полевого исследования с целью сбора первоначального материала, так и теоретико-методологические. Методологически вполне оправданным и актуальным представляется выделение в этническом самосознании таких трех системообразующих компонентов, как самоназвание (эндо- и экзоэтноним), самоотнесение (этнотерриториальная идентификация) и самоутверждение (совокупность ценностных ориентаций и этнопсихологических императивов, или менталитет). Представляется

справедливым, что «деформация этих компонентов, переходящая критический барьер, приводит к утрате этнического самосознания данного этноса...» [Мыльников, 2002:5]. Подход к этническому самосознанию как к исключительной конституирующей основе этнической общности во всех ее типологических ипостасях получает все более широкое признание в отечественной науке. Это понятно, если учесть, что в нем как бы синтезируется весь сложный комплекс популяционных, историко-культурных и поведенческих черт, присущих этносу. И хотя само это явление, обозначаемое в западной концепции этничности как «этническая идентичность», остается недостаточно проясненным, тем не менее оно активно используется при изучении особенностей проявления этничности, современных этнических и этнокультурных процессов, протекающих в России. Таким образом, говорить о какой-либо завершенности поисков оптимальной парадигмы изучения этничности, процессов, протекающих в жизни этносов, понимании их природы, статуса, взаимодействия друг с другом было бы преждевременно. Но и сделанное здесь дает основание для оптимизма исследователям, изучающим многообразные формы проявления этничности на региональном уровне.

Результаты

Для понимания истоков формирования этнокультурной идентичности важен экскурс в историю. Сложение общности якутов уходит корнями в эпоху ранних кочевников, когда в Центральной Азии и в Южной Сибири развивались культуры скифо-гуннского типа, связанные своим происхождением с иранскими племенами (II тыс. до н. э.). Новейшие исследования показывают двойственное происхождение европейских линий в генофонде населения Якутии – часть привнесена в более поздний период европейцами с XVII в., другие имеют древнее происхождение, связанное с регионами Ближнего Востока, Средней Азии и Южной Сибири [Генетическая..., 2015; Фефелова, 2014]. В древнетюркскую эпоху, начавшуюся в VI в., происходило формирование тюркских основ якутского языка и культуры. Тюркские предки якутов отнесены к телесским племенам, к числу которых относились и курыканы Прибайкалья. В происхождении курыкан принимали участие монголоязычные скотоводы. Впоследствии якуты через своих прибайкальских предков распространили на Средней Лене скотоводческое хозяйство. В этногенезе якутов прослеживается участие второй тюркоязычной группы с кипчакским наследием, подтвержденное присутствием в якутском языке якутско-кипчакских лексических параллелей. Происхождение первых скотоводческих групп в бассейн Средней Лены, ставших основой в сложении якутской общности, началось в XIV в. Осваивая центральные территории Якутии, они произвели коренные изменения в хозяйственной жизни региона. Мифологические воззрения якутов имеют в своей основе южносибирскую тюркскую платформу. Хозяйство, традиционная культура якутов, имея тюркско-монгольскую основу, окончательно сформировались в бассейне Средней

Лены. В целом же якутская этническая общность сложилась как результат длительных историко-культурных и этнических связей тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров [Сафронов, 1992, с. 57].

К моменту прихода русских якуты занимали Ленно-Амгинское междуречье, низовье рр. Вилюя и Олекмы, верховья р. Яны. К этому времени якуты представляли собой макроэтническую общность родов и племен, имевших свои территории расселения. Массовые откочевки якутских родов и племен в Ленском крае, вызванные ясачной политикой царизма, происходили и после прихода русских. Их передвижения приводили к перестройке родоплеменных групп, ускоряя внутренний процесс разложения родовых отношений, перемешиванию якутов из разных родоплеменных группировок. Эти перемешивания приводили к усилению межплеменных контактов и этнической консолидации [Брагина, 1985: 8–11]. Влияние оказывали и контакты с русскими, которые прибывали в Якутию в основном без семей и вступали в брачные отношения с якутками. Как отмечал И. С. Гурвич, уже в 1650-х гг. образовалось население, состоящее из потомков русских от браков с местными женщинами [Гурвич, 1966: 57]. Дети от законных браков причислялись к русскому населению. С XVII в. существенное влияние русских проявлялось и в этнокультурных процессах. Происходило усвоение якутами элементов материального быта и духовной культуры русского населения, а русские, в свою очередь, приспосабливались к северным условиям. Якутский разговорный язык имел весьма значительные общественные функции, это был язык общения представителей разных этнических групп, населяющих Якутию. По мере усиления хозяйственно-бытовых связей якуты овладевали русским языком. Особое значение имела христианизация якутского населения, оказавшая огромное влияние на духовное развитие якутов. В дореволюционный период, несмотря на узаконенное неравноправие якутов, причисленных к разряду «кочевых инородцев», между русскими и якутами протекали процессы взаимной этнической ассимиляции и культурной интеграции, оформления этнокультурной и этнической идентичностей.

В советский период межэтнические контакты претерпевают кардинальные изменения. С одной стороны, они происходили в условиях провозглашения политики национального равноправия, расцвета и сближения культур, а с другой – все большего обострения социальных проблем. До середины XX в. якуты численно преобладали, но со второй половины столетия и до конца 1980-х гг., в связи с уменьшением удельного веса якутов в условиях притока жителей других регионов и в результате процессов нивелирования национальных культур и интернационализации образа жизни, этническая интеграция на тот период начинала слабеть.

В 1990-е гг. Республика Саха (Якутия), согласно принятой республиканской Конституции, повысила свой статус, став суверенной республикой в составе Российской Федерации, получила возможность проводить самостоятельную экономическую политику и осуществлять меры социальной защиты населения. В

тот период этническая мобилизация становится важным фактором политической жизни и этническое самосознание якутского населения – народа саха – стало возрастать. Эти процессы в социально-бесконфликтной форме продолжают до настоящего времени. В последние десятилетия в культурно-бытовую сферу региона вошли современные технологии, повсеместно стали использоваться достижения науки и образования. Это влияет на перемены в ценностных ориентациях населения, частично утрачивающих прежние особенности. В то же время частично традиционные культурные традиции сохраняются, особенно в семейно-брачной сфере. В повседневной жизни этническое своеобразие продолжает сохраняться, особенно в таких значимых событиях, как рождение ребенка, свадьба и похороны. Наблюдается возрастающий интерес к традиционным элементам культуры, например, обрядам, посвященным домашним духам, духам природы, почитанию священных деревьев, духов местности, жилища, огня, соблюдению промысловых и охотничьих поверий и прочего [Алексеев, 2008]. Якуты, в основной массе сельские жители, в повседневной жизни тесно связаны с окружающей природой. Этим объясняется во многом сохранение и бытование традиционных обрядов и обычаев.

Как известно, традиционализм в этнической культуре зачастую базируется на религиозном сознании. Несмотря на борьбу прежней советской идеологии с языческими религиозными верованиями, особенно с шаманизмом, сохранились их элементы, которые до сих пор оказывают влияние на народную культуру и идентичность. Данные явления носят не собственно религиозный, а скорее общекультурный характер и связаны с ростом этнического самосознания и стремлением возродить разные направления народных духовных и творческих практик, связанных с традиционным наследием, в том числе шаманизмом. Возрождению общественного интереса к шаманизму способствовала многогранность этого явления как культурного феномена. Очищенные от архаики и мистицизма, многие явления шаманизма переживают переосмысление, становясь одним из признаков этнокультурной идентичности. Можно утверждать, что сегодня актуальность приобретает изучение проблемы религиозной идентичности. В 90-е годы XX века, переживая религиозный ренессанс, деятели якутской гуманитарно-творческой интеллигенции предпринимают усилия по возрождению традиционных религиозных воззрений якутов в модернизированном варианте, в направлении таких этнических форм религиозных учений, как, например, «Кут-сюр», «Айыы», «Тенгрианство» (культ Неба).

Важным средством проявления и укрепления этнической идентичности выступают народные праздники. В их организации и проведении традиции переплетаются с современными новациями, национальное и интернациональное. Одним из любимых праздников якутов является *Ысыах*, генетически связанный с коневодством [Эргис, 1971: 153–166]. Ныне этот праздник, получивший статус республиканского, играет большую роль в укреплении этнического самосознания,

велика его консолидирующая роль. Благодаря насыщенности этническими символами – традиционными и обновленными – этот праздник способствует укреплению национального самосознания и этнической консолидации якутского этноса.

К условиям, детерминирующим и формирующим современную языковую ситуацию в Республике Саха (Якутия), необходимо отнести изменение статуса якутского языка, этнополитические, демографические и этнокультурные факторы, под воздействием которых происходит изменение языковой ситуации. В постсоветский период актуализируется проблема развития языков коренных народов Якутии. В условиях усиления этнического многообразия национальный язык может сохраняться и развиваться, если функционирует во многих социально важных сферах жизни. Факторами распространения якутско-русского двуязычия, т. е. активного использования русского языка якутами, является рост уровня образования и увеличивающееся этническое многообразие населения. Как показывает практика, воспитание детей в дошкольных учреждениях, их обучение в школах преимущественно на русском языке нередко приводят к утрате национального языка. В якутской среде появились русскоязычные лица, идентифицирующие себя якутами, но слабо владеющие или совсем не владеющие якутским языком. Это, как правило, высокообразованная часть якутского населения.

Утрата родного языка часто усиливает явления аккультурации, в результате которых индивид, утратив традиционную этническую культуру, так и не приобщается к ценностям другой национальной культуры. Здесь особую группу составляют лица, рожденные и воспитанные в национально смешанных семьях. Во многих городских якутских семьях также характерным становится общение с детьми на русском языке. Отсюда возникает проблема – отсутствие достаточного пространства языкового общения на якутском языке. Конечно, начиная с 1990-х гг., в период утверждения республиканского суверенитета, положение якутского языка улучшилось. Тем не менее признается, что якутский язык находится в предкризисном состоянии и в связи с этим требует защиты и заботы государства.

Ограниченная функция якутского языка и сужение его использования в городской среде заметно сказываются на положении и развитии национальной культуры. В частности, становится меньше читателей книг на якутском языке. Вместе с тем необходимо отметить, что на якутском языке развивается художественная литература, издается переводная литература, функционирует музыкальная жизнь, театр, периодическая печать, работают средства массовой информации. В последнее десятилетие активно развивается якутское кино, получившее российское и международное признание. Заинтересованность в возрастании общественных функций якутского языка проявляет прежде всего национальная творческая интеллигенция. Активному функционированию якутского языка способствует и такой вид народного творчества, как художественная самодеятельность. Национальный язык и народное творчество

содействуют осознанию якутами своей этнической и этнокультурной идентичности. С активизацией в постсоветские годы миграции якутов в зарубежные страны в местах их нового проживания не происходит угасания, а наоборот, активизируется этнокультурная самоидентификация, а также наблюдается повышение интереса к культурным традициям своего народа.

Учитывая непростую языковую ситуацию, проблема видится в фактическом удержании якутским языком позиции государственного языка в республике. В октябре 1992 г. вступил в действие республиканский закон о языках, наделивший статусом государственного якутский и русский языки. Но это признание является больше политической мерой, восстанавливающей равноправие якутского языка. Фактическому же улучшению положения якутского языка может помочь последовательная реализация концепции возрождения национальной школы и дошкольного образования. По данным Министерства образования РС (Я), в конце 90-х годов почти каждый пятый школьник якутской национальности в возрасте формирования его языковой компетенции и модели языкового поведения был отчуждён от родного языка (1999 г.).

В итоге в категорию русскоязычных, т.е. лиц, владеющих только русским языком, в настоящее время входят не только русские и представители других некоренных национальностей, но и лица якутской национальности. Можно говорить поэтому о наличии проблемы как языковой компетенции, так и языковой идентичности [Современная...]

Кризисные демографические ситуации в Якутии наблюдались до середины XX века. И только со второй половины XX века численность якутов начинает постоянно увеличиваться. По данным переписи 2002 г., численность якутов на всей территории РФ достигла 444 тысячи человек, т. е. по сравнению с предыдущей переписью якутов прибавилась на 62 тысячи человек, или на 16,1%, а на территории РС (Я) их численность составляет 432 тысяч человек, т. е. по сравнению с предыдущей переписью 1989 г. прибавилась на 8,4 процента¹. Рост численности якутов во многом объясняется тем, что среди якутского населения сохраняются высокие репродуктивные установки, указывающие на ориентацию якутов на традиционную многодетность семьи. По переписи населения 2010 г., в России проживали 478,1 тыс. якутов, в Якутии – 466, 5 тыс. [Саха (Якуты), 2013: 32]. Динамика численности якутов свидетельствует о том, что этнический фактор играет большую роль в идентификации личности. А в качестве главного фактора этнической идентификации выступает этническое самосознание. Для якутов феномен роста национального самосознания в последнее десятилетие XX века и начале XXI во многом был обусловлен в целом позитивными переменами, произошедшими в российском обществе. Для якутов важными факторами, стимулирующими национальное самосознание, послужили, на наш взгляд, этническая

¹ Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. М., ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 286, 322, 365.

легитимность государственности, компактность проживания, его этническая и этнокультурная мобилизация в постсоветский период. Позитивное влияние на усиление этнической идентичности оказывает и то, что в постперестроечный период по отношению к якутам стал чаще употребляться термин «титовая нация». Можно говорить о том, что позитивность этнической идентичности якутов усиливается благодаря и социальной поддержке окружающей этнической среды. При наличии этнической толерантности к лицам другой национальности наблюдаются и установки на этническую сплочённость. Налицо и такой распространённый естественный вид групповой идентификации, как национальное чувство. Имеется в виду чувство удовлетворённости, достоинства и гордости, ощущаемое в связи с успехами и достижениями национальной культуры. Сопоставление гражданской идентификации с этнической, этническая идентичность, как показывают этносоциологические опросы, ощущается всеми респондентами, независимо от их национальной принадлежности, значительно выше, чем гражданская. Наиболее высокий разрыв (в 15 раз) демонстрируют городские якуты. Это говорит о том, что, несмотря на нивелирующую роль социального фактора в условиях урбанизации, этничность выступает мощным фактором консолидации этноса. В целом, таким образом, подтверждается известный тезис, что этничность, компенсируя ослабление гражданской идентичности, становится определяющей стратифицирующей категорией, приобретающей ранг этнополитической.

Усиление миграционного притока приводит к расширению межэтнических бытовых контактов, возрастает этническое многообразие и количество национально смешанных браков. Рост и распространение межэтнических браков не сокращает численности якутов, так как при выборе своей национальности молодежь из этих семей предпочитает якутскую. Исследования в городах Якутске, Мирном, Олекминске, Вилуйске, а также в сельской местности показывают, что, несмотря на разные этнические ситуации в них, подростки при получении паспорта гражданина выбирали в основном якутскую национальность. На выбор подростками национальности оказывали влияние традиция определения национальности по отцу, а также определенные социальные факторы, в т. ч. общественное восприятие фенотипических

особенностей персон, получающих паспорт, а также в целом этническая и языковая ситуация в регионе [Брагина, 2018].

Обсуждение

Этносоциологические исследования в Якутии, проведенные под руководством Л. М. Дробижевой, участие в которых принимал автор настоящей статьи, показали высокую степень проявления этнической идентичности в конце 1990-х гг. [Социальное... 2002]. Рост национального самосознания в постсоветском десятилетии во многом был обусловлен позитивными переменами, произошедшими в российском обществе. Для якутов факторами, стимулирующими национальное самосознание, послужили, на мой взгляд, возросшая легитимность государственности – повышение статуса Якутии до уровня республики и равноправного субъекта Российской Федерации, возрастание компактности расселения якутов за счет концентрации в городской среде, социальные и культурные консолидационные процессы. Отметим, что в период так называемого «парада суверенитетов» позитивная этническая идентичность у якутов способствовала межэтнической толерантности, поддержанию гражданского согласия, установке на сохранение не только своей, но и других этнических культур.

Заключение

Таким образом, историческое наследие, современные процессы развития народной и профессиональной культуры, миграционные, демографические и социальные факторы в целом способствуют укреплению таких форм идентичности якутов, как этнокультурная, языковая, этническая. Заметим также, что наличие проблемы функционирования якутского языка и его утраты частью городского якутского населения не приводит к утрате якутской идентичности. Напротив, отчасти утрата родного языка лицами якутской национальности, как оказалось, ведет к усилению их этнокультурной идентичности, первичной формы идентичности в прошлом. В XXI в. из-за ускорения процесса культурной глобализации наблюдается ответная реакция среди коренных народов Якутии, которые начинают производить новые формы этнокультурной идентичности, опираясь на традиции, самобытные религиозные воззрения, создавая новые формы культуры.

Список литературы

1. Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири // СО РАН. Избранные труды. Новосибирск : Наука, 2008. 494 с.
2. Брагина Д. Г. Межнациональные браки и семьи в Республике Саха (Якутия) в XX в. Новосибирск : Наука, 2018. 134 с.
3. Брагина Д. Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии. Якутск : Кн. изд-во, 1985. 86 с.
4. Брагина Д. Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия). Новосибирск : Наука, 2005. 208 с.
5. Генетическая история народов Якутии и наследственно обусловленные болезни. Новосибирск: Наука, 2015. 328 с.
6. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. Москва, 1966. 269 с.
7. Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. Москва : Мысль, 1996. 382 с.
8. Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. Москва, 1999. 140 с.

9. Мыльников А. С. О феномене «постэтничности»: Современные взгляды на некоторые идеи Ю. В. Бромлея // Этнографическое обозрение. 2002, № 2. С. 3–9.
10. Представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробизи́ева. Москва : Academia, 2002. 480 с.
11. Сафронов Ф. Г. Древний и средневековый Северо-Восток Азии. Якутск : Якутполиграфиздат, 1992. 118 с.
12. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургск. гос. ун-та, 1997. 184 с.
13. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) : Социопсихолингвистический аспект / Р. И. Васильева, М. Г. Дегтярева, Н. И. Иванова, Л. Н. Семенова. Новосибирск : Наука, 2013. 252 с.
14. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность: монография / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробизи́ева. Москва : Academia, 2002. 480 с.
15. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. Москва, 1997. 532 с.
16. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Москва, 2003. 544 с.
17. Фефелова В. В. Предками якутов были арийцы. Красноярск, 2014. 223 с.
18. Чешко С. В. Распад Советского союза: Этнополитический анализ. Москва, 1996. 309 с.
19. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. Ленинград, 1971. 403 с.
20. Якуты (Саха). Москва: Наука, 2013. 599 с.

References

1. Alekseev, N. A. (2008). Etnografiia i fol'klor narodov Sibiri. *SO RAN. Izbrannye trudy*, 494. Novosibirsk: Nauka.
2. Bragina, D. G. (2018). Mezhnatsional'nye braki i sem'i v Respublike Sakha (Yakutiia) v XX v., 134. Novosibirsk : Nauka.
3. Bragina, D. G. (1985). Sovremennye etnicheskie protsessy v Tsentral'noi Yakutii, 86. Yakutsk : Kn. izd-vo.
4. Bragina, D. G. (2005). Etnicheskie i etnokul'turnye protsessy v Respublike Sakha (Yakutiia), 208. Novosibirsk : Nauka.
5. Geneticheskaia istoriia narodov Yakutii i nasledstvenno obuslovlennye bolezni. (2015), 328. Novosibirsk: Nauka, 2015.
6. Gurvich, I. S. (1966). Etnicheskaia istoriia Severo-Vostoka Sibiri, 269. Moskva.
7. Drobizheva, L. M., Aklaev, A. R., Koroteeva, V. V., & Soldatova, G. U. (1996). Demokratizatsiia i obrazy natsionalizma v Rossiiskoi Federatsii 90-kh godov. Moskva : Mysl'. 382.
8. Koroteeva, V. V. (1999). Teorii natsionalizma v zarubezhnykh sotsial'nykh naukakh. Moskva. 140 s.
9. Mylnikov, A. S. (2002). On the phenomenon of "post-ethnicity": a modern view of some ideas of Yu. V. Bromley. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 3-9.
10. Drobizheva, L. M. (2002). Predstavleniia i real'nost', 480. Moskva : Academia.
11. Safronov, F. G. (1992). Drevnii i srednevekovyi Severo-Vostok Azii, 118. Iakutsk : Iakutpoligrafizdat.
12. Skvortsov, N. G. (1997). Problema etnichnosti v sotsial'noi antropologii, 184. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterburgsk. gos. un-ta.
13. Vasil'eva, R. I., Degtiareva, M. G., Ivanova, N. I., & Semenova, L. N. (2013). Sovremennaia etnoiazykovaia situatsiia v Respublike Sakha (Iakutiia): Sotsiopsikholingvisticheskii aspekt, 252. Novosibirsk: Nauka.
14. Drobizheva, L. M. (2002). Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniia i real'nost' : monografiia, 480. Moskva : Academia.
15. Tishkov, V. A. (1997). Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii, 532. Moskva.
16. Tishkov, V. A. (2003). Rekviem po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii, 544. Moskva.
17. Fefelova, V. V. (2014). Predkami yakutov byli ariitsy, 223. Krasnoiarsk.
18. Cheshko, S. V. (1996). Raspad Sovetskogo soiuz: Etnopoliticheskii analiz, 309. Moskva.
19. Ergis, G. U. (1971). Ocherki po yakutskomu fol'kloru, 403. Leningrad.
20. Yakuty (Sakha) (2013). Moskva, Nauka, 599.

Информация об авторе

Брагина Дария Григорьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ГУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)», Якутск, Российская Федерация.

Information about the author

Daria G. Bragina – doctor of historical sciences, chief researcher SI "Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)", Yakutsk, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 07.09.2022

Принята к публикации / Accepted 29.09.2022

Опубликована / Published 29.09.2022

Особенности фиксации архитектурного наследия в белорусском изобразительном искусстве (на примере выставки «Мой Минск – мое вдохновение»)

DOI 10.31483/r-103090

УДК [351.853:72.036]:[069.9:75/76](476-25)

Грищенко А. Б.

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск, Республика Беларусь.

<https://orcid.org/0000-0001-5403-639X>, e-mail: antgrish93@gmail.com

Резюме: Выставка под названием «Мой Минск – мое вдохновение» была организована при участии Музея истории Минска и Белорусского союза художников и проведена в 2021 году с 9 по 26 сентября в художественной галерее Михаила Савицкого. Данная выставка объединила в себе изобразительное искусство и кино: наряду с живописными и графическими работами к просмотру был представлен ряд документальных фильмов о Минске, а также игровых кинолент, снятых непосредственно в Минске. *Цель* статьи – проанализировать живописные и графические работы из собрания Белорусского союза художников, представленные на выставке «Мой Минск – мое вдохновение» в художественной галерее Михаила Савицкого в Минске. Созданные в период с 1945 по 2018 годы упомянутые работы отображают ценные с точки зрения истории градостроительства здания и улицы. Картины имеют историческую и художественную ценность. В статье приведена авторская дефиниция термина «художественное отражение». На основе *метода* типизации раскрыта суть трех типов художественного отражения архитектурного наследия: «зеркальное» отражение архитектурного наследия, «отражение с элементами художественной фантазии» и «художественный вымысел в отражении архитектурного наследия», а также определена принадлежность работ выставки каждому типу художественного отражения.

Ключевые слова: художественное отражение, архитектурное наследие, Минск, выставка, изобразительное искусство.

Для цитирования: Грищенко А. Б. Особенности фиксации архитектурного наследия в белорусском изобразительном искусстве (на примере выставки «Мой Минск – мое вдохновение») // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 18-22. DOI:10.31483/r-103090.

Review Article

Features of Fixing the Architectural Heritage in the Belarusian Fine Arts (On the Example of the Exhibition «My Minsk – My Inspiration»)

Anton B. Grishchenko

 El «Belarusian State University of Culture and Arts»,
Minsk, Republic of Belarus. <https://orcid.org/0000-0001-5403-639X>, e-mail: antgrish93@gmail.com

Abstract: The exhibition titled «My Minsk – My Inspiration» was organized at the Museum of the History of Minsk and the Belarusian Union of Artists and held in 2021 from September 9 to 26 at the Mikhail Savitsky Art Gallery. This exhibition brought together fine arts and cinema: along with pictorial and graphic works, a number of documentaries in Minsk were presented for viewing, as well as feature films shot especially in Minsk. The *purpose* of the article is to evaluate paintings and graphic works from the collection of the Belarusian Union of artists presented at the exhibition «My Minsk – my inspiration» in the art gallery of Mikhail Savitsky in Minsk. Created between 1945 and 2018, the mentioned works reflect buildings and streets, valuable in terms of urban development. Paintings have historical and artistic value. The article provides the author's definition of the term «artistic reflection». Based on the *method* of typing the essence of three artistic reflections of the architectural heritage is revealed: «mirror reflection of artistic heritage», «reflection with the phenomena of artistic reflection» and «fiction in the reflection of the architectural heritage», as well as the identification of works to identify signs of artistic reflection.

Keywords: artistic reflection, architectural heritage, Minsk, exhibition, fine arts.

For citation: Grishchenko A. B. (2022). Features of Fixing the Architectural Heritage in the Belarusian Fine Arts (On the Example of the Exhibition «My Minsk – My Inspiration»). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 18-22. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103090.

Введение

Архитектурное наследие находит свое яркое художественное воплощение в произведениях изобразительного искусства, созданных белорусскими художниками в различные периоды времени. Такие работы экспонируются на различных выставках, посвященных определенным событиям или темам. Так, ряд художественных выставок был приурочен ко Дню города Минска, который традиционно отмечается в начале сентября. Одна из таких масштабных выставок под названием «Мой Минск – мое вдохновение» была органи-

зована при участии Музея истории Минска и Белорусского союза художников и проведена в 2021 году с 9 по 26 сентября в художественной галерее Михаила Савицкого. Данная выставка объединила в себе изобразительное искусство и кино: наряду с живописными и графическими работами к просмотру был представлен ряд документальных фильмов о Минске, а также игровых кинолент, снятых непосредственно в Минске, среди которых «Новый Минск» (1954, режиссер И. Шульман), «Любимая» (1965, СССР, «Беларусьфильм», режиссер Р. Викторов), «На нашей улице праздник» (1967, ре-

жиссер Н. Хубов), «Минск – столица советской Белоруссии» (1969, режиссер Ю. Марухин) и другие.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили произведения изобразительного искусства, представленные на выставке «Мой Минск – мое вдохновение», в которых художественно отражается архитектурное наследие Минска, а именно – более 50 работ разных художников: «Рассвет. Старый Минск» В. Мудрогина, «День Победы в Минске» (1945) и «Привокзальная площадь» (1950-е) А. Тычины, «Минск. Площадь Победы» (1955) В. Версоцкого, «Последние дни Торговой, набережная в Минске» (1957) и «Окраина, вечерет» (1966) И. Протасени, «Улица Янки Купалы» (1961) А. Кроля, «Вид на предместье со стороны Старослободской улицы» (1962) Г. Поплавского, «На перекрестке Комсомольская – Немига» (1964) В. Варламова, «Площадь Победы» (1965) И. Гембицкого, «Городской пейзаж. Моросит» (1966) З. Шкляра, «Минск. Городской мотив. Парк им. Янки Купалы» (1965), «Дом культуры в Минске» (1969) И. Медведева, «Квартал старого Минска» (1963), «Набережная Свислочи» (1967), «Вид на Оперный театр» (1969) Л. Дударенко, «Минск. Набережная Свислочи» (1970) Н. Волынца, «Огни моего города» (1970) Н. Назарчука, «Осенний призыв» (1966–1967), «Зима» (1968), «День Красной Армии» (1980) Б. Аракчеева, «Веселая зима в Лошице» (1970), «Праздник на Тракторном поселке» (1983) В. Сумарева, «Дом-музей I съезда РСДРП» (1979), «Площадь Победы в Минске» (1980-е) С. Геруса, «Весна на Республиканской улице» (1981) М. Чепика, «Площадь Победы» (1981) И. Рея, «Минск. Март» (1982) Л. Левченко, «Праздничный Минск» и «Площадь Победы» (обе 1985) Л. Асецко-

го, «Праздничный Минск» (1985) В. Басалыги, «Театр оперетты» (1983), «Улица Ваняева» (1985), «Город-герой» (1986), «Республиканский Дом пионеров» (1987), «Завод» (1989) Е. Поплавской, «Большой футбол» (1989) С. Кирющенко, «Лошица» (1991) В. Кубарева, «Зима в Троицком предместье» (1997), «Крыши Троицкого предместья. 1975», «Двор Троицкого предместья. 1975», «Оттепель. Старый Минск. 1974» (все 2011) В. Ткачева, «Зимний Минск» (2010) Г. Отчика, «На Немиге» (2014) и «Лето в Минске» (2017) В. Пешкуна, «Минск. Рынок Верхнего города» (2001), «Парк Горького» (2003), «Губернский город Минск начала XIX в.» (2014) В. Товстика, «Мариинский костел в Минске на площади Свободы» и «Старый Минск. Свято-Казанская церковь» (обе 2017) В. Зенько, «Менск. Эхо – I», «Менск. Эхо – II», «Менск. Попытка реинкарнации» (все 2018) Г. Ситницы.

Основным методом при написании статьи послужил метод типизации, благодаря которому стало возможным отнести произведения изобразительного искусства к определенному типу в классификации художественного отражения архитектурного наследия.

Результаты и их обсуждение

Как видно из приведенного списка живописных и графических работ, представленных на выставке, все они были созданы с 1945 по 2018 годы, охватывая временной промежуток более чем 70 лет, «и в большинстве своем отображают отдельные, но важные для города в целом здания и улицы. Следует отметить, что значимые архитектурные памятники и виды Минска в творчестве художников являются не столько объектами условной фиксации, сколько объектами художественного отражения» [Грищенко. Художественное... «Геолока-

Приложение 1
Appendix 1

З. Шкляр. Городской пляж. Моросит, 1966 г.
Z. Shklar. City beach. Drizzle, 1966.

Л. Левченко. Минск. Март, 1982 г.
L. Levchenko. Minsk. March, 1982.

ция Минск...» ...2021, с. 85]. Его можно определить как «особую передачу художественными средствами различных явлений действительности» [Грищенко. Типы... 2021, с. 87]. В зависимости от реалистичности подачи материала, а также от приемов и техник, можно выделить несколько типов художественного отражения архитектурного наследия.

В качестве первого типа художественного отражения можно выделить «зеркальное» отражение архитектурного наследия, «предполагающее практически фотографическую точность передачи архитектурных объектов» (см. Приложение 1) [Грищенко, Художественное «Живописная Беларусь»... 2021, с. 92]. К этому типу можно отнести следующие работы: «Улица Янки Купалы» (1961) А. Кроля, «На перекрестке Комсомольская – Немига» (1964) В. Варламова, «Городской пейзаж. Моросит» (1966) З. Шкляра, «Минск. Март» (1982) Л. Левченко и триптих «Зимний Минск» (2010) Г. Отчика. Их объединяет точность передачи цвета, формы зданий и городского пространства, а также высокая степень детальности изображения архитектурных особенностей строений. Такие работы являются уникальными документальными свидетельствами вида города в целом и изображенных зданий, в частности.

Ко второму типу художественного отражения можно отнести «отражение с элементами художественной фантазии» (см. Приложение 2). Сюда входят «картины без прорисовки мелких деталей», в которых «здания изображены обобщенно», крупными мазками или штрихами [Грищенко. Художественное... «Живописная Беларусь»... 2021, с. 92]. В качестве примеров этого типа художественного отражения можно привести работы «День Победы в Минске» (1945) и «Привокзальная площадь» (1950-е) А. Тычины, «Минск. Площадь Победы» (1955) В. Версоцкого, «Последние дни Торговой, набережная в Минске» (1957) и «Окраина, вечерет» (1966) И. Протасени, «Вид на предместье со

стороны Старослободской улицы» (1962) Г. Поплавского, «Площадь Победы» (1965) И. Гембицкого, «Минск. Городской мотив. Парк им. Янки Купалы» (1965), «Дом культуры в Минске» (1969) И. Медведева, «Минск. Набережная Свислочи» (1970) Н. Волынца, «Огни моего города» (1970) Н. Назарчука, «Дом-музей I съезда РСДРП» (1979), «Площадь Победы в Минске» (1980-е) С. Геруса, «Весна на Республиканской улице» (1981) М. Чепика, «Площадь Победы» (1981) И. Рея, «Театр оперетты» (1983), «Улица Ваняева» (1985), «Город-герой» (1986), «Республиканский Дом пионеров» (1987), «Завод» (1989) Е. Поплавской, «Лошица» (1991) В. Кубарева, «Парк Горького» (2003) В. Товстика, «На Немиге» (2014) и «Лето в Минске» (2017) В. Пешкуна.

Зачастую художники изображают здания в цветовой гамме, которая не соответствует их реальной окраске. При этом формы архитектурных сооружений передаются вполне достоверно. Среди таких работ можно назвать «Рассвет. Старый Минск» В. Мудрогина, «Квартал старого Минска» (1963), «Набережная Свислочи» (1967), «Вид на Оперный театр» (1969) Л. Дударенко, «Осенний призыв» (1966–1967), «Зима» (1968), «День Красной Армии» (1980) Б. Аракчеева, «Веселая зима в Лошице» (1970), «Праздник на Тракторном поселке» (1983) В. Сумарева, «Праздничный Минск» и «Площадь Победы» (обе 1985) Л. Асецкого. Такие произведения также относятся ко второму типу художественного отражения архитектурного наследия.

Все работы, включенные в данный тип, объединяет то, что художники в них выражают свое уникальное видение мира. При этом многие живописные и графические произведения, несмотря на особенности цвето- и формопередачи архитектурных сооружений и окружающего их пространства, являются замечательными документальными свидетельствами утраченных зданий и улиц Минска.

Третий тип художественного отражения – «художественный вымысел в отражении архитектурного

Приложение 2
Appendix 2

Н. Волынц. Минск. Набережная Свислочи, 1970 г.
N. Volynets. Minsk. Embankment of the river Svisloch, 1970.

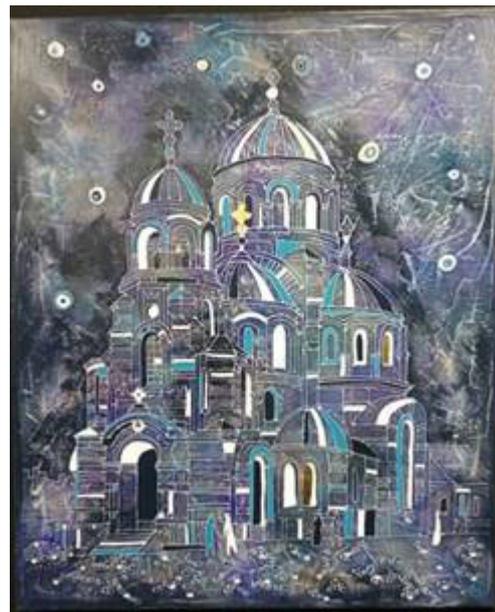

С. Герус. Дом-музей I съезда РСДРП, 1979 г.
S. Herus. House Museum of First Congress of the Russian Social Democratic Labour Party, 1979.

В. Басальга. Праздничный Минск, 1985 г.

V. Basalyga. Festive Minsk, 1985.

В. Зенько. Старый Минск.
Свято-Казанская церковь, 2017 г.V. Zenko. Old Minsk.
Church of Our Lady of Kazan, 2017.

наследия» (см. Приложение 3). Он предполагает воображаемый вид не дошедшего до настоящего времени архитектурного памятника или даже города. Однако наряду с отсутствующими в действительности архитектурными памятниками в картинах представлены и сохранившиеся поныне либо реконструированные сооружения. Здесь можно отметить такие работы как «Зима в Троицком предместье» (1997), «Крыши Троицкого предместья. 1975», «Двор Троицкого предместья. 1975», «Оттепель. Старый Минск. 1974» (все 2011) В. Ткачева, «Мариинский костел в Минске на площади Свободы» и «Старый Минск. Свято-Казанская церковь» (обе 2017) В. Зенько, «Менск. Эхо – I», «Менск. Эхо – II» и «Менск. Попытка реинкарнации» (все 2018) Г. Ситницы.

К этому типу можно отнести и фантастические сюжеты, в которых присутствуют изображения зданий и сооружений в схематичном виде. Сюда входят работы «Праздничный Минск» (1985) В. Басальги, «Большой футбол» (1989) С. Кирющенко, «Минск. Рынок Верхнего города» (2001), «Губернский город Минск начала XIX в.» (2014) В. Товстика. Гравюра В. Басальги относится к этому типу, поскольку в ней изображены знаковые для города 1980-х годов здания. При этом они расположены художником практически без учета реального расположения зданий.

Картины В. Ткачева можно отнести к третьему типу, поскольку они были созданы в 1990-х и 2010-х годах, а показывают Минск 1970-х годов. Безусловно, район Троицкого предместья во многом сохранился до наших дней, пережив значительную реконструкцию, которая довольно сильно изменила его облик. Однако данные картины основаны на воспоминаниях художника, а также на художественном вымысле автора. Именно это

позволяет отнести картины В. Ткачева к третьему типу художественного отражения архитектурного наследия.

Работа С. Кирющенко сочетает в себе традиции абстракционизма и кубизма. В ней показан футбольный матч на минском стадионе «Динамо». В работе сочетаются цветовые яркие контрасты в виде отдельных пятен и линий, и геометрические фигуры – треугольники, овалы, круги, трапеции. Такое решение композиции картины является художественным вымыслом автора, его особым представлением. Именно поэтому данная картина относится к этому типу художественного отражения архитектурного наследия.

Произведения В. Зенько, Г. Ситницы и В. Товстика, относящиеся к данному типу, изображают Минск XIX века. Его художники видят губернский провинциальным городом, в котором есть знаковые культовые сооружения, многочисленные торговые лавки, и по которому неспешно прогуливаются представители аристократии. В них словно присутствует «живописный монтаж картины, где различные пространственно-колористические планы имеют не столько реальную перспективу, сколько временной смысл» [Жук, 2013, с. 38]. Действительно, в картинах порой соединяется, на первый взгляд, несоединимое. А иногда, как в работах В. Товстика, это могут быть реальные здания, но показанные в не соответствующей реальности перспективе. В контексте типов художественного отражения архитектурного наследия, работы данных художников являются художественным вымыслом авторов, поскольку показывают утраченные здания и раскрывают сюжеты, придуманные авторами, хоть такие сюжеты вполне могли иметь место в жизни города в дореволюционные

времена. Эту мысль подтверждает Т. Горанская, которая пишет, что «в изобразительном искусстве появляется ретроспектива жизни города прошлых эпох, воссозданная белорусскими художниками на основании... художественного вымысла» [Горанская, 2017, с. 244].

Выводы

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что в живописных и графических работах, представленных на выставке «Мой Минск – мое вдохновение», архитектурное наследие Минска нашло яркое художественное отражение. В целом, подобные выставки играют важную роль в художественной жизни нашей страны, поскольку являются своеобразной летописью Минска, свидетельствующей об изменении нашего города на протяжении многих десятилетий, что было запечатлено белорусскими художниками в их живописных и графических работах. Такие произведения являют собой ценные документальные свидетельства о Минске для нас и будут представлять такой же интерес для наших потомков.

Проведенное исследование выявило, что большинство работ, а именно 35 произведений, представленных на выставке «Мой Минск – мое вдохновение» можно отнести к типу «отражение с элементами художествен-

ной фантазии». Это говорит о том, что в основном художники при изображении архитектурного наследия Минска детально не прорисовывали здания и сооружения, а также зачастую изображали их в отличающихся от реальности цветовых оттенках и измененных формах, а иногда и в измененном городском пространстве. Их больше интересовали утраченные ныне памятники архитектуры и целые улицы, которые играли важную роль в жизни города Минска XIX века, чем точная фиксация отдельных существующих зданий города. Следует отметить, что к типу «художественный вымысел в отражении архитектурного наследия» относится 13 работ и еще 5 – к типу «зеркальное» отражение архитектурного наследия: «Улица Янки Купалы» (1961) А. Кроля, «На перекрестке Комсомольская – Немига» (1964) В. Варламова, «Городской пейзаж. Моросит» (1966) З. Шкляра, «Минск. Март» (1982) Л. Левченко и триптих «Зимний Минск» (2010) Г. Отчика. Высокая степень исторической достоверности изображенного городского пространства и архитектурных особенностей заданий обуславливает их значение для исторической науки. Их можно приравнять к уникальным документальным свидетельствам вида города в целом и изображенных зданий, в частности.

Список литературы

1. Горанская Т. Г. Города Беларуси в изобразительном искусстве XX – начала XXI века. Минск : Беларуская навука, 2017. 251 с.
2. Грищенко А. Б. Типы художественного отражения архитектурного наследия Беларуси в изобразительном искусстве и кинематографе // Дзяржава і творчая асоба : матэрыялы XII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 16 красав. 2021 г.). Мінск : Бел. дзярж. акадэмія мастацтваў, 2021. С. 86–91.
3. Грищенко А. Б. Художественное отражение архитектурного наследия Беларуси в контексте выставки «Живописная Беларусь в пейзажах и образах» // Культура Беларуси: реалии современности : X Международная научно-практическая конференция, Минск (7 октября 2021 г.) : сб. науч. статей / редкол.: Н. В. Карчевская [и др.]. Минск : Бел. гос. ун-т культуры и искусств, 2021. С. 90–94.
4. Грищенко А. Б. Художественное отражение архитектурного наследия Минска в изобразительном искусстве (на примере выставки «Геолокация Минск. Графика XX в.») // Труды международной научно-практической конференции «Приоритетные направления развития науки и образования», посвященной 30-летию независимости Республики Казахстан (Шымкент, 7–8 декабря 2021 г.) : в 7 т. Шымкент, 2021. Т. 7. С. 84–88.
5. Жук В. И. Живопись Беларуси на рубеже веков: потери и обретения. Минск : Беларуская навука, 2013. 159 с.

References

1. Goranskaya, T. G. (2017). *Goroda Belarusi v izobrazitel'nom iskusstve XX – nachala XXI veka*, 251. Minsk: Belaruskaya navuka.
2. Grishchenko, A. B. (2021). *Tipy hudozhestvennogo otrazhenija arhitektornogo nasledija Belarusi v izobrazitel'nom iskusstve i kinematografe. Dzjarzhava i tvorchaja asoba*, 86–91. Minsk: Bel. dzjarzh. akademija mastactvau.
3. Grishchenko, A. B. (2021). *Hudozhestvennoe otrazhenie arhitektornogo nasledija Belarusi v kontekste vystavki "Zhivopisnaja Belarus' v pejzazhah i obrazah"*. *Kul'tura Belarusi: realii sovremennosti*, 90–94. Minsk: Bel. gos. un-t kul'tury i iskusstv.
4. Grishchenko, A. B. (2021). *Hudozhestvennoe otrazhenie arhitektornogo nasledija Minska v izobrazitel'nom iskusstve (na primere vystavki "Geolokacija Minsk. Grafika XX v.")*. *Trudy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Prioritetnye napravlenija razvitija nauki i obrazovanija"*, 84–88. Shymkent. Vol. 7.
5. Zhuk, V. I. (2017). *Zhivopis' Belarusi na rubezhe vekov: poteri i obretenija*, 159. Minsk: Belaruskaya navuka.

Информация об авторе

Грищенко Антон Борисович – аспирант кафедры теории и истории искусства УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск, Республика Беларусь.

Information about the author

Grishchenko Anton Borisovich – graduate student of the department of theory and history of art at the EI «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk, Republic of Belarus.

Поступила в редакцию / Received 25.07.2022

Принята к публикации / Accepted 27.09.2022

Опубликована / Published 29.09.2022

О структуре бесермянского словаря, составляемого по материалам Т. И. Тепляшиной

DOI 10.31483/r-103143

УДК 811.511.131

Максимов С. А.

ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Резюме: Работа посвящена описанию микроструктуры бесермянского словаря, составляемого по материалам Т. И. Тепляшиной. Бесермяне – малочисленный народ северо-запада Удмуртии, говорящий на одном из наречий удмуртского языка. Сами бесермяне имеют устойчивую этническую и языковую идентичность, отличную от удмуртской. *Актуальность* публикации как самого словаря бесермянского наречия, так и настоящей работы, представляющей его апробацию, не вызывает сомнений, поскольку исследование языка, в частности лексики, поможет пролить свет на проблему происхождения его носителей. *Цель* работы – ознакомление со структурой составляемого словаря. В качестве *материалов* для написания настоящей работы послужили данные монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян», картотека Т. И. Тепляшиной с полевыми записями бесермянской речи, данные Диалектологического атласа удмуртского языка, личные полевые наблюдения автора. Наиболее значимый вклад в исследование бесермянского диалекта внесла Т. И. Тепляшина, которая опубликовала монографию «Язык бесермян». Большая часть ее материалов, систематизированных в виде картотеки, осталась неиспользованной. Картотеку ученого, в которой представлена бесермянская речь носителей, рожденных еще в позапрошлом веке, можно назвать уникальным языковым наследием. Материал ученого ждет обработки и воплощения в виде словаря. Словарь будет представлять комбинацию лексических и текстовых материалов как опубликованной монографии, так и неизданных записей. В статье рассматривается структура словаря, не имеющая аналогов, по крайней мере, в лексикографии Урало-Поволжья.

Ключевые слова: удмуртский язык, бесермянское наречие, полевые материалы Т. И. Тепляшиной, структура словаря, словарная статья.

Для цитирования: Максимов С. А. О структуре бесермянского словаря, составляемого по материалам Т. И. Тепляшиной // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 23-30. DOI:10.31483/r-103143.

On the Structure of the Beserman Dictionary Based on the Materials of T. I. Teplyashina

Sergey A. Maksimov

 FSBIS "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", Izhevsk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Abstract: This work is devoted to description of the microstructure (dictionary entry) of the Beserman dictionary, which is compiled based on the materials of T. I. Teplyashina. Besermans are small people who live compactly in the North West of Udmurtia. From the point of view of linguistics they speak a special dialect of the Udmurt language. The Besermans have a stable ethnic and linguistic identity, which is different from the Udmurt. The *relevance* of the study as the Beserman vocabulary is of no doubt since the examination of the language, especially it's lexic system, will help to clarify their origin. The *purpose* of the study is to learn the structure of the vocabulary. The monographs of the T. I. Teplyashina served as the *material* of the following work. Field materials were embodied in two dictionaries, a monograph and scientific articles. The most significant contribution to the study of the Beserman dialect was made by T. I. Teplyashina, who published the monograph "The Language of the Besermans". Most of her materials, which were systematized in a field file, remained unused. The scientist's field file representing the Beserman speech of speakers born in the century before last can be called a unique linguistic heritage, waiting to be processed and implemented as a dictionary. Our dictionary will contain lexical and textual materials published in monographs and previously unpublished. This article examines in detail the structure of the dictionary, which has no analogues, at least in the lexicography of the Ural-Volga region.

Keywords: Udmurt language, Beserman dialect, T. I. Teplyashina's field materials, structure of dictionary, dictionary entry.

For citation: Maksimov S. A. (2022). On the Structure of the Beserman Dictionary Based on the Materials of T. I. Teplyashina. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 23-30. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103143.

Введение

На северо-западе Удмуртской Республики проживает небольшая этническая группа – бесермяне, которые разговаривают на одном из диалектов удмуртского языка. В соответствии с историческими документами тюркский народ с созвучным названием известен в Среднем Поволжье в XIV–XV вв. [Напольских, 1997, с. 53; 2015, с. 523–524]. Наименования *чуваши*, *чуваши арские*, локализуемые ранее в правобережье ниж-

ней Вятки и на Чепце (левом притоке Вятки) учеными нередко связываются с современными бесермянами [Тепляшина, 1970, с. 5–22; Гришкина, Владыкин, 1982, с. 24–27]. В минувшем веке бесермяне как отдельный этнос в количестве десяти тысяч человек в последний раз учитывались при переписи 1926 г [Луппов, 1997, с. 37]. Последующие переписи их не выделяли, и бесермяне записывались в качестве или удмуртов, или татар. Статус отдельной народности бесермянам был

возвращен в 1992 г. В соответствии с данными Всероссийской переписи населения 2010 г. бесермян насчитывалось 2201 человек [Бесермяне].

Исследованию бесермянского народа и их языка посвящено большое количество работ. Наиболее значимый вклад в этом направлении сделано Т. И. Тепляшиной. Ее монография «Язык бесермян» [Тепляшина, 1970] является основополагающим трудом бесермяноведения.

Помимо прочего, разработки вопросов фонетики бесермянского наречия нашли отражение в трудах ведущего удмуртского лингвиста В. К. Кельмакова [Кельмаков, 1992; Кельмаков, 2003, с. 87–134; Кельмаков, 2004, с. 126–150]. Описанию современного состояния языка бесермян посвящена монография Н. М. Люкиной [Люкина, 2016]. Проблемами воссоздания этнической истории народа занимался М. Г. Атаманов [Атаманов-Эграпи, 2010, с. 306–318]. Материальная и духовная культура бесермян на протяжении многих лет является предметом научного изучения Е. В. Поповой [Попова, 1998; 2004; 2011].

Текущее столетие в истории изучения бесермянского наречия знаменуется экспедициями московских языковедов в д. Шамардан с целью изучения местного говора. Результаты деятельности ученых нашли воплощение в электронных словарях, текстовых корпусах, также на данный момент опубликовано два словаря на бумажном носителе: «Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка», содержащий более 3000 словарных статей [Словарь, 2013], и «Тезаурус бесермянского наречия: имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан)» [Тезаурус, 2017], являющийся системно-тематическим словарем, в котором заглавные слова размещены не по алфавиту, а по понятийным полям.

Актуальность публикации как самого словаря бесермянского наречия, так и настоящей работы, представляющей его апробацию, не вызывает сомнений. Цель работы – ознакомление со структурой словаря, не имеющего аналогов, по крайней мере, в лексикографии Урало-Поволжья.

Материалы исследования

В качестве материалов для написания настоящей работы послужили данные монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» [Тепляшина, 1970], картотека Т. И. Тепляшиной с полевыми записями бесермянской речи, данные диалектологического атласа удмуртского языка [Насибуллин, Максимов, Семенов, Бусыгина, 2013; Насибуллин, Максимов, Семенов, Бусыгина, Арзамасова, 2015], личные полевые наблюдения автора.

Монография Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» базируется на полевых материалах, собранных среди различных групп бесермян в 50–60 гг. XX в., отчасти – на данных памятников письменности. Она посвящена подробному описанию фонетических явлений, а также морфологии знаменательных частей речи бесермянского наречия в сравнении с другими удмуртскими диалектами и тюркскими языками. На основе анализа языковых явлений автор приходит к выводу о болгарском происхождении бесермян.

Описываемый труд получил высокую оценку среди финно-угроведов. Однако рецензенты отмечают в нем ряд недостатков, которые прежде всего касаются историко-фонетических и этногенетических построений, нередко необоснованно сводимых к тюркскому субстрату (см.: Кельмаков, 2009, с. 14–15; Кельмаков Т. И. Тепляшиной 80 2009, с. 7–8).

Значительную часть материалов по бесермянскому наречию, собранных в полевых условиях, Т. И. Тепляшина не успела использовать. Ее наследие в настоящее время хранится в Научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. Картотеку ученого, в которой представлена бесермянская речь носителей, рожденных еще в позапрошлом веке, можно назвать уникальным языковым наследием. Ее безусловно следует обработать и издать в виде словаря. Карточки с языковыми записями, произведенными латинской транскрипцией, занимают 12 стандартных картотечных ящиков. Достаточно внушительный объем, точная запись слов, выражений и целых предложений, указание места фиксации – все это представляет собой большую ценность с научной точки зрения. В связи с этим предполагается систематизация данного материала и публикация в виде двуязычного словаря.

Результаты исследования и их обсуждение

Составляемый словарь будет представлять комбинацию лексических и текстовых материалов как опубликованной монографии «Язык бесермян», так и неизданных записей. На первом этапе работы над словарем автором статьи были извлечены все диалектные лексические единицы из монографии «Язык бесермян». В дальнейшем началась систематизация и ввод картотечного материала в память компьютера. Одной из главных трудностей составления словаря заключается в отсутствии аналога, который бы мог послужить образцом.

На разных этапах работы приходится встречаться с материалом разного типа (в отношении лексических единиц, их фонетических вариантов, словосочетаний, предложений и т. д.), в связи с чем постоянно приходится изменять и обновлять лексикографические идеи, чтобы аналогичные лингвистические единицы во всем словаре имели однотипное оформление. К настоящему моменту завершена половина намеченных работ, и в целом уже сложилась концепция по структуре словаря, которая в дальнейшем не испытает существенных изменений.

Различают несколько уровней структуры словарей: мегаструктуру, т. е. рамочную структуру словаря, в состав которой входит суперобложка и название словаря, вводная часть, словник или корпус словаря и приложение; макроструктуру – непосредственно сам словник, его организацию, порядок расположения лемм; микроструктуру – словарную статью, включающую заголовочное (заглавное) слово, семантизацию, пометы и отсылки.

Общую схему построения словарной статьи можно представить в следующем виде:

<заглавное слово> <(финно-угорская транскрипция)>, <фонетические варианты> <территориальная привязка> <грамматическая информация> <стилистическая информация> <1. (= синоним) значение>; <иллюстративный материал из монографии «Язык бесермян»> ○ < иллюстративный материал картотеки> <2. значение...>
♦ <составной термин / устойчивое сочетание> <значение> ○ < иллюстративный материал> ● <диал. варианты, лит. вариант> | <этимология>; <см. тж. синоним>

Остановимся на подробном рассмотрении микро-структуры составляемого словаря.

1. Все заглавные слова расположены в алфавитном порядке. Для записи бесермянских слов использована орфография удмуртского литературного языка, адаптированная к особенностям наречия, в частности, использованы дополнительные символы *ø, ý, ÿ*. Заглавные слова набраны строчными буквами полужирным шрифтом, после чего следует финно-угорская транскрипция (UPA), например:

ýальнõ (*yal^onã*) стлать, постлать, постилать, стелить, постелить

2. Лексические омонимы даны отдельными словарными статьями и пронумерованы римскими цифрами:

кõз I (*kãz*) ель, ёлка

кõз II (*kãz*) 1. толстый

кõз III (*kãz*) 1. пара (*обуви, рукавиц*) 2. супруг, супруга

кõз IV (*kãz*) см. **кõж**

3. После заглавных слов, употребляющихся только совместно с другими словами, ставится двоеточие и приводится соответствующее сочетание (конструкция); если слово употребительно преимущественно с каким-то другим словом, то последнее дается в скобках:

ýурккõ (*ýurkkã*): **ýурккõ учкõнõ** смотреть пристально, но неосмысленно

терок (*t'erok*): (**пõньõ**) **терок** корзиночка, ивовая плетёнка (*для ложек*)

4. Фонетические варианты лексемы представлены в одной словарной статье. За заглавное слово берется наиболее частотный вариант; далее идут фонетические модификации в алфавитном порядке:

тедьõ (*t'ed'ã*), **кеди**, **кедьõ**, **теди**, **тэди**, **тэдьõ**, **тэйдõ** белый; *ked'ø* лекм. белый [57]; *t'ed'ø* юнд. белый [57]; *t'ejdø* юнд. белый [57]; *ked'ø* белый [61, 181]; *t'ed'ø* белый [77]; *t'ed'i* белый [104]

Каждый из фонетических вариантов также приводится на своем месте по алфавиту без перевода, с отсылкой см. к основной словарной статье:

кеди (*ked'i*), **кедьõ** (*ked'ã*) см. **тедьõ**

теди (*t'ed'i*) см. **тедьõ**

тэди (*ted'i*), **тэдьõ** (*ted'ã*), **тэйдõ** (*tejdã*) см. **тедьõ**

5. Из лексем, в которых наблюдается корреспонденция (чередование) шипящих согласных со свистящими – *ж ~ з*, *ш ~ с*, за заглавное принимается вариант с альвеолярным согласным (*ж*, *ш*), который сохранился без изменения; далее идут фонетические модификации в соответствии с алфавитным порядком:

жаг (*žag*), **заг** сор, мусор; *zag* сор, мусор [134] ○ *žag* мусор (Б. Юнда 2, 49)

шагорес (*šagãres*), **сагорес**, **сакрес**, **шагрес**, **шакрес** шероховатый; *sakres* шероховатый [85]; *sag^ores* шероховатой [181] ○ *šagres* шероховатой (Б. Юнда)
Соответствующим образом оформлены словарные статьи даже в тех случаях, когда варианты с шипящими согласными не зафиксированы:

жалем (*žal'em*), **залем** сочный, спелый; *zal'em* сочный, спелый [134]

Реальное употребление подобных форм имплицитно предполагается в описании Т. И. Тепляшиной фонетических особенностей бесермянского наречия.

6. Из лексем, в которых наблюдается корреспонденция шипящих согласных с (палатальными) аффрикатами – *ж ~ ž* (*žic'*) < *žic*; *ш ~ č* (*č'*) < *č*, за заглавное слово берется вариант с палатальной аффрикатой (*ž*, *č*):

žог (*žog*), **жог**, **жог** горд. *мюн.* быстро || быстрый; *žog* быстро [112, 131, 135, 162]; *ž'og*... (Еж. Жув. Шам.) быстро ○ *žog* быстрый (Б. Юнда); *žog* быстрый (Горд. М. Юнда) ● лит. *žoco*

žокõт (*žokãt*), **жокõт** душный || душно; *žokõt* душный [131] ● лит. *žокоым*

чакõт (*čakõt*), **шакõт** (*šakõt*) вяжущий (*на вкус*), терпкий; *šakõt* терпкий, вяжущий (*на вкус*) [150]; *šakõdges* ~ *šakõdgem* более терпкий, более вяжущий [150] ● лит. *čакым*

7. Некоторые составные термины или сочетания, заимствованные из русского языка, в словаре целиком выступают как леммы (лексический вход, заглавное слово):

Микайлов день (*mikaïlov d'eñ*) Михайлов день

через день (*čerez d'eñ*) через день...

Русские заимствованные глаголы традиционно в удмуртской лексикографии оформляются с помощью глагола **карõнõ** 'делать':

жонить карõнõ (*žonit' kar^onã*) женить, поженить

Также в отдельных словарных статьях представлены составные числительные:

дас вить (*daz vit'*) *числ.* пятнадцать; *daz vit'* пятнадцать [151]

дас куать (*das kuat'*) *числ.* шестнадцать; *das kwat'* шестнадцать [207]

8. Грамматическая информация (указание на часть речи, вид и особые формы глагола и др.) представлена ограниченно, например, когда по внешним признакам сложно определить, к какому разряду слов относится данная лексема:

вал I (*val*) лошадь, конь || лошадиный, конский; *val* лошадь [65, 116, 127]

вал II (*val*) 1. *гл. прош. вр.* был, было, были; имелся, имелось, имелись; *kaløg val tros* народу было много [152] 2. *вспом. гл.* был, было; *Mon bes'erman d'is'me voz'matønø mež'øko val*... Я хотела показать тебе бесермянский костюм 3. *част. бы*; *kod' voz'das'kø val*. Хоть бы постеснялся [152]

вõлаз I (*vãlaz*) 1. *нареч.* на нём; [он] на себе; на этом, сверху (*где?*); *võlaz* на нем [194] 2. *посл.* на (*где? на ком-чём?*); *keseg võlaz* 'на полосе=своей' Примеры указания на видовые различия глаголов:

поттõлõнõ (*pottãlãnã*) *многокр. и крат. от поттõнõ*; 1. выносить, вынести... 2. выводить; *životez*

no pottelīzə n'i akaška bere. После акаяшки обычно выводили уже и скотину [280]

ПОТЪЯЛЛЯНО (*pot't'al'lanā*) *многokr. от потьяно*; **1.** выносить; вытаскивать... **2.** производить ○ *posnoj vej jetən kəd'əslis' pot't'al'azə.* *» Постное масло из семян льна производили' (Шам. 5, 41)

ПОТЪЯНО (*pot't'anā*) *крат. от поттəно*; **1.** выносить, вынести; вытаскивать; вывозить; *Vuz lafkaəs' pot't'alo* (М. Юнда) Товар выносят из магазина [265]

9. Стилистическая информация и указание на сферы употребления занимает в словаре незначительное место:

АКАЯШКА (*akajaška*) *этн.* акаяшка

ЛЕШАК (*l'ešak*): *лешак бас'тон бран.* чёрт побери ○ *l'ešak bas'ton puzam.* черт побери

СЮЛЭМ (*šulem*) **1.** *анат.* сердце **2.** *перен.* сердце, душа

ТАБАГИ (*tabagi*) *кул.* рыба в омлете (*смесь взбитых яиц с рыбой*)

10. За фонетическими вариантами заглавного слова иногда стоят указания на локализацию (территориальную привязку) слова. Подобные отметки даны лишь тогда, когда имеется информация о том, что соответствующие модификации слов характерны только для одного или ограниченного числа населенных пунктов:

БАН (*ban*), **БАМ** *горд.* **1.** щека; *banaz* (Б. Юнда) на щеках ○ *t'əžət bamjosəz* румяные щеки (Горд. 1, 15)

2. лицо; *ban* лицо [162] ○ *banəz s'ed talen.* Лицо у него грязное (Шам. 5, 20) **3.** склон (*горы, холма*) ○ *n'almoət ban* пологое место горы (Турч. 4, 31)

ТЯШЬЯ (*t'ašja*), **ТЯССА**, **ТЯСЬЯ**, **ТЯШША**, **ЧАЧЧА** *шам.* **1.** лес; *t'ašjaəs'* из леса [72]; *t'asjat'i* по лесу [80]; *Č'ač'č'aje aldas'kod* (Шам.) Заблудишься в лесу; *t'ašša* (Фил.) лес; *t'ašja ~ t'ašja ~ t'ašša* (Шам. 1, 14)

Как видно из второго примера, в д. Шамардан зафиксирована не только уникальная модификация *чачча*, но и варианты, характерные для других населенных пунктов.

11. Семантика слова раскрывается с помощью перевода на русский язык. Близкие по значению слова в переводе даются через запятую, более отдаленные – через точку с запятой, разные значения слова отделяются полужирными арабскими цифрами. Если имеется информация о синонимических связях, за арабской цифрой в круглых скобках полужирным шрифтом приводится соответствующее слово – после знака = (тождественность значений) или ≈ (близость значений):

КАРОНО (*karānā*) **1.** делать, сделать; причинить; *karəno* делать, сделать; причинить [129] **2.** (≈ **ЛЭСЬТОНО**, **ДАСЯНО**) делать, сделать; изготовить, изготавливать; приготовить, приготавливать; *gordkušmanlis' vənogred karo.* Из свеклы делают виноград [171] **5.** (≈ **ШУОНО**) называть, именовать; *T'erseməs' l'ukamze aslam kalap karo* [Вместе] сложенную пряжу называют у нас *kalap* [251]

При наличии информации о семантических особенностях слова в единичных населенных пунктах после номера значения указывается локализация (населенный пункт):

ТЭЛЬ **1.** мелкий лес; *tel'* мелкий лес [82] **2.** *итч.* (= **ТЯШЬЯ**) лес; *Az'vil n'ekič'č'i korka puktijni val: vez'd'e tel' val* (Итча) Первоначально [здесь] не-

где было ставить дом: всюду был дремучий лес [266.333]

12. Если какое-либо значение лексемы характерно в основном для ее форм с выделительным аффиксом -эз (-ез) или множественного числа -ос (-ёс), то такие формы даются при соответствующем значении после арабской цифры и двоеточия в круглых скобках:

печи (*peči*), **песи**, **пичи**, **поси** **1.** маленький; *pes'i* маленький [74]; *pos'i* маленький [78]; *peči* маленький [145] **3.:** (**печиез**) младший; *peči'jez* младший [158] **5.:** **печиос** маленькие [дети]; *pes'ios* маленькие (дети) [149]

шедтем (*šet't'em*) **1.** *прич. страд. и действ. прош. от шедьтəно*; **2.:** (**шедтемеz**) в знач. *суц.* пойманный (в игре в жмурки) ○ *šet't'emez* пойманный во время игры в жмурки, которому предстоит водить (Шам. 1, 33)

13. В переводах, а также при подаче бесермянских примеров слова, стоящие в круглых скобках, могут заменять предшествующее слово. В квадратные скобки заключены факультативные и контекстуальные переводы:

шараськəно (*šaraškənā*) показаться, показываться, выйти (выходить) на видное место

асьмес (*ašmes*), **асəмес**, **ачəмес** *мест.* **1.** *усил.-личн.* [мы] сами; *as'mes* мы сами

Пояснения, уточняющие переводы, даны в круглых скобках курсивом. В переводах Т. И. Тепляшиной в аналогичных случаях, как правило, использован прямой шрифт.

žot (*žot*), **жот**, **жəт** резко (*напр. ответить*); *žot* резко (*напр. ответить*) [61]

14. Значения слова оформляются на основе иллюстративных примеров, извлеченных из монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» и ее рукописных материалов (картотеки). Иногда это могут быть отдельные слова или сочетания слов, но чаще – выражения и целые предложения. Последние весьма ценны как для понимания контекста употребления, так и для изучения синтаксиса, морфологии, уточнения лексического значения слов. Пример словарной статьи с иллюстративным материалом:

сарва (*sarva*), **сарба** туесок, бурак (*из бересты*); *sarva ~ sarba* бурак (*из бересты*) [117]; *Zek sarvajən wal'lo užan'n'e nulləlīzə s'ukas', vu, ajaran, a peč'iaz – jel* (Шам.) В большом бураке на поле (букв. 'на работу, на место работы') носили прежде квас, воду, пахту, а в маленьком – молоко [250.1]; *Az'azə pote koz'ajka, kiaz sarvajen sur* (Шам.) Навстречу выходит хозяйка. В руке у нее бурак с пивом [279] ○ *sarva* бурак (Б. Юнда; Горд. 1, 23; 3, 65; Турч. 4, 12; Шам. 3, 22); *sarva pokriškā* крышка бурака (Шам. 3, 22) ♦ **ел сарва** бурачок, туесок для молока ○ *peči sarva, jel sarva* бурачок для молока (Шам. 3, 22); **печи сарва** см. **ел сарва**

Числа в квадратных скобках в конце иллюстративного материала, например [117], – это номера страниц монографии Т. И. Тепляшиной. Цифра после точки – [250.1] – номер предложения в приложении, размещенном в монографии на страницах 250–275. Сокращение в круглых скобках – указание

на название населенного пункта, в котором зафиксирован материал в полевых условиях.

За значком окружности (светлого круга) (○) размещен материал, извлеченный из рукописной картотеки Т. И. Тепляшиной по бесермянскому наречию. В круглых скобках в конце примеров дано указание на место фиксации, за которым первая цифра – это номер тетради (альбома), а вторая – номер страницы:... ○ *sarva* бумрак (Б. Юнда; Горд. 1, 23; 3, 65; Турч. 4, 12; Шам. 3, 22).

15. За знаком ромба (◆) размещены составные термины и устойчивые сочетания и выражения. Для наглядности они выделены полужирным шрифтом, после чего дается перевод и иллюстративный материал (см. п. 14).

16. В некоторых случаях нерелевантный материал в иллюстративных примерах пропущен, сами пропуски оформлены многоточием, заключенным в угловые скобки:

шашка (*šaška*) шашки; *šaška* шашки [110]; <...> *pjos šaškajen, šaxmaten šodo* (Шам.) <...> а молодые люди [чаще] играют в шашки, в шахматы [269.384]

17. В части карточек Т. И. Тепляшиной отсутствовали переводы бесермянского материала на русский язык. В этом случае мы предложили свой вариант в марровских (‘) кавычках, обозначив начало перевода знаком звездочки (*):

висказо (*viskazə*) между ними (куда?) ○ *ič'imen'ez pilen gurtaz pəto ojig pədən, t'oš med šagaləzo, medam šajtan pəro viskazə*. *'[Когда] невесту в дом жениха (= парня) заводят, [молодые] в ногу, вместе должны шагать, чтобы никакая сила не разлучила их (= чтобы шайтан не втиснулся между ними)' (Турч. 3, 5).

Знак равенства (=) здесь отражает буквальный перевод предыдущего слова или фрагмента.

18. Аналогичный знак внутри одного слова в некоторых случаях использован для передачи грамматического значения посессивных аффиксов, например *koran-zə* ‘коран=их’, – в следующем предложении:

бигер *Lapa d'užda gožtemən koranzə bigerlen* (Б. Юнда) Коран у тюрков [толстый] с ладонь напечатан (= ‘С ладонь высотой написан коран=их у татарина’. – С. М.) [256.113]

19. Материалы Т. И. Тепляшиной мы старались, насколько это возможно, оставить максимально в том виде (речь идет об орфографии, переводах, синтаксисе, транскрипции и т. д.), в каком они представлены в ее монографии и картотечном фонде. В случае необходимости в круглых скобках были сделаны краткие комментарии, снабженные инициалами С. М.:

көркөнө (*kārkānə ~ kārkanə*) вытряхивать, вытряхнуть, трясти, вытрясти; *kurč'ənə* (*kurkənə*. – С. М.), лит. *курткины* трясти, вытрясти, встряхнуть [161]; *kərkənə* вытряхнуть [216]; *korkənə* (*kər-*. – С. М.) ~ *kərkənə* вытряхнуть [240]

нуоно (*nu^unə*), **нуно** везти, увезти, отвезти; вывезти; *нувоно* (*nu^uono*. – Т. Т.) везти [54]; *nu^unə* нести, отнести [86]; *nuizə* увезли они [86]; *nuóte* увезем (‘давайте увезём’. – С. М.) [221]

В случае возможных неточностей и даже ошибочных предположений, в частности из-за отсутствия

необходимых данных, наши комментарии и переводы снабжены знаком вопроса:

көкөн-күнен (*kāken-kūnen*) по два – по три; двумя-тремя ○ *kəken-kūn'en pənənə pel'en'č'a* *‘(?) оплетать плиту (совок) двумя-тремя полосками лыка’ (Фил. 16)

20. Уточняющие слова или фразы, известные по другим примерам, при необходимости в переводы иллюстративного материала были введены в квадратные скобки; в этом случае их предваряет знак (*):

шөдөнө... играть, поиграть; *valzes okto-kalto no as'ses m^ono səd^onə* (Шам.) Там [*Дома молодые люди] ухаживают за лошадьми; ставят их на место и сами выходят на игрища [279]

21. Тильда (~) указывает на параллельно употребляющиеся фонетические формы:

səše ~ səč'e ~ səče такой, подобный (указание на отдаленный предмет) [198].

Аналогичным образом оформлена варьирующая транскрипция:

пезьчөкөнө (*peščäkānə ~ peščikānə*) готовить, варить, заниматься готовкой

22. За значком черного круга (●) размещен бесермянский лексический материал, извлеченный из публикаций, сопоставимые данные других диалектов, при необходимости – соответствия из литературного удмуртского, в некоторых случаях – информация по этимологии, например:

аракмат (*arakmat*), **аракман** бот. репей, репейник ○ *arakmat* ‘репей’ (Б. Юнда) ● бес. (Жув. Фил. Шам. Юн.) *аракмат*, (Юн.) *ракмат* (ДАУЯ III, 42–43)[1]; сев. *арикман ~ арыкман ~ арукман*... (ДАУЯ III, 42–43; Карп., 73–74¹, 428); закам. *ары'ман ~ әрби'ман*... (ДАУЯ III, 42–43) < тат. *әрекмән*, диал. *әрехмән ~ әрәтмән ~ рахман* ‘тж.’ [Алатырев 1988: 123; Тараканов 1993: 30, ДАУЯ 2013: 133]

жөкөт (*žokət*), **жөкөт** душевный || душевно; *žokət* душевный [131] ● лит. *жюкыт*

В круглых скобках приведены ссылки на публикации, использованные как источник лексикографического материала, в квадратных – ссылки на научную литературу. Данные, полученные в результате собственных наблюдений над удмуртскими диалектами, приводятся без указаний на источник.

23. Информация по этимологии в основном приводится для слов, имеющих тюркский или иранский источник, а также для русизмов, иногда и для собственно удмуртских слов с затемненным этимологом:

арня (*arña*) неделя ● < булг. **är(i)nä*: чув. лит. и низ. *эрне*, верх. *арня* ‘неделя’ < перс. *адинä / ädīna* ‘пятница’ < др.-перс. *fadena* ‘пятый день’ | < прото-чув. / др.-булг [Алатырев 1988: 88]; < булг [Тараканов 1993: 33]; < чув [Федотов 1996 II: 480–481]; < булг [Эхмэтьянов 2015 I: 113]; см. также: [Савельев 2021: 83]

¹ В описании собственно словарной статьи ссылки на литературу и источники даны в соответствии с концепцией составляемого словаря. Сокращение ДАУЯ – Диалектологический атлас удмуртского языка; Карп. – Карпова Л. Л. (см. список литературы).

кўязь (*kūz*) 1. погода • < *кўа ‘постройка’ + *азь* ‘то, что перед жилищем, вне жилища’

Знак (*) в этом случае означает реконструируемую праформу слова; знак (<) – направление заимствования слова или направление перехода одной формы в другую.

24. Для фонетических вариантов лексемы, различающихся историей происхождения, информация по этимологии представлена в отдельных абзацах:

кабѡста (*kabōsta*), **кобѡста** *турч.*, **кобиста** *горд.* капуста

• бес. *кабѡста*... Позднее проникновение из языка чепецких татар (< тат. *кабестә*), вытеснившее первоначальные формы *кубиста* (< булг.) и *кобѡста* ~ *кобис'та* (< чув.), ср. чув. *купѡста* ~ *копѡста* ~ *копста*

• бес. (Турч.) *кобѡста*; сев.: сч. *кобис'та* ~ *кобыс'та* < чув. *копѡста* ~ *копста* [Максимов 2009: 107–109]

• бес. (Горд.) *кобиста* < сев. *кубиста*. Последняя форма, как и названия капусты в большинстве удмуртских диалектов, заимствована из болгарского или древнечувашского языка, ср. чув. *купѡста* ~ *копѡста* ~ *копста* ‘капуста’ [Тараканов, 1993: 86; Максимов, 2009: 107]. Звукопереход *у > ө* (*и > ә*) в первом слоге произошел на бесермянской почве.

25. При наличии у заглавного слова лексического синонима в конце словарной статьи дается перекрестная отсылка с помощью сокращения *ср.* (сравни):

полча (*polča*), **польча** полка (*горизонтальная доска для различных мелких предметов быта в избе*)...; *ср. сядлар*

сядлар (*saldar*) кухонная полка...; *ср. полча*

Также указанная помета означает отсылку на разные грамматические категории однокоренных лексем:

пуш I (*puš*) *см. пош III* (внутренность); *ср. пушкөн* **пушкөн** (*puškän*) внутри, в (чём-л.)

Диалектные дублиеты (абсолютные синонимы) отсылаются сокращением *см. т.ж.* (смотри также):

колодча (*kolodča*), **колодэс** колодец; *kolodes'* зап. юнд., *kəjə* лекм. колодец [57]; *kolodč'a* (Вас.) колодец [57] ○ *kolodč'a žereb* (журавль колодезный) (Б. Юнда 2, 49); *см. т.ж. койѡ*

койѡ (*kājə*) колодец...; *см. т.ж. колодча*

Как уже было сказано выше, для иноязычных слов, в первую очередь имеющих тюркское происхождение, дается этимология. Одной из особенностей составленного словаря в этом отношении – это указание этимологии не только собственно заглавного слова, но и его фонетических вариантов. Примером тому может послужить лексема *кабѡста* ‘капуста’ татарского происхождения, однако ее фонетические варианты восходят к чувашскому (*кобѡста*) и болгарскому (*кобиста* < *кубиста*) языкам (см. об этом выше). Подобная подача материала поможет приблизиться к раскрытию истории формирования языка бесермян и истории самого народа.

Другим примером словарной статьи с множеством вариантов может послужить название картофеля *картокка*. В данном случае важно указать не просто на русский язык, как источник слова, а найти сам эти-

мон: < рус. *картѡфка* ~ *картѡвка*; бес. *картока* < рус. *картѡха*; бес. *картос* < рус. *картѡсы*; *картѡш* < рус. *картыши* [Словарь, 1977, с. 101, 103, 105, 107]. Подобный подход оправдан как с точки зрения контактов бесермян с местным русским населением, так и с точки зрения исследования вопросов бесермянской фонетики. В частности, в бесермянском известна корреспонденция шипящих согласных со свистящими (*ш* ~ *с*, *ж* ~ *з*) [Тепляшина, 1970, с. 133–141], природа которой до конца не выявлена. Однако в случае со словом *картос* можно видеть, что звукопереход *ш > с* произошел не на бесермянской почве, а в языке-источнике.

Выводы

Язык бесермян, проживающих на одной территории с северными удмуртами, достаточно своеобразен. С одной стороны, в нем имеются общие черты с северным наречием, с другой стороны – явные признаки южноудмуртского наречия. Кроме того, бесермянский обладает рядом особенностей, отсутствующих в других удмуртских диалектах или малохарактерных для последних. В частности, к таковым можно отнести лексические тюркские заимствования, отсутствующие даже в периферийно-южных говорах, сильно испытавших татарское влияние.

Бесермянское наречие достаточно хорошо изучено, при этом в начале текущего века его исследование интенсифицировалось. Тем не менее остается много нерешенных проблем, связанных как с фонетическими явлениями, так и с вопросами происхождения лексики. Представляется, что публикация словаря бесермянского наречия, созданного на основе полевых материалов, собранных еще в 60-е годы прошлого столетия, во многом поможет закрасить белые пятна не только в бесермяноведении, но и в исследованиях по удмуртскому языку в целом.

Сокращения языков и диалектов

Б. Юнда – с. Большая Юнда (Балезинский р-н УР); бес. – бесермянское наречие; булг. – болгарский язык; Вас. – д. Васильево (Глазовский р-н); верх. – верховой диалект (чув.); горд. – говор д. Гордино (бес.); Горд. – д. Гордино (Балезинский р-н УР); др.-булг. – древнеболгарский язык; др.-перс. – древнеперсидский язык; др.-чув. – древнечувашский язык; Жув. – д. Жувам (Юкаменский р-н УР); закам. – закамские говоры (удм.); зап. – западный говор (бес.); итч. – итчинский говор (бес.); лекм. – лекминский говор (бес.); М. Юнда. – д. Малая Юнда (Балезинский р-н УР); мюн. – говор д. М. Юнда (бес.); низ. – низовой диалект (чув.); перс. – персидский язык; проточув. – проточувашский язык; сев. – северное наречие (удм.); сч. – среднечепецкий диалект (удм. сев.); тат. – татарский язык; турч. – говор д. Турчино (бес.); Турч. – д. Турчино (Юкаменский р-н УР); удм. – удмуртский язык; УР – Удмуртская Республика; Фил. – д. Филимоново (Юкаменский р-н УР); чув. – чувашский язык; шам. – говор д. Шамардан (бес.); Шам. – д. Шамардан (Юкаменский р-н УР); Юн. – с. Юнда (Балезинский р-н УР); юнд. – юндинский говор (бес.).

Грамматические, стилистические и прочие сокращения

Анат. – анатомия; бран. – бранное; букв. – буквально, буквальный перевод; в знач. сущ. – в значении существительного; вспом. гл. – вспомогательный глагол; гл. прош. вр. – глагол прошедшего времени; действ. – действительное (причастие); диал. – диалект, диалектное; крат. – краткий (неоднаправленный, итеративный)

вид глагола; кул. – кулинария; лит. – литературный язык; мест. – местоимение; многокр. – многократный вид глагола; нареч. – наречие; перен. – переносное; посл. – послелог; прич. – причастие; прош. – (причастие) прошедшего времени; ругат. – ругательное; страд. – страдательное (причастие); усил.-личн. – усилительно-личное (местоимение); част. – частица; числ. – числительное; этн. – этнографизм.

Список литературы

1. Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: буквы А, Б / Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР. Ижевск, 1988. 240 с.
2. Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа : монография. Ижевск : Удмуртия, 2010. 576 с.
3. Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 3–42.
4. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
5. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1 / Удмуртский государственный университет, кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. 276 с.
6. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2 / Удмуртский государственный университет, кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 395 с.
7. Кельмаков В. К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах / Удмуртский государственный университет. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1992. С. 33–107.
8. Кельмаков В. К. Т. И. Тепляшина и современное удмуртское языкознание / Удмуртский государственный университет, факультет удмуртской филологии, кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2009. 34 с.
9. Кельмаков В. К. Т. И. Тепляшиной 80 // Пермистика – 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии / ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», факультет удмуртской филологии, кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск, 2009. С. 11–41.
10. Луппов П. Н. О бесермянах // О бесермянах : сборник статей / Удмуртский институт истории языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 1997. С. 19–49.
11. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян: монография / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
12. Максимов С. А. Комментарий к карте «Капуста» // Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Бусыгина Л. В., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Выпуск 1. С. 105–110.
13. Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. 646 с.
14. Напольских В. В. «Бисермины» // О бесермянах : сборник статей / Удмуртский институт истории языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 1997. С. 50–54.
15. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Бусыгина Л. В. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2013. Выпуск 3. 302 с.
16. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Бусыгина Л. В., Арзамасова О. А. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2015. Выпуск 5. 256 с.
17. Попова Е. В. Календарные обряды бесермян / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2004. 253 с.
18. Попова Е. В. Культурные памятники и сакральные объекты бесермян : монография / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2011. 320 с.
19. Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX вв.) : монография / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 1998. 241 с.
20. Савельев А. В. Старочувашский памятник с различением датива и аккузатива // Урало-алтайские исследования. 2021. №1. С. 77–100.
21. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / редакторы-составители А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. Москва : ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
22. Словарь русских народных говоров / главный редактор Ф. П. Филин ; редактор Ф. П. Сороколетов ; АН СССР ; Институт русского языка, словарный сектор. Ленинград : Наука, 1977. Выпуск 12 : Калун-Кобза. 358 с.
23. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: теория и словарь. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 170 с.
24. Тезаурус бесермянского наречия : И=имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан) / М. Н. Усачева [и др.]. Москва : Издательские решения, 2017. 540 с.

25. Тепляшина Т. И. Язык бесермян / АН СССР ; Институт языкознания. Москва : Наука, 1970. 288 с.
26. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х томах. Чебоксары, 1996.
27. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге : ике томда. Казан : Мәгариф-Вақыт, 2015.

References

1. Alatyrev, V. I. (1988). Etimologicheskii slovar' udmurtskogo iazyka: bukvy A, B, 240. Izhevsk.
2. Atamanov-Egrapi, M. G. (2010). Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda : monografiia, 576. Izhevsk : Udmurtiia.
3. Grishkina, M. V., & Vladykin, V. E. (1982). Pis'mennyye istochniki po istorii udmurtov IX-XVII vv. *Materialy po etnogenezu udmurtov*, 3-42. Izhevsk.
4. Karpova, L. L. (2013). Leksika severnogo narechiia udmurtskogo iazyka: srednechepetskiy dialekt. Izhevsk.
5. Kel'makov, V. K. (2003). Dialektnaia i istoricheskaia fonetika udmurtskogo iazyka. Chast' 1, 276. Izhevsk: Izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet".
6. Kel'makov, V. K. (2004). Dialektnaia i istoricheskaia fonetika udmurtskogo iazyka. Chast' 2, 395. Izhevsk: Izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet".
7. Kel'makov, V. K. (1992). K opisatel'noi i istoricheskoi fonetike besermianskogo narechiia. *Kel'makov V. K. Problemy sovremennoi udmurtskoi dialektologii v issledovaniakh i materialakh*, 33-107. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta.
8. Kel'makov, V. K. (2009). T. I. Tepliashina i sovremennoe udmurtskoe iazykoznanie, 34. Izhevsk: Izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet".
9. Kel'makov, V. K. (2009). T. I. Tepliashinoi 80. *Permistika, 10: Voprosy permskoy i finno-ugorskoy filologii*, 11-41. Izhevsk.
10. Luppov, P. N. (1997). O besermianakh. *O besermianakh : sbornik statei*, 19-49. Izhevsk.
11. Liukina, N. M. (2016). Fonetiko-morfologicheskie osobennosti iazyka lekminskikh i iundinskikh besermian: monografiia, 200. Izhevsk: Institut komp'iuternykh issledovaniy.
12. Maksimov, S. A. (2009). Kommentarii k karte "Kapusta". *Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Busygina L. V., Ostavnova G. V. Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka*, Vypusk 1. Izhevsk: NITs "Reguliarnaia i khaoticheskaiia dinamika".
13. Napol'skikh, V. V. (2015). Ocherki po etnicheskoi istorii, 646. Kazan'.
14. Napol'skikh, V. V. (1997). "Biserminy". *O besermianakh : sbornik statei*, 50-54. Izhevsk.
15. Nasibullin, R. Sh., Maksimov, S. A., Semenov, V. G., & Busygina, L. V. (2013). Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka : karty i kommentarii, Vypusk 3, 302. Izhevsk : NITs "Reguliarnaia i khaoticheskaiia dinamika".
16. Nasibullin, R. Sh., Maksimov, S. A., Semenov, V. G., Busygina, L. V., & Arzamazova, O. A. (2015). Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka : karty i kommentarii. Izhevsk : NITs "Reguliarnaia i khaoticheskaiia dinamika", Vypusk 5, 256.
17. Popova, E. V. (2004). Kalendarnyye obriady besermian, 253. Izhevsk.
18. Popova, E. V. (2011). Kul'tovyye pamiatniki i sakral'nye obekty besermian : monografiia, 320. Izhevsk.
19. Popova, E. V. (1998). Semeinye obychai i obriady besermian (konets XIX – 90-e gody XX vv.), 241. Izhevsk.
20. Savelyev, A. V. (2021). A pre-standard Chuvash text with a dative-accusative distinction. *Ural-Altai studies*, 1, 77-100.
21. Kuznetsova, I., Serdobol'skaia, N. V., Usacheva, M. N., Biriuk, O. L., & Idrisov, R. I. (2013). Slovar' besermianskogo dialekta udmurtskogo iazyka., 540. Moskva: TEZAURUS.
22. (1977). Slovar' russkikh narodnykh govorov, Vypusk 12. Filin ; Sorokoletov ; AN SSSR ; Leningrad: Nauka.
23. Tarakanov, I. V. (1993). Udmurtsko-tiurkskie iazykovyye vzaimosviazi: teoriia i slovar', 170. Izhevsk : Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta.
24. Usacheva, M. N. (2017). Tezaurus besermianskogo narechiia : I=imena i sluzhebnyye chasti rechi (govor derevni Shamardan), 540. Moskva: Izdatel'skie resheniia.
25. Tepliashina, T. I. (1970). Iazyk besermian, 288. AN SSSR. Moskva: Nauka.
26. Fedotov, M. R. (1996). Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka.
27. Ekhmet'yanov R. G. (2015). Татар теленең этимологик сүзлеге : ике томда. Казан : Мәгариф-Вақыт.

Информация об авторе

Максимов Сергей Анатольевич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, Российская Федерация.

Information about the author

Sergey A. Maksimov – candidate of philological sciences, senior research fellow of FSBIS "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", Izhevsk, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 07.08.2022

Принята к публикации / Accepted 27.09.2022

Опубликована / Published 29.09.2022

Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «домашнее животное» в мордовских и финском языках

DOI 10.31483/r-103508

УДК 811.511.1

Мосина Н. М.

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», Саранск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, e-mail: natamish@rambler.ru

Резюме: Цель исследования заключается в выявлении общих и отличительных признаков мордовских и финских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «домашнее животное» на основе сравнительного изучения характеристик исследуемых фразеологизмов. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в мордовских (эрзянском, мокшанском) и финском языках с целью выявления общих и специфических признаков, присущих данным языковым культурам. Очевидная недостаточность исследований фразеологизмов рассматриваемой тематической группы также объясняет проведение исследования фразеологических единиц, которые в своем составе имеют зоонимические компоненты. Объектом исследования послужили фразеологические единицы мордовских и финского языков, в которых выявлен компонент-зооним «домашнее животное». На основе методов описательного, сравнительно-сопоставительного, компонентного анализа на материале сплошной выборки в статье выделяются составляющие семантического аспекта фразеологических единиц с компонентами-зоонимами; выявляются доминирующие образы во фразеологизмах с семей-зоонимом, анализируется частотность их употребления в двух языках и определяются универсальные и специфические явления в мордовских и финском языках. Основной материал исследования представлен фразеологизмами с зоокомпонентом в мордовских (эрзянском и мокшанском) и финском языках, выявленными путем сплошной выборки из толковых одноязычных, двуязычных и фразеологических словарей, а также из текстов художественной и публицистической литературы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, зоокомпонент, эрзянский язык, мокшанский язык, финский язык.

Для цитирования: Мосина Н. М. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «домашнее животное» в мордовских и финском языках // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 31-36. DOI:10.31483/r-103508.

Research Article

Comparative Analysis of Phraseological Units with the Zoonym Component "Domestic Animal" in the Mordovian and Finnish Languages

Natalya M. Mosina

FSBEI of HE "National Research Ogarev Mordovia State University", Saransk, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, e-mail: natamish@rambler.ru

Abstract: The purpose of the study is to identify common and distinctive features of Mordovian and Finnish phraseological units with the zoonym component «domestic animal» based on a comparative study of the characteristics of the studied phraseological units. The relevance of this study is due to the need for a comprehensive study of phraseological units with a zoonym component in the Mordovian (Erzya, Moksha) and Finnish languages in order to identify common and specific features inherent in these linguistic cultures. The obvious insufficiency of studies of phraseological units of the considered thematic group also explains the study of phraseological units, which have zoonymic components in their composition. The object of the study was the phraseological units of the Mordovian and Finnish languages, in which the zoonym component «domestic animal» was identified. Based on the methods of descriptive, comparative, component analysis, as well as the method of continuous sampling, this article highlights the components of the semantic aspect of phraseological units with zoonym components; the dominant images in phraseological units with the seme-zoonym are revealed, the frequency of their use in two languages is analyzed, and the universal and specific phenomena in the Mordovian and Finnish languages are determined. The main material of the study is presented by phraseological units with a zoocomponent in the Mordovian (Erzya and Moksha) and Finnish languages, identified by continuous sampling from explanatory monolingual, bilingual and phraseological dictionaries, as well as texts of fiction and journalistic literature.

Keywords: phraseological unit, zoocomponent, Erzya language, Moksha language, Finnish language.

For citation: Mosina N. M. (2022). Comparative Analysis of Phraseological Units with the Zoonym Component "Domestic Animal" in the Mordovian and Finnish Languages. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 31-36. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103508.

Введение

Неотъемлемой и отдельно выделенной частью языка является фразеология. Этот национально специфичный компонент способен концентрированно передать не только особенности языка, но и подчеркнуть ми-

роощущение, склад ума, менталитет, национальный характер и стиль мышления его носителей. При этом антропоцентричность современной лингвистики активизировала новые подходы к изучению собственно языковых явлений, расширяя междисциплинарные

связи. Особенно ярко это проявляется в исследованиях фразеологии и паремиологии в последние десятилетия, когда данные языковые факты становятся предметом рассмотрения не только в собственно лингвистическом аспекте (функционально-семантическом, этимологическом, парадигматическом и синтагматическом и т. д.), но и лингвокультурологическом, когнитивном, контрастивном и лингвострановедческом аспектах [2; 3; 4].

Зоологическая лексика является существенным компонентом словарного состава любого современного языка. Ее история уходит в глубокую древность, когда анимализм был основой мировоззрения. Множество примет, поверий, обиходных норм связано с анализом окружающего мира человеком в прошлом. Животные играли важную роль в жизни людей, они были культовыми, являлись предметами почитания, тотемами, покровителями. Это нашло отражение в древнейших пластах лексики. Зоонимы (зоологическая лексика) отражают многовековые наблюдения человека над внешним видом и повадками животных, несут информацию, как о типичных чертах животного, так и о менее явных признаках, не отраженных в словарных дефинициях. Животное было для людей не только источником питания и одежды, но и мерилем многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. Этнографические зарисовки свидетельствуют о том, что еще в давние времена человек умел из совокупности поведенческих характеристик того или иного животного отбирать наиболее важные для своих практических целей, в его сознании конструировался символ, соответствующий его представлениям об этом животном, который физически переносился на него самого с уверенностью, что теперь он сам обладает идентичными свойствами и качествами.

Лексико-семантическая группа «названия животных» давно привлекает внимание исследователей в связи со способностью ее единиц обладать многозначностью, основанной на метафорических и метонимических связях.

Зооморфизм – одна из универсальных тенденций *метафоризации*. Многие наименования животных стали устойчивыми метафорами, обозначающими качества человека.

При исследовании фразеологических зоонимов релевантным является принцип антропометричности. Он проявляется в создании эталонов, или стереотипов, которые служат ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности. Выступая в качестве механизма смыслопроизводства и консервации смысла (его передачи, сохранения), метафора представляет собой один из важнейших культурных механизмов. Помимо способности отражать энциклопедическое знание или личностное представление, метафора может отражать и национально-культурное знание, национально-специфическое видение мира.

Материал и методы исследования

Языковым материалом для исследования послужили фразеологические единицы с зоокомпонентом

«домашнее животное», выделенные методом сплошной выборки на материале толковых одноязычных, двуязычных и фразеологических словарей, а также текстов художественной и публицистической литературы. Собранный материал по мордовским языкам извлечен из работ Р. С. Ширманкиной «Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков» [8], К. Т. Самородова «Мордовские пословицы, присловицы и поговорки» [5]. Материал по финскому языку был выявлен из фразеологических словарей «Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja» Э. Кари [9], «Vanhan Kansan sananlaskuviisau» М. Кууси [11], «Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги» О. А. Храмцовой [7].

Представленные примеры художественной и публицистической литературы на мордовских (мокшанском и эрзянском) и финском языках выявлены из лингвистического корпуса KORP, содержащего тексты различной тематики и функционального стиля [10].

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: описательный, сравнительный, метод компонентного анализа, метод сплошной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение

Группа фразеологических единиц, выявленных на материале эрзянского, мокшанского и финского языков и содержащих зоокомпонент «домашнее животное», является наиболее многочисленной на материале всех исследуемых языков [1; 3; 6]. Это объясняется прежде всего тем, что тысячи лет назад древние люди сделали первые шаги на пути одомашнивания с той целью, чтобы сделать свою жизнь комфортнее и стабильнее. Человек получал от одомашненных животных не только материальные продукты (мясо, молоко, яйца), но и эстетическое удовольствие. Ученые полагают, что прародителями домашних животных были дикие звери, а появились первые одомашненные особи еще до каменного века. О том, когда человек одомашнил животных, практически нет сведений, так же катастрофически мало сведений и об их происхождении. В Библии говорится о домашних животных, как об обыкновенных инструментах земледелия и скотоводства.

Обратимся к поэтапному описанию животных, входящих в лексико-семантическую подгруппу «домашнее животное» на основе нисходящей прогрессии, рассматривая дефиниции толковых словарей и собранный корпус фразеологических единиц [10; 12].

1. Компонент-зооним эрз. *туво*; мокш. *тува*, фин. *sika* ‘свинья’. Компонент-зооним эрз. *туво*; м. *тува*, ф. *sika* ‘свинья’ является одним из самых продуктивных в ряду зоонимов, относящихся к семантической группе «домашние животные». Зооним эрз. *тува*, мокш. *туво*, фин. *sika* ‘свинья’ относится к зоонимам с высокой продуктивностью как в мордовских, так и финском языках. Обращаясь к толковому словарю финского языка, выявляем основные особенности животного: *Yleinen kotieläin nelijalkainen eläin, jolla on sorkat, harjakset ja kaivamiseen sopeutunut nenä ja jota ihmiset pitävät karjana*

lihan vuoksi – обычное домашнее парнокопытное животное, с копытами, щетиной и приспособленным носом для рытья, которое люди содержат в качестве скотины для получения мяса. Эрз. *туво*, мокш. *тува*, фин. *emakko*, *emäsika* ‘свиноматка’; эрз. *тулевкс / нурууз*, мокш. *пурхх*, фин. *porsas* ‘поросенок, детеныш свиньи’; эрз. *тувонь сиволь*, мокш. *тувонь сивель*, фин. *sianliha* ‘свинина (мясо свиньи)’. Кроме этого, эрз. *тува*, мокш. *туво*, фин. *sika* ‘свинья’ часто используются в качестве оскорбительного слова, описывающего невежливого человека. Таким образом, развитие семантики данного компонента обусловлено природными признаками и особенностями жизнедеятельности животного, а также сельскохозяйственным назначением домашнего животного: в первую очередь свинья – это животное, содержащееся ради использования мяса, во-вторых, – это ценный ресурс для производства.

Признак «животное, содержащееся ради использования мяса» в первую очередь создает негативную ассоциацию как в мордовских, так и в финском языках. Как известно, для извлечения наибольшей выгоды и получения большего ресурса, свинью всегда хорошо кормят, при этом это животное всеядное и не слишком аккуратно при приеме пищи. Эти знания и представлены в формах: фин. *Sinäkin sika* ‘ты свинья’; *siivoton sika* ‘грязная свинья’.

Зооним эрз. *тува*, мокш. *туво*, фин. *sika* ‘свинья’ также часто выражает негативно окрашенную оценку человека, как правило, за поведенческие характеристики человека, выражающиеся в его неприличном виде или непристойных, грубых манерах: мокш. *тувонь няр* ‘бессовестный человек’, букв. ‘свиное рыло; фин. *rasvainen kuin sika* ‘жирный, как свинья’; *olla humalassa kuin (taivaan) sika* ‘быть пьяным, как (небесная) свинья’.

Компонет эрз. *тува*, мокш. *туво*, фин. *sika* ‘свинья’ выступает в качестве символа низкой умственной способности. Выражение непонимания человека в жизни или деятельности других людей закреплено во фразеологических единицах: фин. *ei ymmärrä enempää kuin sika / porsas hopealusikasta* ‘разбираться, как свинья / поросенок в апельсинах’, букв. ‘не смыслить больше, чем свинья в серебряной ложке’; *ei ymmärrä enempää kuin sika helmistä* ‘не смыслить больше, чем свинья в жемчуге’; *heittää helmet sioille* ‘напрасно объяснять или спорить с тем, кто не сможет это понять’, букв. ‘метать жемчуг перед свиньями’.

Зооним эрз. *тува*, мокш. *туво*, фин. *sika* ‘свинья’ также выступает в качестве обозначения жестокости и агрессии. Это связано в первую очередь с проявлением человеческой агрессии, когда, например, человек не жалеет чужую свинью, поэтому проявляет большую степень грубости: фин. *iskeä (kiinni) kuin sika limpouun* ‘(при)бить, как свинья каравай’; *lyödä jkta kuin vierasta sikaa* ‘бить кого-либо как чужую свинью’; *pistää niinkuin vierasta sikaa* ‘зарезать как чужую свинью’.

В то же время эрз. *тува*, мокш. *туво*, фин. *sika* ‘свинья’ выступают как символ безответственности, выражая пренебрежение общепринятыми нормами, несоблюдение правил, законов и инструкций,

существующих в обществе: фин. *elää / olla kuin sika vatukossa* ‘жить / быть, как свинья в малиннике’; *tosissaan kuin sika rukiissa* ‘вправду, как свинья во ржи’.

В отдельных случаях в финском языке свинья часто ассоциируется и в положительной коннотации, как ценный ресурс: *nätti kuin sika pienenä* ‘хорошенький, как свинка’. Однако преимущественно зоокомпонент эрз. *тува*, мокш. *туво*, фин. *sika* ‘свинья’ несет в себе смысл с отрицательной оценкой характера и действий человека.

2. Компонент-зооним эрз. скал / бука, мокш. тракс / бука, фин. lehmä / härkä ‘корова / бык’. В семантической подгруппе «домашний скот» компонент-зооним эрз. *скал*, мокш. *скал / тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’ находится на втором месте по фразеологической активности в мордовских и финском языках. Электронный толковый словарь финского языка указывает на основные особенности животного: *nisäkäs, jalat päättyvät kavioihin, sarvipari päähän, märehitjöitä, on suuri lujuus, pystyy viljelemään peltoa, vetämään kärkeä, liha ja maito ovat syötäviä, sarvet, iho, luut voidaan käyttää tuotannossa* – млекопитающее, ноги заканчиваются копытами, на голове пара рогов, жвачное животное, обладает большой силой, в состоянии возделывать поле, тянуть телегу, мясо и молоко пригодны в пищу, рога, кожу, кости можно использовать в производственной деятельности.

Самец коровы – эрз. *бука*, мокш. *бука*, фин. *härkä* ‘бык’, самка в эрз. *скал*, мокш. *тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’; эрз. *ваз*, мокш. *вазня*, фин. *vasikka* ‘теленочек, детеныш коровы’. Мясо коровы – эрз. *скалонь / букань сывель*, мокш. *траксонь / букань сиволь*, фин. *naudanliha / häränliha / raavaanliha* ‘говядина (мясо коровы)’. Еще одно значение, заключенное в зоониме эрз. *скал*, мокш. *скал / тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’: *loukkaava sana naiselle, varsinkin jos hän on tyhmä tai epäystävällinen* – оскорбительное слово для женщины, особенно если она глупая или недобрая.

На основании анализа статей, приведенных в толковом словаре, можно заключить, что семантика компонента-зоонима эрз. *скал*, мокш. *скал / тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’ или эрз. *бука*, мокш. *бука*, фин. *härkä* ‘бык’ включает базовые ассоциативные признаки – источник пропитания, тягловое животное, которые объединяются в общий признак «источник стабильности».

Ассоциативный признак «источник пропитания» обусловлен важным сельскохозяйственным значением, которое имело животное в жизни человека. Однако фразеологический ряд ‘бык в качестве тяглого животного’ связан с характерными физиологическими признаками животного. Сила, мощь, выносливость быка нашли отражение в следующих фразеологических единицах, описывающих тяжелый труд: фин. *vahva / väkevä kuin härkä* ‘крепкий / сильный как бык’; *verta tulee kun härän kurkusta* ‘кровь течет, как из горла быка’ (о силе); *tarttua härkää sarvista* ‘взять быка за рога’, т. е. смело приступить к делу.

Описание тяжелого труда животного ассоциируется также и с постоянной, монотонной работой, для которой необходима твердость и непреклон-

ность характера: мокш. **букань коня** ‘твердолобый, упрямый’, букв. ‘бычий лоб’.

Стадный образ жизни животного также отражен в фразеологической лексике с компонентом эрз. *скал*, мокш. *скал / тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’. Отклонения от такого поведения ассоциируются с человеческими признаками взбалмошности, отличия от остального коллектива: мокш. *стадань колай тракс* ‘делать по-своему’, букв. ‘корова, нарушающая стадо’.

Семантика компонента-зоонима эрз. *скал*, мокш. *скал / тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’ часто используется в качестве обозначения предмета чрезмерного почитания, того, что высоко ценится и почитается людьми. Значение данного признака выражено фразеологическими единицами, связанными с религиозными представлениями разных культур: фин. *pyhä lehmä* ‘священная корова’.

В то же время физиологические особенности человека часто связывают с компонентом-зоонимом эрз. *скал*, мокш. *скал / тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’. Часто этот зооним выступает в качестве образца неуклюжести. Устойчивый оборот с данным компонентом чаще всего выражает оценку характеристики женщины, проявляющейся в ее неуклюжей походке: фин. *kävellä kuin lehmä* презр. ‘ходить, как корова’.

Компонент эрз. *скал*, мокш. *скал / тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’ участвует также в обозначении упадка или ухудшения, что отражается в фразеологических единицах: мокш. *стадань колай тракс* ‘делать по-своему’, букв. ‘корова, нарушающая стадо’; фин. *laskea kuin lehmän häntä / kasvaa alaspäin kuin lehmän häntä* ‘опускаться / расти вниз, как коровий хвост’.

Мокш. *ваз* ‘теленка’ часто выступает компонентом, обозначающим пространственно-понятийное восприятие действительности: мокш. *вазнянь нарама ковть* ‘никогда’, букв. ‘в месяц стрижки телят’.

В финском языке зооним фин. *vasikka* ‘теленка’ часто выступает в качестве символа беспечности и веселья: фин. *iloinen kuin vasikka* ‘веселый, как теленок’; *ei härkä muista vasikkaansa olleensa* ‘бык не помнит, что был теленком’. В то же время зооним фин. *vasikka* ‘теленка’ выступает в качестве символа богатства, власти золота и денег: *kultainen vasikka* ‘золотой теленок’.

В зависимости от компонентов фразеологических единиц, входящих в состав, зооним эрз. *бука*, мокш. *бука*, фин. *härkä* ‘бык’ чаще имеет положительную ассоциацию, компонент эрз. *скал*, мокш. *скал / тракс*, фин. *lehmä* ‘корова’ преимущественно отрицательную коннотацию.

3. Компонент-зооним эрз. алаша / лишиме, мокш. алаша / лишиме, фин. hevonen ‘лошадь’. Следующим компонентом по фразеологической активности в мордовских и финском языках в семантической подгруппе «домашние животные» является эрз. *алаша / лишиме*, мокш. *алаша / лишиме*, фин. *hevonen* ‘лошадь’. Особенности животного также описаны в электронном толковом словаре финского языка и указывают на основные характеристики: *nisäkäs, harja kaulassa, hännässä, vahvat raajat, kulkee hyvin, ihmiset käyttävät sitä ratsastukseen tai tavaroiden kuljettamiseen* – млекопитающее, на шею

имеется грива, волосы на хвосте, сильные конечности, хорошо бегают, используется людьми для верховой езды или для перевозки вещей. Взрослый самец лошади (конь) представлен аналогичными единицами в обоих языках – эрз. *алаша / лишиме*, мокш. *алаша / лишиме*, фин. *hevonen* ‘конь’. У данного компонента существуют особые обозначения детенышей: недавно рожденный обозначается как эрз. *вашо, парнэ*, мокш. *ваша, вашеня*, фин. *varsa* ‘жеребенок’; уже подросший, но еще не приученный к тягловой работе конь обозначается как эрз. *айгор*, мокш. *айгор*, фин. *ori* ‘жеребец’.

Анализ обозначения компонента позволяет сказать об основных ассоциативных признаках. В первую очередь единица эрз. *алаша / лишиме*, мокш. *алаша / лишиме*, фин. *hevonen* ‘лошадь’ выступает в обозначении ‘транспортное средство’ или ‘животное, предназначенное для верховой езды’, что активно подчеркивает признак силы, выносливости и трудолюбия, что часто связано с выражением усердной работы’. Подобные устойчивые выражения широко распространены в обоих языках. Например: мокш. *кашан алаша* ‘непоскорный’, букв. ‘упрямая лошадь’; фин. *tehdä työtä (töitä) kuin hevonen* ‘работать, как лошадь’; *hevonen on vaahdossa* ‘лошадь в мыле’ (об усердности).

Высокая производительность животного обусловлена и оценкой хорошего аппетита, и выражается устойчивыми оборотами: фин. *syödä kuin hevonen* ‘есть, как лошадь’; *ruokahalu kuin hevossella* ‘аппетит, как у лошади’.

Знание о том, что у лошадей очень хорошая зрительная, тактильная и слуховая память описывается с помощью фразеологизмов: фин. *hevosen muisti* ‘лошадина память’ (о хорошей памяти).

Кроме этого, компонент эрз. *алаша / лишиме*, мокш. *алаша / лишиме*, фин. *hevonen* ‘лошадь’ обозначает высокую оценку речевых способностей человека: фин. *puhua jtk kuin hevonen* ‘говорить что-то как лошадь’, т. е. хорошо говорить на каком-либо языке.

Отражение спешности в делах выражено во фразеологических единицах: фин. *panna kärryt hevosen eteen* ‘ставить телегу впереди лошади’, т. е. неразумно подходить к выполнению работы.

Интересно происхождение устойчивого выражения фин. *Troijan hevonen* ‘Троянский конь’, используемой в ситуации, когда изначально что-то кажется безобидным, но в итоге оказывается плохим. Семантика обусловлена древнегреческим мифом, рассказывающим о поражении войск древнего города Троя, и выражает негативную ассоциацию. Однако компонент-зооним эрз. *алаша / лишиме*, мокш. *алаша / лишиме*, фин. *hevonen* ‘лошадь’ несет в себе положительную оценку действительности или характера человека.

4. Компонент-зооним эрз. реве, мокш. уча, фин. lammas ‘овца’. Активным компонентом фразеологических единиц, относящихся к категории «домашнее животное» в мордовских и финском языках выступает зооним эрз. *реве*, мокш. *уча*, фин. *lammas* ‘овца’. Согласно толковому словарю финского языка, *Nisäkäs, kotieläin, kuuluu märehitijöiden alaryhmään, päässään on yleensä kaksi parisarvea, monia rotuja on kasvatettu* –

млекопитающее, домашнее животное, относится к подотряду жвачных, обычно на голове имеется два парных рога, выведено много пород. Самец в эрз. *баран*, мокш. *боран*, фин. *pässi* 'баран'; эрз. *вирез*, *ревелевкс*, мокш. *вероз*, фин. *karitsa* 'ягненок, детеныш'. В финском языке *karitsa* 'ягнати́на' также служит для обозначения мяса, получаемого от животного.

Известно, что данное животное полезно для сельского хозяйства, в том числе выступает в качестве ресурса мяса и ценной шерсти. Оно имеет развитый стадный инстинкт и неприхотливо в еде. Все это отражено и во фразеологической лексике. Несмотря на ресурсодержащие качества животного, в обеих группах языков частым ассоциативным признаком является безобидность и пугливость животного: фин. *siivo kuin lammas* 'кроткий, как овца'; *viaton kuin lammas* 'безобидный, как овца'.

Распространенным фразеологизмом является устойчивая единица, основанная на отличии от других членов коллектива или группы. Это связано с колористическим признаком вида животного, в частности, считается, что шерсть черной овцы менее ценна в отличие от шерсти белой овцы и несет в себе отрицательную оценку действий и характера человека: фин. *musta lammas* 'паршивая овца', букв. 'черная овца'.

Кроме этого, зооним эрз. *реве*, мокш. *уча*, фин. *lammas* 'овца' связан с библейскими текстами и часто употребляется для выражения образа человека, отступившего от веры, сбившегося с истинного пути. Фразеологизм выражает отрицательное отношение к себе-седнику: фин. *kadonnut lammas* 'заблудшая овца'.

Оценка непонимания, низкого уровня умственной деятельности выражена посредством зоокомпонента эрз. *баран*, мокш. *боран*, фин. *pässi* 'баран'. Это связано в первую очередь с характерными поведенческими чертами животного: мокш. *шары уча* 'бестолковый, суетливый', букв. 'взбалмошная овца'; фин. *tyhmä / itsepäinä kuin pässi* 'тупой / упрямый, как баран'; *puhua niin kuin (keitetystä) lampan päästä* 'говорить глупости', букв. 'говорить, как (вареная) овечья голова'.

Таким образом, несмотря на положительную характеристику животного, в семантике фразеологизмов с компонентами эрз. *реве*, мокш. *уча*, фин. *lammas* 'овца' и эрз. *баран*, мокш. *боран*, фин. *pässi* 'баран' в большинстве примеров выявлена отрицательная оценка человеческих качеств.

Рассмотрение других компонентов-зоонимов, относящихся к группе «домашние животные», показывает низкую продуктивность. Например, во фразеологическом ряду с компонентом эрз. *сеябаран*, *атяка сея*, мокш. *атясява*, *атяказа*, фин. *pukki* 'козел' выявлено

всего шесть фразеологических выражений в финском языке. Частое употребление компонента связано с выражением физической выносливости и здоровья животного: фин. *terve kuin pukki* 'здоров, как козел'.

Кроме того, в мордовских языках компонент эрз. *сеябаран*, *атяка сея*, мокш. *атясява*, *атяказа* часто несет отрицательную ассоциацию, описывая человека, которого обвиняют в собственных ошибках, ответчика за чужие грехи: эрз. *свал чумось*, мокш. *фалу муворусь* в значении 'козел отпущения'.

В финском языке отдельно выявлен признак оценки недоверия по отношению к человеку: фин. *luottaa jkhuin kuin pukki suuriin sarviinsa* 'доверять, как козел большим рогам'; *panna pukki kaalimaan vartijaksi* 'поставить козла сторожить капусту'.

Еще одним малопродуктивным компонентом выступает зооним эрз. *ишем*, мокш. *яшак*, фин. *aasi* 'осел'. Ассоциации с этим животным преимущественно связаны с физиологическими особенностями и поведением: фин. *olla tyhmä kuin aasi* 'быть глупым, как осел'.

Выводы

Проведенный компонентный анализ фразеологических единиц лексико-семантической группы «домашнее животное» позволил выделить четыре группы фразеологизмов на материале мордовских (мокшанского и эрзянского) и финского языков и определить фразеологическую активность компонента-зоонима. В первую группу вошли фразеологизмы с компонентом-зоонимом 'свинья': эрз. *туво*; мокш. *тува*, фин. *sika*; вторая содержит фразеологизмы с зоонимом 'корова / бык': эрз. *скал / бука*, мокш. *тракс / бука*, фин. *lehmä / härkä*; третья группу составили фразеологические единицы с компонентом 'лошадь': эрз. *алаша / лишме*, мокш. *алаша / лишме*, фин. *hevonen*; четвертая представлена фразеологизмами, в состав которых вошел зооним 'овца': эрз. *реве*, мокш. *уча*, фин. *lammas*.

Наряду с компонентным анализом изучены семантические, ассоциативные, лингвокультурологические характеристики фразеологических конструкций, что позволило выявить общие черты и отличительные особенности в каждом из представленных языков.

Как показывает исследование, во всех трех языках доминируют общие, универсальные явления.

Полученные результаты позволяют наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения фразеологизмов с зоонимами в различных, в том числе разноструктурных, языках. Материалы и выводы могут послужить частью теоретической и практической основы для дальнейших научных изысканий.

Список литературы

- Кулакова Н. А. Фразеологические обороты, характеризующие человека, его поведение и личностные качества, в мокшанском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. № 2. С. 85–91.
- Мосина Н. М., Дригалова Е. Д. Репрезентация концепта «семья» в лексико-фразеологических системах финского и эрзянского языков // XLVIII Огаревские чтения. Саранск : Издательство Мордовского университета, 2020. Часть 1. С. 32–37.
- Мосина Н. М., Дригалова Е. Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом «рää» / «голова» в финском и русском языках // Огарев-online. 2017. № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2017/05/drivalova-e.d.-mosina-n.m-1.pdf> (дата обращения : 05.09.2022).

4. Мосина Н. М., Казаева Н. В. Семантическая характеристика и особенности фразеологических единиц с компонентом-соматизмом fej / rää / пря 'голова' в венгерском, финском и мокшанском языках // *Финно-угорский мир*. 2017. № 3. С. 39–46.
5. Самородов К. Т. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск : Мордовское книжное издательство, 1986. 280 с.
6. Седова Л. В. Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтические образцы житейского опыта. Саранск : Мордовское книжное издательство, 2009. 336 с.
7. Храмцова О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. Москва : КАРО, 2011. 240 с.
8. Ширманкина Р. С. Фразеологиянь валкс. Кемекставозь меревксэнь. Саранск : Мордовское книжное издательство, 1998. 216 с.
9. Kari E. Naulan kantaan. Nykysuomen idiomisanakirja. Otava, 1993. 232 s.
10. Korp – The Concordance Search Tool [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://korp.csc.fi> (дата обращения : 10.09.2022).
11. Kuusi M. Vanhan kansan sananlaskuviisaukset. Helsinki : WSOY, 1990. 539 s.
12. SuomiSanakirja.fi : Suomenkattavin, ilmainenmonenlähteen sanakirja : сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.suomisanakirja.fi> (дата обращения : 05.09.2022)

References

1. Kulakova, N. A. (2015). Fixed phrases describing a person's Behaviour and personality traits in Moksha. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2, 85-91.
2. Mosina N. M., Drigalova E. D. (2020). Representation of the concept «family» in the lexic-phraseological systems of the Finnish and Erzya languages, *Chast' 1*, 32–37. *XLVIII Ogaryovskie chteniya*. Saransk : Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta.
3. Mosina N. M., Drigalova E. D. (2017). Sopostavitel'nyj analiz frazeologi-cheskih edinic s somatizmom «pää» / «golova» v finskom i russkom yazykah // *Ogarev-online*, 8. URL : <http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2017/05/drigalova-e.d.-mosina-n.m-1.pdf> (data obrashcheniya : 05.09.2022).
4. Mosina N. M., Kazaeva N. V. (2017). Semantic characteristics and features of phraseological units with component-somatism fej / pää / pryä 'head' in the Hungarian, Finnish and Moksha languages // *Finno-ugorskij mir*, 3, 39-46.
5. Samorodov K. T. (1986). Mordovskie posloviцы, prisloviцы i pogovorki, 280. Saransk : Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Sedova L. V. (2009). Mordovskie posloviцы, pogovorki, primety i zagadki: poeticheskie obrazcy zHITEjskogo opyt, 336. Saransk : Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Hramcova O. A. (2011). Finskie posloviцы i pogovorki i ih russkie analogi. Russkie posloviцы i pogovorki i ih finskie analogi, 240. Moskva : KARO.
8. Shirmankina R. S. (1998). Frazеologiyan' valks. Kемекstavoz' merевksen', 216. Saransk : Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Kari E. (1993). Naulan kantaan. Nykysuomen idiomisanakirja, 232. Otava.
10. (2022) Korp – The Concordance Search Tool [Eletronnyj resurs]. URL : <https://korp.csc.fi> (data obrashcheniya : 10.09.2022).
11. Kuusi M. (1990). Vanhan kansan sananlaskuviisaukset, 539. Helsinki : WSOY.
12. (2022) SuomiSanakirja.fi : Suomenkattavin, ilmainenmonenlähteen sanakirja : sajt. URL: <http://www.suomisanakirja.fi> (data obrashcheniya : 05.09.2022).

Информация об авторе

Мосина Наталья Михайловна – доктор филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», Саранск, Российская Федерация.

Information about the author

Natalya M. Mosina – doctor of philological sciences, associate professor at the FSBEI of HE "National Research Ogarev Mordovia State University", Saransk, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 06.09.2022

Принята к публикации / Accepted 28.09.2022

Опубликована / Published 28.09.2022

К вопросу об объеме и содержании понятия «фразеоматизм» (на материале английского языка)

DOI 10.31483/r-102914

УДК 81'37

Савицкий В. М.^а, Гадалин Д. В.^б

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0002-2277-925X>, e-mail: savitskij@pgsga.ru^б <https://orcid.org/0000-0002-9866-1354>, e-mail: xxicenturyon@list.ru

Резюме: Цель описанного в статье исследования состоит в дальнейшей разработке непротиворечивого определения понятия «фразеоматизм» и установлении места фразеоматизмов в системе идиоматики. В работе применялись *методы* анализа словарных дефиниций, семантического и сопоставительного анализа. *Результаты* проведенного исследования состоят в том, что в ходе изысканий выявлены отличия фразеоматизмов от других идиоматических единиц языка, охарактеризованы виды переосмысления значения в процессе семантической транспозиции при создании номинативных языковых единиц вообще и фразеоматизмов в частности, установлена преимущественная сфера речевого употребления фразеоматизмов – дискурс профессиональной коммуникации. *Вывод*, сделанный на основе проведенного исследования, состоит в том, что фразеоматизмы и остальные семантически целостные единицы языка необходимо изучать в рамках единой теории идиоматики; это связано с тем, что все виды идиоматических единиц имеют не только специфические, но и общие признаки, что дает возможность объединить их в один структурно-семантический класс. Перспектива дальнейших изысканий заключается в том, что исследование фразеоматизмов в их терминологической функции и, в частности, изучение их способности высвечивать самое важное качество объекта номинации позволит углубить понимание их места в системе идиоматики и в целом приблизит разгадку феномена идиоматичности.

Ключевые слова: идиома, фразеоматизм, фразеологизм, семантическая транспозиция, сужение значения, расширение значения, сдвиг значения, перенос значения.

Для цитирования: Савицкий В. М., Гадалин Д. В. К вопросу об объеме и содержании понятия «фразеоматизм» (на материале английского языка) // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 37-40. DOI:10.31483/r-102914.

Research Article

The Scope and Content of the Notion of Phraseomatic Unit (Based on the English Language Material)

Vladimir M. Savitskij^а, Denis V. Gadalin^б

FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.

^а <https://orcid.org/0000-0002-2277-925X>, e-mail: savitskij@pgsga.ru^б <https://orcid.org/0000-0002-9866-1354>; e-mail: xxicenturyon@list.ru

Abstract: The *purpose* of the research described in the article is to further develop the definition of phraseomatic units and find their position in the system of idiomatics. The research *methods* applied in the work include dictionary definitions analysis, semantic analysis, comparative analysis. The *results* of the research are as follows: in the course of analysis the authors showed the characteristic features of phraseomatic units against the background of other kinds of idiomatic units of language; characterized the types of meaning reinterpretation in the process of phrases' semantic transposition in general and in the process of phraseomatic units generation in particular; revealed the predominant sphere of their speech usage (the discourse of professional communication). The *conclusion* based on the conducted research states that phraseomatic units and other idiomatic units of language must be studied within the framework of a unified theory of idiomatics. All kinds of idiomatic units have not only specific but also common features, which makes it possible to unify them into one structural and semantic class. The *prospects* of further research are: studying phraseomatisms in connection with their terminological function, their ability to determine the most important quality of the object of nomination, are bound to deepen our understanding of their place in the system of idiomatics, and therefore they are sure to bring us closer to solving the riddle of idiomaticity.

Keywords: idiom, phraseomatic, phraseological unit, semantic transposition, narrowing of meaning, broadening of meaning, shift of meaning, transfer of meaning.

For citation: Savitskij V. M., Gadalin D. V. (2022). The Scope and Content of the Notion of Phraseomatic Unit (Based on the English Language Material). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 37-40. (in Russ.). DOI:10.31483/r-102914.

Введение

Идиоматика в ее различных формах служит объектом лингвистических изысканий в течение долгого времени [см., например: Балли, 2009; Поржезинский, 2019; Шахматов, 2019], однако, несмотря на это, четкая система принципов общей теории идиоматики пока не сложилась. Как известно, существуют два под-

хода к идиоматике – европейский континентальный и англо-американский; внутри обоих прослеживается неоднозначность понятий и терминов, а в ряде случаев и противоречивость трактовок главных категорий.

Наибольший вклад в развитие континентального подхода к идиоматике внесли отечественные лингвисты В. В. Виноградов, В. Л. Архангельский, Н. Н. Амо-

сова, А. В. Кунин, И. И. Чернышева, В. Н. Телия и мн. др., которые создали отдельную отрасль лингвистики – фразеологию. В рамках теории фразеологии тщательно и детально освещены фразеологизмы, но при этом гораздо меньшее внимание уделено другим видам идиоматичных языковых единиц и, в частности, фразеоматизмам. Являясь неотъемлемой частью идиоматики и будучи в недостаточной мере изученными и описанными, фразеоматизмы выбраны нами в качестве объекта анализа.

Цель исследования – разработка непротиворечиво-го определения понятия «фразеоматизм» и установление места фразеоматизмов в системе идиоматики.

Исследование призвано внести ясность в понятие «фразеоматизм», установить функции фразеоматизмов и выявить специфику их употребления, что в дальнейшем должно способствовать развитию и становлению общей теории идиоматики. В свою очередь, единая теория идиоматики позволит не только облегчить и углубить кросс-культурное взаимопонимание (что в наше время весьма востребовано), но и внести вклад в дальнейшую разработку систем машинного перевода и распознавания речи.

Методы исследования

Работа базируется на анализе словарных дефиниций на английском и на русском языках. При этом авторы прибегают к методам семантического и сопоставительного анализа изучаемого материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Ряд ученых рассматривает фразеоматизмы исходя из определения, данного А. В. Куниным. Именно он ввел термин *фразеоматизм* в научный обиход. По его мнению, фразеоматизмы представляют собой разряд фразеологизмов (фразеологизмы неидиоматического характера) [Кунин, 2005, с. 14]. В своей предыдущей работе он определял фразеоматизмы как устойчивые сочетания лексем с буквальным или связанным значением, семантически осложненные, семантически целостные и немоделированные по схеме переменного сочетания слов [Кунин, 1984, с. 7]. Что касается идиом, они трактовались А. В. Куниным как другой разряд фразеологизмов.

В наших предшествующих работах, посвященных анализу идиом [Савицкий, 2006; Савицкий, Нуртдинова, 2020], отмечается наличие противоречия в кунинском определении фразеоматизма. В них показано, что сочетание лексем не может быть буквальным и семантически целостным одновременно; сочетание лексем, у которых значения буквальны, и сочетание лексем, которое в целом имеет буквальное значение – не всегда одно и то же. Случается и так, что лексические компоненты словосочетания обладают буквальными значениями, но словосочетание как целое имеет значение не буквальное [Савицкий, 2006, с. 59].

Проиллюстрируем этот тезис. В английском устойчивом наименовании из области оружейного дела *long sword* (букв. ‘длинный меч’) оба лексических компонента имеют буквальные значения (объект номинации –

действительно меч, и он действительно длинный), но данное наименование обозначает не любой меч большой длины, а лишь так называемый меч-бастард средневековой Европы, который, помимо большой длины, имеет и другие отличительные признаки, присущие именно этому виду меча. Можно констатировать, что в исходном словосочетании произошло изменение объема значения (а именно его сужение), вследствие чего оно обрело языковую устойчивость и из переменного словосочетания превратилось во фразеоматизм.

Фразеоматизмы – это фразовые идиомы с частично транспонированным, т. е. преобразованным, переосмысленным значением [Савицкий, 2006, с. 98]. Существуют четыре вида транспозиции значений словосочетаний: сужение, расширение, сдвиг и перенос значения. Первые три вида характерны для фразеоматизмов, а четвертый – для фразеологизмов.

Анализ научных трудов на эту тему показал, что у лингвистов пока нет отчетливого понимания структуры идиоматического фонда и, в частности, места фразеоматизмов в общей системе идиоматики. Одни авторы не признают существование лексических (цельнооформленных) идиом, другие не проводят разграничительной черты между корпусами фразеологизмов и фразеоматизмов, оставляя последние за рамками своих изысканий. В дефиницию фразеологизма вводится термин *переосмысленное значение*, который, на наш взгляд, слишком широк по объему. Ведь под переосмыслением можно понимать все четыре вида изменения исходного значения: расширение, сдвиг, сужение и перенос.

В. М. Мокиенко включил в определения фразеологизма и фразеоматизма эмоциональную окраску и экспрессивность [Мокиенко, 1989], хотя этот признак не является категориальным для названных разрядов идиом.

Охарактеризованный выше разброс трактовок понятий «фразеоматизм» и «фразеологизм» затрудняет взаимопонимание лингвистов в процессе научного общения в рамках общей теории идиоматики, что препятствует развитию этой теории и требует выработки единого понятия фразеоматизма.

Вслед за Н. В. Ерохиной [Ерохина, 1999], Л. В. Молчковой [Молчкова, 2014] и К. Н. Мочалиной [Мочалина, 2011] мы именуем фразеоматизмом фразовую идиому с частично транспонированным (т. е. с суженным, расширенным или сдвинутым, но не переносным) значением.

Необходимо подчеркнуть, что значение фразеоматизма характеризуется пересечением объемов с исходным (буквальным) значением словосочетания. Например, словосочетание *red carpet* буквально обозначает красный ковер, а реально – красную дорожку. Здесь произошло не расширение и не сужение значения, а его сдвиг: ведь имеется в виду не любой красный ковер, а именно такой вид ковров, которые стелют для церемоний награждения. Любопытно, что в русской версии данного фразеологизма появляется сема «дорожка» (не ковер, а именно дорожка). Если при предпереводческом анализе выясняется, что *red carpet* – это часть интерьера гостиной, переводить такое словосочетание следует как *красный ковер*, т. е. буквально.

Чтобы четко определить место фразеоматизмов в системе идиоматичных единиц языка, необходимо провести параллели-различия между смежными понятиями. Фразеоматизм отличается от слова своей раздельнооформленностью, от буквального словосочетания – семантической транспонированностью, а от фразеологизма – видом транспозиции (ему присущи семантическое сужение, расширение либо сдвиг, но не перенос).

На первый взгляд, трудность вызывает проведение демаркационной линии между фразеологизмами и фразеоматизмами, однако на практике заметно существенное различие между этими двумя видами идиом. Оно состоит в характере семантической транспонированности. Как отмечалось выше, у фразеологизмов происходит перенос значения, а у фразеоматизмов – сужение, расширение или сдвиг. Например, фразеологизм *to beat about the bush* (букв. ‘обивать куст’) реально означает действовать не напрямую. Буквальное и реальное значения не пересекаются по объему; это и есть семантический перенос. В то же время у фразеоматизма *green wood* (букв. ‘зеленая древесина’, реальное значение ‘сырая древесина’) буквальное и реальное значения пересекаются по объему. Это и служит критерием различия фразеологизмов и фразеоматизмов.

Затруднения может вызывать и разграничение фразеоматизмов и паремий. В этой связи следует отметить: паремии являются коммуникативными, а не номинативными единицами языка, они обладают структурой предложения, а не словосочетания. Таким образом, паремии отличаются от фразеоматизмов на уровне синтаксической структуры.

Некоторое затруднение может возникнуть в процессе дифференциации фразеоматизмов и речевых тропов. Однако если углубиться в сущность понятия «речевой троп», то можно обнаружить, что у речевых тропов нет такого свойства, как языковая устойчивость, имеющаяся у фразеоматизмов.

Далее, затруднение вызывает различение фразеоматических и лексических идиом. Так, английское слово *gunman* имеет буквальное значение ‘человек, имеющий какое-то отношение к огнестрельному оружию’ и реальное значение ‘бандит’; угадать реальное значение без контекста и словаря невозможно. Здесь имеет место транспонирование значения, а именно его сужение. Однако эту единицу языка нельзя назвать фразеоматизмом – ведь она цельнооформлена. Это лексическая идиома.

При различении лексических и фразеоматических идиом по критерию раздельно- / цельнооформленности порой возникают трудности. Дело в том, что есть много единиц, которые имеют два варианта написания – раздельное и слитное, и две схемы ударения – двойное и одинарное, например: *'black 'wood / 'blackwood* ‘эбен (порода деревьев)’; *'blue 'fish / 'bluefish* ‘луфарь (порода рыб)’; *'air 'way / 'airway* ‘авиамаршрут’, так что в ряде случаев бывает трудно сказать, словосочетание перед нами или слово (и, соответственно, фразеоматическая или лексическая идиома).

Рассмотрим подробнее виды семантической транспозиции, в результате которой словосочетания превращаются во фразеоматизмы.

При расширении значения словосочетания родовая сема передвигается в сферу видовых. Так, например, английский спортивный термин *yellow card* (букв. ‘желтая карточка’) первоначально обозначал только предупреждение в футболе. Но затем значение расширилось, в результате чего это словосочетание стало обозначать не только футбольное, но и любое предупреждение.

При сужении значения подвидовая сема передвигается в сферу видовых, а видовая – в сферу родовых. Например, при сужении значения словосочетания *red flag* ‘красный флаг’ → ‘сигнал тревоги’ сема *красный* стала родовой, а сема *тревога* – видовой.

При сдвиге значения видовые семы меняются местами с родовыми. Так, при сдвиге значения словосочетания *red meat* ‘красное мясо’ → ‘лакомый кусочек’ подвидовая сема «лакомый» стала видовой, а видовая сема «красное» – подвидовой. (Некоторые сорта красного мяса являются лакомыми, а некоторые лакомые куски являются красным мясом.)

Так выглядит классификация фразеоматизмов по видам семантической транспозиции.

Как отмечалось в одной из наших предыдущих работ [Савицкий, 2006, с. 176], естественный язык служит не только для передачи логических понятий, суждений и умозаключений; он выполняет такие функции и употребляется в таких сферах духовного производства, где требуется отступление от правил формальной логики и, в частности, нарушение закона тождества.

В целом, в отличие от фразеологизмов, употребляемых главным образом в художественной литературе, публицистике, рекламе и СМИ, фразеоматизмы чаще всего находят применение в профессиональном дискурсе, выступая в роли терминов и номенклатурных наименований. Это объяснимо: переносное (метафорическое, аллегорическое, символическое) значение, которое свойственно фразеологизмам, в большей мере способствует созданию эмотивно-оценочных коннотаций, нежели суженное, расширенное и сдвинутое значения, присущие фразеоматизмам. Фразеологизмы, как правило, выразительно-изобразительны, тогда как фразеоматизмы в своем большинстве стилистически нейтральны.

Известно, что хороший термин выхватывает и подчеркивает наиболее характерный, определяющий признак обозначаемого объекта. Так ведет себя и фразеоматизм, внутренняя форма которого содержит «яркий, бросающийся в глаза признак», который «служит представителем предмета» [Фейербах, 1974, с. 250].

Более того, устойчивость фразеоматизмов обеспечивает возможность избежать двойственных трактовок терминов. Так, фехтовальный термин *advance step* ‘продвижение’ обозначает не обязательно шаг (*step*); это любое действие, включающее работу ног (шаг, выпад, скачок, прыжок) в сторону противника с целью перехватить инициативу при атаке. Этот фразеоматический термин актуализирует главное в понятии – продвижение (*advance*) и подчеркивает именно эту характеристику. Языковая устойчивость обеспечивает некоторую конвенциональность и через нее – однозначность данной языковой единицы.

Заключение

В настоящее время существует необходимость системного исследования идиом в целом и фразеоматизмов в частности с целью установления сущности такого языкового явления, как идиоматичность. В теоретическом плане это может оказаться полезным в целях установления отличий естественного языка от формализованных знаковых систем, а значит, и в целях выявления специфики человеческого разума по сравнению с искусственным интеллектом. В прикладном плане понимание сущности идиоматичности имеет большое значение при обучении иностранным языкам, переводе, создании диалоговых систем «человек – компьютер» на базе естественного языка.

Исследование фразеоматизмов в связи с их терминологической функцией, их способностью определять самое важное качество того или иного предмета, позволит расширить понимание их места в системе идиоматики, а значит, приблизит нас к разгадке феномена идиоматичности.

Мы полагаем, что фразеоматизмы и остальные идиоматичные единицы языка необходимо изучать в рамках единой теории идиоматики. Все виды идиоматичных единиц имеют не только специфические, но и общие признаки, что дает возможность объединить их в один структурно-семантический класс.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. Москва : Издательская группа URSS, 2009. 384 с.
2. Ерохина Н. В. Структура и функции идиом (на материале субстантивных устойчивых словосочетаний и сложных существительных английского языка) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04. Самара, 1999. 198 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с.
4. Кунин А. В. Предисловие // *Англо-русский фразеологический словарь*. Москва : Русский язык, 1984. С. 7–14.
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. Москва : Высшая школа, 1989. 287 с.
6. Молчкова Л. В. Фразеоматизмы как продукт работы фразеоматического кода // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. №4 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14239> (дата обращения : 22.06.2022).
7. Мочалина К. Н. К проблеме определения фразовых и лексических идиом // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2011. Том 13, №2. С. 970–974.
8. Поржезинский В. К. Введение в языковедение. Москва : Издательская группа URSS, 2019. 250 с.
9. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. Москва : Гнозис, 2006. 208 с.
10. Савицкий В. М., Нуртдинова Л. Р. Структурно-семантическая специфика фразеоматизмов в сопоставлении с фразеологизмами // *Иностранные языки в высшей школе*. 2020. Выпуск 4. С. 5–12.
11. Фейербах Л. Изложение, анализ и критика философии Лейбница // *Фейербах Л. История философии : собрание произведений в трех томах*. Москва : Мысль, 1974. Том 2. С. 101–403.
12. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Москва : Юрайт, 2019. 235 с.

References

1. Balli, Sh. (2009). *Frantsuzskaia stilistika*, 384. Moskva : Izdatel'skaia grupa URSS.
2. Erokhina, N. V. (1999). *Struktura i funktsii idiom (na materiale substantivnykh ustoichivnykh slovosochetanii i slozhnykh sushchestvitel'nykh angliiskogo iazyka) : dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* : 10.02.04, 198. Samara.
3. Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka*, 488. Dubna : Feniks+.
4. Kunin, A. V. (1984). *Predislovie. Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* (pp. 7-14). Moskva: Russkii iazyk.
5. Mokienko, V. M. (1989). *Slavianskaia frazeologiya*, 287. Moskva : Vysshaia shkola.
6. Molchkova, L. V. (2014). *Phraseomatic units as the product of the phraseomatic code work. Modern problems of science and education* (4). Retrieved from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14239>
7. Mochalina, K. N. (2011). *Towards Defining Phrase and Lexical Idioms. Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 13(2), 970-974.
8. Porzhezinskii, V. K. (2019). *Vvedenie v iazykovedenie*, 250. Moskva : Izdatel'skaia grupa URSS.
9. Savitskii, V. M. (2006). *Osnovy obshchei teorii idiomatiki*, 208. Moskva : Gnozis.
10. Savitskii, V. M., & Nurtdinova, L. R. (2020). *Structural-semantic specificity of phraseomatisms in comparison with phraseologisms. Foreign languages in tertiary education*, (4), 5-12.
11. Feierbakh, L. (1974). *Izlozhenie, analiz i kritika filosofii Leibnitsa. Feierbakh L. Istoriia filosofii* (vol. 2, pp. 101-403). Moskva: Mysl'.
12. Shakhmatov, A. A. (2019). *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*, 235. Moskva : Iurait.

Информация об авторах

Савицкий Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.
Гадалин Денис Владимирович – аспирант ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.

Information about authors

Vladimir M. Savitskij – doctor of philological sciences, professor of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.
Denis V. Gadalin – postgraduate student of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 27.06.2022
 Принята к публикации / Accepted 17.08.2022
 Опубликована / Published 01.09.2022

К вопросу о чебоксарском шибболете

DOI 10.31483/r-103275

УДК 811.161.1

Фомин Э. В.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Резюме: Работа посвящена изучению шибболета в речевой культуре жителей столицы Чувашии. Под шибболетом понимается слово, вобравшее в себя специфические черты языка и используемое для выявления людей, которым данный язык не приходится родным. *Актуальность* исследования обусловлена самим существованием феномена шибболета в быту жителей Чебоксар, пока еще не изученном с точки зрения лингвочебоксарики. *Цель* исследования – сформулировать языковую единицу, максимально концентрирующую в себе специфические черты русской речи жителей г. Чебоксары. *Материалом* изучения послужили образцы речи чебоксарцев, в ходе количественно-качественного анализа которых был выведен шибболет в виде вопросительной фразы «Скажите, пожалуйста, наша конференция будет завтра?». При этом проверка шибболетом предполагает выполнение задания – трансформировать указанную фразу на чебоксарский региолект русского языка. Выполнение задания, согласно лингвистическим предпочтениям, сложившимся в Чебоксарах, должно привести к инвариантному «Скажите-ка, наша конференция завтра будет, что ль?». Автором работы параллельно рассматриваются русские шибболеты, направленные на чувашскую лингвистическую культуру, и наоборот. В чувашской среде шибболетом, направленным на русских, могут выступить слова с концентрацией своеобразной чувашской фонетики. В свою очередь, воспроизведение русского шибболета в чувашской среде в силу развитого чувашско-русского двуязычия в современных реалиях практически не представляет какой-либо проблемы.

Ключевые слова: шибболет, акцент, чувашский язык, русский язык, языковые контакты.

Для цитирования: Фомин Э. В. К вопросу о чебоксарском шибболете // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 41-44. DOI:10.31483/r-103275.

Short Communication

On the Question of the Cheboksary Shibboleth

Eduard V. Fomin

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract: The work is devoted to the study of the shibboleth in the speech culture of the inhabitants of the capital of Chuvashia. A shibboleth is a word that has absorbed the specific features of a language and is used to identify people for whom this language is not native. The *relevance* of the study is due to the very existence of the phenomenon of shibboleth in the everyday life of the residents of Cheboksary, which has not yet been studied from the point of view of linguocheboksary. The *purpose* of the study is to formulate a language unit that maximally concentrates the specific features of the Russian speech of the inhabitants of the city of Cheboksary. The *material* of the study was the speech samples of Cheboksary residents, during the quantitative and qualitative analysis of which a shibboleth was derived in the form of an interrogative phrase "Skazhite, pozhaluysta, nasha konferencia budet zavtra?" (Tell me, please, will our conference be tomorrow?). At the same time, checking with a shibboleth involves the task of transforming the specified phrase into the Cheboksary regiolect of the Russian language. Completing the task according to the linguistic preferences prevailing in Cheboksary should lead to the invariant "Skazhite-ka, u nas konferencia zavtra budet, chto li?". The author of the work simultaneously considers Russian shibboleths aimed at the Chuvash linguistic culture, and vice versa. In the Chuvash environment, words with a concentration of a kind of Chuvash phonetics can act as a shibboleth aimed at Russians. In turn, the reproduction of the Russian shibboleth in the Chuvash environment, due to the developed Chuvash-Russian bilingualism, practically does not present any problem in modern realities.

Keywords: shibboleth, accent, Chuvash language, Russian language, language contacts.

For citation: Fomin E. V. (2022). On the Question of the Cheboksary Shibboleth. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 41-44. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103275.

Введение

Шибболет (иврит שִׁבּוּלֵת 'течение') – слово, вобравшее в себя специфические черты языка, в силу чего используется для выявления людей с другим родным языком. Например: украинское *паяниця* 'хлеб круглой формы' представляет собой значительную сложность для произношения другими народами, то же можно сказать про финское *lentokonesuihkuturbiinimootoriapurmekaanikoalipseeriopilas* 'омощник ученика офицера финской армии по обслуживанию реактивных турбинных двигателей'.

Термин восходит к «Книге судей Израилевых»: «Они [галаадитяне] говорили ему [ефремлянину] «скажи: шибболет», а он говорил: «сибболет», и не мог иначе выговорить» (см. 12:6 указанной книги).

В традиционном понимании шибболет то же, что акцент. Разница сводится к тому, что шибболет является проверочным словом, специально употребляемым для выявления представителей иноэтнических групп.

Видимо, несколько иной, более широкий подход, предполагающий выполнение задания с фразой, а не словом, необходим при установлении шибболета для людей, говорящих на одном и том же регионально дифференцированном мажоритарном языке, в нашем случае – русском, что и предпринимается автором в настоящей работе.

Материал и методы исследования

Материалом послужили наблюдения автора за особенностями речи жителей г. Чебоксары, на основе ко-

торых и была сконструирована фраза, претендующая на роль чебоксарского шибболета. Автором объясняется механизм, который обусловил фразу в том виде, в котором она существует.

При описании собственно чувашского шибболета используется транскрипция, принятая в чувашской фонетике. Объяснение звучания непривычных знаков приводится сразу же после транскрипции при их первом использовании.

Работа ставит целью научное описание проблемы и не предполагает юмористического восприятия изучаемого материала.

Шибболет еще ни разу не становился объектом научных разысканий в рамках чувашеведения в целом и лингвочебоксарики в частности, однако имеются близкие по тематике исследования, например: Ерина, 2018; Михайлов, 1989, с. 44–46; Фомин, 2018; Фомин, 2020. Между тем проблема шибболета в последнее время активно изучается на материале других лингвокультур (см., например: Галимзянова, Жансугурова, 2018; Никитина, Григорова, 2021; Рамазанова, 2011; Степанов, 2015; Юдина, 2011).

Результаты исследования и их обсуждение

Шибболет в его разнообразном некодифицированном выражении достаточно активно используется в быту г. Чебоксары и Чувашской Республики. Таковым, к примеру, можно назвать прочтения чувашских слов людям с неродным чувашским языком или же озвучивание ими чувашских экзотизмов, а также названий магазинов и учреждений, например: *a[kat]yй* ‘весенний праздник по окончанию сева’ вместо *a[gad]yй*, *Шу[n]ашкар* ‘Чебоксары’ вместо *Шу[b]ашкар* (при этом звонкость [г, д, б] должна быть на уровне 30–70 процентов от аналогичных звуков в русском языке).

В отношении Чебоксар как столицы Чувашской Республики необходимо говорить о двух видах шибболета: русского в чувашском и чувашского в русском.

Русский шибболет в чувашском контексте. В современном русском городском фольклоре Чебоксар зафиксирован анекдот с шибболетом, обусловленным чувашским акцентом.

Городские молодые люди (чуваши по происхождению, но уже с первым и единственным русским языком) на субботней дискотеке в чувашской деревне искали своих.

– Скажи *восемь*, – обратились они к одному из подростков.

– *Воççăм* [вóç:ъм], – ответил тот и выдал свое сельское происхождение.

И так повторилось много раз. Вася понял, как нужно ответить, и когда очередь дошла до него он сказал: *восемь*. О-о-о, обрадовались молодые люди, наш! Как зовут? – *Ваççă* [вáç:ъ]...

В целом в настоящее время такие конфликтные ситуации вряд ли возможны. Уровень знания русского языка у чувашского народа превосходит знание языка этнического. Чувашский акцент в русской речи возможен в среде представителей старшего поколения и людей, постоянно проживающих в чувашской среде в условиях села.

Чувашский шибболет в русском контексте представлен собственно чувашским (1) и субстратно обусловленным подтипами у обрусевших чувашей, вслед за ними использующийся и русским населением (2).

1. Шибболетом, проверяющим владение чувашским языком, могут послужить слова с максимальной концентрацией специфичных фонетических черт, см. чувашские примеры, претендующие на указанный статус:

çăxav [çьуáв] ‘жалоба’, где [ç] = рус [ш:’] (я[ш:’]ик), [γ] – звонкий вариант [х];

çěvěçě [çьв’ьзь] ‘портной’, где [ž] – звонкий вариант [ç];

çuxu [çүүү] ‘печенные на сковороде лепешки из кислого теста’, где [γ] = рус [’у] (т[’у]лень).

Известен любопытный случай: на Чувашском радио в 1990 г. режиссер требовал у ведущей с родным русским языком произнести фамилию поэта Г. Айги на чувашский манер *Ай[γ’]и*, чего удалось достигнуть с большим трудом.

2. На роль шиббоleta субстратного происхождения, характеризующего носителя чебоксарского региолекта, практически невозможно подобрать отдельные слова. Необходима фраза на литературном русском языке, требующая переложения на чебоксарский региолект.

Такой фразой исходно может послужить предложение, сформулированное автором настоящей работы на начальном этапе изучения русской речи чебоксарцев: *Скажите-ка, наша конференция завтра будет, что ль?* Фраза была подготовлена как яркий образец чебоксарского региолекта с тем, чтобы у слушателей научных конференций, на которых обсуждались вопросы регионального варьирования русского языка, создалось представление о параметрах чебоксарской речи, включая интонацию. Дело в том, что нередко на подобных мероприятиях звучит просьба что-либо сказать «по-чебоксарски», а сделать это вне порождающей ее речевой стихии достаточно сложно: происходит нарочитое усиление специфических черт. Выбор вопросительного предложения на роль шиббоleta связан с желанием максимально полно отобразить самобытность речи жителей города (табл. 1).

Таблица 1

Переложение русской литературной фразы на чебоксарский региолект

Table 1

Adaptation Russian literary phrase in the Cheboksary regiolect

	Литературная норма	В чебоксарском региолекте
a.	<i>скажите, пожалуйста</i>	<i>скажите-ка</i>
b.	<i>наша конференция</i>	<i>у нас конференция</i>
c.	<i>будет завтра</i>	<i>завтра будет</i>
d.	?	<i>что ль?</i>

- a. рус. *пожалуйста* = чув. *-ха* → чеб. *-ка*;
 b. рус. лит. *наш, у нас* = чув. *пирён* → чеб. *у нас*;
 c. рус. лит. *будет завтра / завтра будет* = чув. *завтра будет* под влиянием правил нормативного слово-расположения в чувашском языке по схеме SOV;
 d. рус.? = чув. *-и?* → чеб. *что ли?*

При этом интонационный рисунок фразы должны быть восходящим:

Скажите-ка, у нас конференция завтра будет, что ль?

Логическое ударение предполагается на слове *завтра*. Оно диктуется правилами выделения логического ударения в чувашском языке. В данном случае на ударность слова указывает постпозиция сказуемого, усиленная вопросительной частицей *что ль*.

Интересным выглядит возможность экспериментального изучения чебоксарского шибболета. Его суть должна сводиться к просьбе оформить приведенную выше стилистически нейтральную литературно-нормативную фразу средствами чебоксарского региолекта русского языка. Для получения объективного результата достаточно минимального количества участников. Ответы большего количества респондентов скорее всего будут распределяться вокруг трех вариантов ответа, уже полученных в ходе предварительного изучения проблемы (табл. 2).

Ожидаемо, жители Чебоксар будут придерживаться третьей точки зрения. Затем по частоте ответов будет следовать первый подход, а после – второй, самый сложный для осмысления, поскольку уровень освоения литературной фразы средствами региолекта зависит от осведомленности участников эксперимента о маркерах региональной речи (см. ответы студентов).

Таблица 2

Результаты предварительного экспериментального изучения чебоксарского шибболета

Table 2

The results of preliminary experimental studies of the Cheboksary shibboleth

Участник	Ответ
филолог	<i>Необходимо специфичное интонационное оформление фразы.</i>
обучающиеся высшего учебного заведения, посещавшие лекции по лингвочебоксарики	<i>Наша конференция завтра будет, что ль? / Скажите-ка, пожалуйста-а-а, наша конференция будет завтра, что ль?</i>
библиотекарь	<i>Разве в Чебоксарах говорят по-русски иначе, чем в других городах?</i>

Выводы

Шибболет представляет собой речевой ритуал в память о социокультурной истории человечества и в условиях интенсивных языковых контактов, этноцентрически обуславливаясь, востребован повсеместно.

В чувашской среде шибболетом, выявляющих людей с родным русским языком, могут выступить слова с концентрацией своеобразной чувашской фонетики. В свою очередь воспроизведение русского шибболета в чувашской среде в силу развитого чувашско-русско-

го двуязычия в современных реалиях практически не представляет какой-либо проблемы.

Шибболет на выявление происхождения человека из Чебоксар уже будет иметь сложную форму: выступать либо в виде диалога на выяснение речевых особенностей жителей города, либо в виде задания на трансформацию общелитературной фразы на чебоксарский региолект.

Сокращения:

Рус. – русский язык, чеб. – чебоксарский региолект русского языка, чув. – чувашский язык.

Список литературы

1. Галимзянова С. П., Жансугурова Х. М. Айда. Оренбургский шибболет // *Говорим по-русски, говорим по-оренбургски : филологические этюды*. Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2018. С. 75–79.
2. Ерина Т. Н. Фонетические маркеры чебоксарского региолекта русского языка // *Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Чебоксары* : Издательство Чувашского университета, 2018. С. 40–41.
3. Михайлов М. М. Двуязычие: проблемы, поиски... Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1989. 159 с.
4. Никитина А. В., Григорова А. В. Шибболеты и их типология на примере лингвокультуры США // *Грани познания*. 2021. №1. С. 101–104.
5. Рамазанова Д. А. Некоторые проблемы культуры русской речи дагестанцев-билингвов // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2011. №1. С. 106–109.
6. Степанов Е. Н. Одесские шибболеты французского происхождения // *Мова*. 2015. №23. С. 133–138.
7. Фомин Э. В. Имитация чувашского акцента в русской речи // *Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Чебоксары* : Издательство Чувашского университета, 2018. С. 48–51.
8. Фомин Э. В. Лингвистические комментарии к типичным фразам чебоксарского региолекта // *Горизонты современной русистики*. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 648–651.
9. Юдина Т. А. Идентичность сквозь призму языка // *Идеи и идеалы*. 2011. Том 2, №3. С. 79–87.

References

1. Galimzianova, S. P., & Zhansugurova, Kh. M. (2018). Aida. Orenburgskii shibboleth. *Govorim po-russki, говорим по-оренбургски*, 75.
2. Erina, T. N. (2018). Phonetic markers of Cheboksary regional dialect . *Iazykovye kontakty narodov Povolzh'ia i Urala*, 40-41. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta.
3. Mikhailov, M. M. (1989). Dvuiazychie: problemy, poiski..., 159. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Nikitina, A. V., & Grigorova, A. V. (2021). Shibboleths and their typology on the example of US linguoculture. *Grani poznaniia*, 1, 101-104.
5. Ramazanova, D. A. (2011). Nekotorye problemy kul'tury russkoi rechi dagestantsev-bilingvov. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. *Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, 1, 106-109.
6. Stepanov, E. N. (2015). Odessa shibboleths of French origin . *Mova*, 23, 133-138.
7. Fomin, E. V. (2018). Imitation of the Chuvash accent in Russian speech. *Iazykovye kontakty narodov Povolzh'ia i Urala*, 48-51. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta.
8. Fomin, E. V. (2020). Lingvisticheskie kommentarii k tipichnym frazam cheboksarskogo regiolekta. *Gorizonty sovremennoi rusistiki*, 648-651.
9. Yudina, T. A. (2011). Identity in the light of language prizm. *Idei i idealy*, 2 (3), 79-87.

Информация об авторе

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Eduard V. Fomin – candidate of philological sciences, associate professor, head of department at the BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 05.09.2022

Принята к публикации / Accepted 28.09.2022

Опубликована / Published 28.09.2022

Форма хокку в удмуртской поэзии

DOI 10.31483/r-103316

УДК 821.511.131

Шибанов В. Л.

ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук», ROR
Ижевск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>, e-mail: shibvik@rambler.ru

Резюме: Японские формы стиха начинают занимать важное место в удмуртской поэзии последних десятилетий. В 1990 г. диалог культур был ориентирован преимущественно на Запад. В новом тысячелетии внутренние механизмы культуры начинают актуализировать классический Восток, наступает время мирозерцания и осмысления происходящего, благодаря этому хокку становится одним из востребованных жанров. *Целью* исследования является выявление национальных особенностей жанра хокку в удмуртской лирике. *Объектом* анализа являются стихотворения А. Леонтьева, С. Матвеева и А. Арзамазова, написанные в форме японского трехстишия. В основе анализа лежит компаративистский *метод* литературоведения. *Результаты* исследования сводятся к следующему. Удмуртские поэты, пишущие в форме хокку, стремятся в малой детали увидеть большой мир, показать через мгновение вечное. Осенний пейзаж становится привлекательным тем, что он передает «светлую грусть» (саби), характерную для природы Удмуртии. Таким образом, поэты не слепо копируют японские каноны, а привносят национальный колорит. Неожиданность финала (коан) в удмуртском хокку достигается обычно тем, что поэт переходит из одного пространственного измерения в другое.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, хокку, коан, саби, компаративистика.

Для цитирования: Шибанов В. Л. Форма хокку в удмуртской поэзии // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 45-50. DOI:10.31483/r-103316.

Haiku Form in Udmurt Poetry

Victor L. Shibarov

 FSBIS "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences",
Izhevsk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>, e-mail: shibvik@rambler.ru

Abstract: Japanese forms of verse are beginning to occupy an important place in the Udmurt poetry of recent times. In the 1990s, the dialogue of cultures was directed mainly to the West. In the new millennium, the internal mechanisms of culture begin to actualize the classical East. There comes a time of worldview and understanding of what is happening, haiku is becoming one of the popular genres. The *purpose* of the study is to identify national features of the haiku genre in the Udmurt lyrics. The *object* of analysis is the poems of A. Leontiev, S. Matveev and Alexei Arzamazov, written in the form of a Japanese three-line poem. The *method* of analysis is comparative studies. The *results* of the study are as follows. Udmurt poets, writing in the form of haiku, strive to see the big world in a small detail, to show the eternal in a moment. The autumn landscape becomes attractive in that it conveys "light sadness" (sabi). Thus, the poets do not copy the Japanese canons, but bring a national flavor. The unexpectedness of the finale (koan) in Udmurt haiku is usually achieved by the fact that the poet passes from one spatial dimension to another.

Keywords: Udmurt poetry, haiku, koan, sabi, comparative studies

For citation: Shibarov V. L. (2022). Haiku Form in Udmurt Poetry. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 45-50. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103316.

Введение

Удмуртское литературоведение большей частью нацелено на изучение творческих связей с русской культурой и литературами Запада, когда как диалог с Востоком по ряду причин остается вне поля зрения. С одной стороны, национальные писатели и поэты неохотно высказываются в печати о своем интересе к японским, китайским, персидским и др. авторам, в художественных текстах довольно редко встречаются маркеры Востока. С другой стороны, «закрытая» в советские годы Удмуртия, получив возможность познакомиться с большим миром, свой взор обратила в первую очередь на Финляндию, Венгрию, Эстонию и другие европейские государства. Однако Восток все-таки играл определенную роль в удмуртской литературе. Зарубежные исследователи, интересующиеся удмуртской культурой, преимущественное внимание обращали на ее самобытность и не похожесть на западные каноны.

Примечательно, когда в 1989 г. посол США Дж. Ф. Мэтлок познакомился со стихами удмуртского

поэта и этнографа В. Владыкина, некоторые миниатюры решил перевести на английский язык и так написал автору: «Стихи мне очень нравятся. Мне немножко напоминают японские хайку. Начал уже переводы некоторых, хотя, надо признаться, без словаря невозможно быть уверенным, что я правильно понял точного смысла на удмуртском» [Цит. по: 4, с. 220]. Позже В. Владыкин в интервью с А. Арзамазовым отметил, что между удмуртами и японцами действительно можно отыскать неожиданные интересные параллели: «Японцы, несмотря на свой островной менталитет и, казалось бы, абсолютную непохожесть на всех нас, имеют немало общего с урало-алтайскими народами. Это неочевидное дальнее родство имеет не только языковые, но и культурные, ментальные грани, оттенки» [5, с. 46]. Ученый-лингвист В. К. Кельмаков, исследуя южноудмуртские короткие песни, как-то заметил: «*Мургес малпаськиськод ке, чик витьымтэ шорысь макем матынэсь потыны кутско япон витьчурьёс удмурт ньыльчур кырзаньёсмылы!*» («Если поглубже

подумать, неожиданно можно почувствовать явную близость японских пятистиший к удмуртским четверостишиям») [8, с. 86].

Удмуртские поэты лишь в последние два десятилетия начали открыто заявлять, что они работают в форме хокку и танка, до этого они свои трехстишия и пятистишия не рисковали определять в терминах японской жанрологии. В связи с этим поневоле возникает ряд вопросов: на самом ли деле перед нами настоящие хокку и танка? должен ли литературовед верить авторам или нужно подвергнуть их доводы сомнению и проверке? в чем выражается «японская», а в чем «удмуртская» специфика рассматриваемых произведений? Статьи А. А. Арзамазова, [2, с. 51–63], В. Л. Шибанова [11, с. 46–47], В. К. Кельмакова [8, с. 84–92] посвящены не изучению, а популяризации восточных форм поэзии, причем в центре внимания у них оказывается пятистишие. А специальных исследований, посвященных художественной специфике формы хокку в удмуртской поэзии, до сих пор нет. Данная статья призвана восполнить этот пробел и открыть перспективы для дальнейшего его анализа.

Очевидно, что удмуртские трехстишия и пятистишия развиваются в общем русле тенденций Урало-Поволжья, поэтому нельзя игнорировать опыт соседних литератур, в которых восточные мотивы являются ключом для понимания многих произведений. Так, И. В. Софронова, анализируя стихи П. Эйзина, Г. Айги, Г. Юмарта, С. Сатур, М. Карягиной и Н. Мордякова, отмечает, что чувашские поэты «...не слепо копируют традиции написания восточного жанра, а синтезируют их с национальными особенностями словесного творчества» [10, с. 231]. Башкирские литературоведы тоже подчеркивают «близость» к японским хокку и танка стихотворений, например, А. Юлдашбаева. Еще глубже и точнее об особенностях «трансформации» японских форм пишет Д. Ф. Загидуллина, анализирующая поэтические миниатюры Р. Файзуллина: «Но их размер отличается от размеров классических японских жанров, они особенные в плане поэтических приемов: обязательные для классической японской поэзии чувственные оттенки (моно-но-аварэ, саби, ваби, сибуми, куруми) размещаются свободно... Поэтому в творчестве поэта и в целом в татарской литературе будет правильнее оценивать эти образцы как стилизацию под восточные жанры» [6, с. 69–70]. Исходя из вышесказанного, не стоит переоценивать достижения удмуртских поэтов в плане их приобщения к японским традициям, но и игнорировать это явление уже невозможно.

Материалы и методы

Материалом для написания статьи послужило около сотни поэтических трехстиший, написанных на удмуртском языке в форме японского хокку в 1990–2010 гг. В центре внимания миниатюры Анатолия Леонтьева (1944–2008), Сергея Матвеева (род. 1964) и Алексея Арзамазова (род. 1985), представителей трех поколений писателей в удмуртской культуре. У каждого из них интерес к восточным формам проявился по-свое-

му, и в этом прослеживается некая закономерность в общих тенденциях развития удмуртской поэзии.

В основе исследования лежит компаративистский метод, в котором актуализированы приемы структурно-описательного и сравнительно-типологического методов анализа стихотворения. Из теоретических работ особо ценными являются идеи С. Н. Бройтмана [3, с. 197–199].

Результаты исследования

Национальная специфика обращения к хокку обусловлена многими факторами, но на первый план должны выйти такие моменты, которые «лежат на поверхности» и объясняют, по какой причине тот или иной поэт начинает писать свои стихи-миниатюры в форме восточных жанров. Ни один из анализируемых нами авторов (А. Леонтьев, С. Матвеев, А. Арзамазов) не побывал в Японии, поэтому биографический контекст не является определяющим в том смысле, чтобы географические ландшафты непосредственно повлияли на творческие поиски и экспрессии. Путь к классическому Востоку у каждого удмуртского поэта свой, и это обусловлено социально-культурными особенностями Удмуртии.

Характеризуя творчество А. Леонтьева (1944–2008) и его интерес к японским формам хокку и танка, необходимо отметить следующее. Во-первых, он является не только поэтом, но и профессиональным художником, поэтому для лучших его стихотворений характерна образно-зрительная выразительность. Во-вторых, в биографии поэта в середине 1990 гг. случилась череда несчастий (в том числе тяжелая неизлечимая болезнь), и автор в поисках жизненной опоры обращается к стоицизму, восточной мудрости и углубленному мирозерцанию. Японские формы стиха – хокку и танка – начали занимать в его творчестве важное место, хотя сам поэт нигде не декларировал жанр и форму своих миниатюр.

А. Леонтьев в 1967 г. окончил художественно-графический факультет Удмуртского педагогического института, был преподавателем в Можгинской детской художественной школе. С 1968 г. печатаются его сборники стихов, преимущественно для детской аудитории, автор сам оформляет их и включает свои акварельные и графические рисунки. В стихах для взрослых А. Леонтьев работает в русле «тихой лирики», продолжает традиции своих литературных учителей – видных удмуртских поэтов Николая Байтерякова и Флора Васильева. Критик Л. Айтуганова пишет: «Он выбирает такие формы создания художественного образа, которые призваны показывать окружающий мир в ярких чистых красках, звонких голосах, в неповторимых обликах (видимо, этому способствует и то, что он по профессии художник)» [1, с. 88].

Во второй половине 1990 гг. на долю А. Леонтьева выпали тяжелые невзгоды. Он заболел раком, из жизни ушла мать, единственная его поддержка, поэт тяжело переживает социальные и экономические потрясения в стране. Выход из тяжелой ситуации А. Леонтьев ищет в мудрости и стоицизме восточной философии, он

учится жить в одиночестве, посвятив себя своеобразному мирозерцанию. Особое место занимает борьба с недугом, в некоторых миниатюрах этот мотив становится ключевым:

*Öвöl žигары –
Ымдурам пуньыме но
Мырдэм вуттійсько¹.
Нет у меня сил –
Ложку к своим губам
Еле дотягиваю².*

Лирический герой этих стихов выражает свою физическую и душевную боль, стремится показать свои переживания через одну единственную деталь, но такую, чтобы она через малое отражала большое и была непривычной для удмуртского читателя. Обращает на себя внимание и стихотворный размер: по количеству слогов образуется 5–7–5, соответствующий японскому хокку.

Но не все миниатюры-трехстишия А. Леонтьева отвечают требованиям традиционной формы, например: «*Коркан чал-чал. / Тау, чибине, тон коть пырид – / туж мōзмыт вал огнам...*» («В доме тихо-тихо. / Спасибо, комар, ты хоть зашёл – / слишком тоскливо было одному...»). В данном трехстишии размер другой: 4–8–6, вместо нечетного ряда появляется четный ряд; это свидетельствует о том, что поэт, во-первых, не строго стремится к требованиям жанра хокку, во-вторых, ямбический рисунок стиха с ударениями на четном слоге является для него наиболее удобной при выражении своих мыслей. По поводу такого явления справедливо пишет Д.Ф. Загидуллина, анализирующая татарскую поэзию: «Сохранение стихотворных размеров хокку и танка (в хокку – 5–7–5; танка – 5–7–5–7–7), характерных для японской поэзии, не всегда соответствует лексико-семантическим особенностям других языков» [6, с. 69]. Удмуртские поэты при передаче светлой грусти чаще используют ямб, а значит, подвижно-фиксированное ударение на последнем слоге почти всегда требует ударения на четных позициях.

Наиболее оригинальны такие миниатюры Анатолия Леонтьева, в которых изображается пейзаж, являющийся одновременно и «пейзажем души» художника.

*Зоре. Тōло.
Губыртійськем куро зурод
Мынэ толэ...
Дождит. Ветрено.
Сгорбившийся стог соломы
Идет (двигается) в зиму.*

Миниатюра написана ямбом: 4–8–4. Поэт в этих стихах показывает картину поздней осени, характерную для российской полосы Нечерноземья. Состояние светлой грусти усиливается одушевлением «стога соломы», напоминающего большого животного. Таким приемом подготавливается концовка миниатюры, яв-

¹ Здесь и далее стихотворения цитируются по: Леонтьев А. К. Улом али... : кылбурьёс. – Ижевск : Удмуртия, 2002. – 256 с.; Матвеев С. В. Инсьор пōртмаськоньёс : кылбурьёс. – Ижевск : Удмуртия, 2011. – 283 с.; Арзамазов А. А. Быдэс : кылбурьёс. – Ижевск : Инвожо, 2008. – 176 с.

² Здесь и далее дословные переводы стихов сделаны автором статьи.

ляющаяся неожиданным и оригинальным: покоящийся стог приходит в движение, т. е. вся природа готовится к приходу зимы (шагает в зиму). «Жанровое условие хокку – неожиданность, непредсказуемость коана – сочетается в нем, таким образом, с неким универсализмом и следованием традициям» [3, с. 198]. Пространственная точка зрения наблюдателя помогает раскрыть его внутренний мир: субъект силой своего воображения представляет, якобы движущиеся под ветром капли дождя стоят на одном месте, из-за чего покоящиеся объекты (в том числе и стог) начинают двигаться. Во втором стихе примечательна аллитерация, построенная на звуке «р» и стечении других звонких согласных, призванная оживить стог: *ГубРтійськеМ куро ЗуРоД*. Неточная рифма *тōло – толэ* связывает первую и третью строки миниатюры.

Другой тип коана достигается в следующем трехстишии Анатолия Леонтьева: «*Возь выл турнамын – / уг адзійськы ни / чōш лёгем сюресмы*» («Луг скошен – / более не видна / с тобой протоптанная дорога»). В результате покоса луговой травы оказывается «скошенной» и протоптанная дорога, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Данное стихотворение по тематике является интимным, изменение отношений между влюбленными показывается через летний пейзаж, начинающий переходить в осенний.

По трехстишиям А. Леонтьева (их более двадцати) можно увидеть, что классическая восточная форма хокку привлекает поэта своей нацеленностью на изображение светлой грусти, при этом для удмуртского читателя наиболее неожиданными являются не весенние пейзажи, время цветения сакуры, а пейзажи осенние. Восточная философия для позднего Леонтьева – это поиск внутренних сил при активном мирозерцании, попытка выйти из тяжелого одиночества.

Путь С. Матвеева к японскому классическому хокку несколько иной. Закончил Удмуртский госуниверситет, почти всю жизнь проработал в издательстве «Удмуртия», прочно вошел в национальную литературу с начала 1990-х гг., при этом вывел на арену такого лирического героя, которого критика условно назвала «твердым знаком» по одноименному его стихотворению, а затем поэтическому сборнику «*Чурыт пус (Ъ)*» («Твердый знак (Ъ)», 1999). Подобного странного героя он показал чуть раньше и в прозаическом тексте – своем романе «*Шузи*» (Дурачок, 1993–1995), но тогда еще трудно было представить, что герой-шизонарцисс возможен как адекватная личность и в лирике. Очевидно, Сергей Матвеев активно использует идейно-языковой инструментарий постмодернизма. Одно из своих стихотворений он начинает так: «*Шизофреник ке, медло озьы...*» («Если я шизофреник (для вас), то пусть будет по-вашему...»).

В. Г. Пантелеева, характеризуя образ лирического героя и внутреннюю его противоречивость, пишет следующее: «Наивный романтик и холодный эгоист, крестьянский сын и упоенный городской свободой человек творчества, ценитель нравственных устоев деревенского быта и развращенный современными соблазнами человек нового тысячелетия» [9, с. 299].

Интертекстуальное поле лирики С. Матвеева удивляет своей широтой и игровой позицией, в его стихах и эпиграфах фигурируют Ф. Ницше и Ф. Кафка, П. Гоген и О. Бальзак, С. Цвейг и И. Бродский, Г. Маркес и С. Дали, Ф. Гойя и Лао Цзы и т. д. Тем не менее, В. Г. Пантелеева верно отмечает: «...Дискурс его поэтического мира пластичен и шире постмодернистских канонов» [9, с. 299], имея в виду, что С. Матвеев никогда не переставал писать сонетов, причем соблюдал все основные классические требования этого жанра, а в 2000 г. обратился и к японской форме хокку. В поэтический сборник *«Инсьёр пёртмаськонъёс»* («Космические мистерии», 2012) включены более трех десятков миниатюр, выделены они в одном разделе под названием «хокку».

С. Матвеев строго соблюдает размер 5–7–5, стремится найти различные возможности удмуртского языка, чтобы не нарушить эти границы. Основной эмоциональный тон светлой грусти (саби) включает у Матвеева самые разные оттенки, иногда даже самоиронию. С. Н. Бройтман отмечает: «...Это особого рода печаль без печали, состояние не разлада, а гармонии с миром, духовная сосредоточенность, сравните пушкинское «печаль моя светла, печаль моя полна тобою» [3, с. 198]. С. Матвеев при передаче своих чувств широко использует цветочные обозначения *«Бубыли тусо – / Турын-куар вылэ пуксё / Чуштаськем куаръёс»* («Похожие на бабочек – / садятся на траву и листья / подпалившиеся листья»), в сборнике «Космические мистерии» выделен отдельный цикл из семи трехстиший под названием *«Буэльёс»* («Цвета»), в нем цветочные обозначения расположены по принципу цветов радуги.

Для создания коана, неожиданного завершения рисунка, С. Матвеев использует различные приемы, особо интересным получается пространственное «переворачивание» местности, когда небесный свод оказывается земной твердью и наоборот.

*Кымалтэм пурты –
Уй инбам. Кизилиос –
Тылгизы бервыл.
Опрокинутый котёл –
Ночное небо. Звезды –
Остатки костра.*

На картине ситуация после ночного костра, гости разошлись (пустой котёл опрокинут), догорают последние искры. В тексте нет ни одного глагола, время как бы остановилось. Герой чувствует, что его переживания созвучны всему мирозданию, ночной небосклон становится перевернутым отражением земного пейзажа.

Так как у Матвеева герой полон самоиронии, при переворачивании местности могут получиться и такие картины-трехстишия: *«Кымалскиз инбам, / вылие пуитиэз музьем! – / Мон пездйи озы!»* («Небо перевернулось, / земля взорвалась вверх! – / Это я упал (споткнулся)»). Физическое падение, казалось бы, должно вызвать стрессовое состояние у пострадавшего героя, но он спокоен и полон уважения к сокровенной красоте мироздания, откровенно говоря лишь в определенные периоды.

Сергей Матвеев умеет через малое изобразить большое, через мгновение прикоснуться к вечности.

По мнению В. К. Кельмакова, из всех удмуртских поэтов именно С. Матвеев находится ближе всего к японскому мироощущению [8, с. 88]. Миниатюры могут иметь несколько интерпретаций, которые, как правило, накладываются и взаимно дополняют друг на друга.

*Шёдтэк шорысь мон
Губырски. Пельпум вылам
Бубыли пуксем.
Внезапно я
Сгорбился. На плечо (моё)
Бабочка села, оказывается.*

Трудно вообразить, чтобы обычная бабочка представляла для человека такую тяжесть. Но это не юмористический текст, хотя у некоторых удмуртских читателей, знающих самого Матвеева, может появиться и улыбка. В удмуртской культуре *бубыли* (бабочка) символизирует душу умершего человека, и данное трехстишие обнаруживает другой смысл: в тексте встречаются две души – умершего и живого человека, и «взвешивание» их тяжести переходит в иное измерение, непривычное для реальности. Но важна еще одна коннотация. В жанре хокку символ бабочки предстает как мировой культурный феномен, за которым тысячелетний опыт воздействия на человеческую фантазию. Использование С. Матвеевым неочевидно-прошедшего времени *пуксем* «села, оказывается» свидетельствует о том, что субъект сам не видел этого действия, узнать и осознать пришлось спустя время, чаще со слов других. Бабочка (наряду с сакурой) – один из частых образов в классической японской поэзии, начинающая осваивать и удмуртскую культурную нишу.

А. Арзамазов заявил о себе в начале нового тысячелетия, его внутренние стратегии совпали с идеями тех представителей молодой интеллигенции, которые обратили свой взор на классический Восток как закономерный этап обогащения национальной культуры. Он поэт-интеллектуал, доктор филологических наук. В 20-летнем возрасте написал около сотни хокку, поместив их в качестве приложения в свой сборник статей «Эскизы» [2, с. 214–221] под названием «хоккумена», предварив их критическими размышлениями «Свет сакуры под удмуртским небом». Выбрав из этих трехстиший наиболее оригинальные, автор перепечатал их в своем поэтическом сборнике *«Быдэс»* («Полнота», 2009).

А. Арзамазов родился в Нижнем Новгороде, в детстве считал себя русским, пока не стал интересоваться своей родословной и не обнаружил удмуртских корней. После этого, по словам И. Кадочниковой, он «выбрал сложную жизненную стратегию – "быть удмуртом"» [7, с. 147]. В качестве поэта он обычно выступает под псевдонимом Арзами Очей.

Для трехстиший А. Арзамазова более подходит термин «стилизация под хокку», нежели непосредственно японский термин, так как формальное требование 5–7–5 он принципиально не соблюдает, пишет свои миниатюры преимущественно ямбом или анапестом. Вот первый текст из сборника *«Быдэс»*: *«Уйин укноосам – / Быдэс нюлэс. / Нош нуназе – куинь вай»* («Ночью в моем окне – / Целый лес. / А днем – три ветки»),

рисунок стихов выглядит: 6–4–6. Ямбический рисунок с ударением на четных слогах превалирует во всей хоккумене Арзамазова, приведем пример еще следующих семи трехстиший: 2–4–4, 4–4–4, 3–6–8, 4–8–4, 5–5–2, 4–6–6, 6–5–4 и т. д. Автору важнее передать свое состояние, а постоянно меняющийся ритм играет вспомогательную роль.

Размышляя о возможностях и образной системе удмуртского хокку, в своей статье «Свет сакуры под удмуртским небом» молодой ученый писал: «На мой взгляд, художественно-эстетическим символом удмуртов должна быть *льџмпу* – черемуха, чистый объект любования» [2, с. 57]. Однако в сборнике «Быдэс» из 42 трехстиший ни в одном не встречается образ черемухи, что говорит о том, что теоретические размышления и практика творческих поисков могут вступать в противоречие.

Из времен года у Алексея Арзамазова, как и других удмуртских поэтов, на первый план выходит осень.

*Сйзбыл ветлэ
Сюлэмылэн бусьютйз.
Ымнырьёсыз утча.
Осень бродит
По полям моего сердца,
Ищет лица (людей).*

Неожиданный переход из внешнего мира природы во внутренний и затем обратно, но уже в мир людей – так выстроена архитектура миниатюры, по размеру перед нами 4–8–6. В другом трехстишии обращение к нетрадиционной для удмуртской лирики образу «кауна» (тыква) говорит о почитании молодым поэтом великого Басё, нередко использовавшего этот символ в своих хокку: «*Каун кисьмаз... / Инбам шорьсь / Ышиз толэзь*» («Тыква созрела... / Из середины неба / Исчезла луна»). Отсутствие на небосклоне желанной луны объясняется ее перевоплощением в осеннюю тыкву, что призвано передать внутреннее противоречивое состояние героя-созерцателя.

Несмотря на внешне экспериментаторский характер, удмуртский поэт в своих трехстишиях стремится сохранить основные составляющие японского хокку – передать состояние саби в различных его проявлениях, создать коан – неожиданную концовку, органично вытекающую из выше изображенного рисунка, а также психологический параллелизм с характерным «пейзажем души». В качестве примера приведем еще одно оригинальное трехстишие:

*Зорьёс азын
Чонариос куо
Вуюисьлы вотэс.*

Перед дождем
Пауки ткнут
Сети для (поймки) радуги.

Поэт А. Арзамазов вновь пишет ямбом: 4–6–6, создает непривычный пространственный рисунок, на котором наслаиваются друг на друга сеть паутины (малое) и радуга на небосклоне (большое). Субъект текста ставит себя рядом с пауками и их «глазами» смотрит на небо, условная кинокамера из съемок обычного мира перенастраивается на изображение мира насекомых.

Как верно отметила И. Кадочникова, в стихах А. Арзамазова «зафиксирован портрет нашего современника – человека, утратившего внутреннюю целостность» [7, с. 165], поэтому восточные формы стиха, судя по выше проиллюстрированным строкам, призваны помочь лирическому герою вновь обрести эту целостность.

Выводы

Удмуртское трёхстишие в форме японского хокку не является случайным явлением в удмуртской литературе. Если в 1990 гг. диалог культур был нацелен преимущественно на Запад, то в новом тысячелетии внутренние механизмы культуры начинают актуализировать классический Восток, наступает время мирозерцания и осмысления происходящего. Хокку (наряду с танка) становится одним из востребованных жанров. Анатолий Леонтьев является мастером зрительно-образных зарисовок, он обращается к восточной мудрости в сложный период своей жизни. Сергей Матвеев, представитель удмуртского постмодернизма, в 2000 гг. выходит за рамки этого метода и бросает свой взор на восточные классические формы. А. Арзамазов – молодой поэт-интеллектуал, объединяющий в своих стихах Запад и Восток как две стороны одного феномена.

Удмуртские поэты, пишущие в форме хокку, стремятся в малой детали увидеть большой мир, показать через мгновение вечность. Осенний пейзаж становится привлекательным тем, что он передает «светлую грусть» (саби), характерную для природы Удмуртии и имеющую тесную связь с восточной традицией. Таким образом, поэты не слепо копируют японские каноны, а привносят туда национальный колорит. Неожиданность финала (коан) в удмуртском хокку достигается обычно тем, что поэт переходит из одного пространственного измерения в другое, и ландшафты Удмуртии снова становятся определяющими. Многие миниатюры по поэтическому размеру являются стилизацией под хокку, лишь С. Матвеев стремится строго соблюдать формальные требования (5–7–5).

Список литературы

1. Айтуганова Л. Д. Сюлэмез жечлык шунтэ // Кенеш. 2004. №1. С. 88–90.
2. Арзамазов А. А. Эскизы. Ижевск : Инвожо, 2005. 232 с.
3. Бройтман С. Н. Хокку // Теория литературы : в 2-х томах. Москва : Издательский центр «Академия», 2004. Том 2. С. 197–199.
4. Владыкин В. Е. Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и ... Ижевск : Удмуртия, 2003. 400 с.
5. Владыкин В. Е., Арзамазов А. А. Ландшафты этнографии // Вордскем кыл. 2018. №3. С. 43–46.
6. Загидуллина Д. Ф. Татарская литература XX – начала XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2020. 256 с.
7. Кадочникова И. С. Современная поэзия Удмуртии. Имена, тенденции, смыслы. Ижевск : Шелест, 2021. 290 с.

8. Кельмаков В. К. Япон вит'чурьёс но удмурт кылбурет. Вит'ымтэ шорысь йыре лыктэм уйбырес малпанъёс // Кенеш. 2014. №4. Б. 84–92.
9. Пантелеева В. Г. Удмуртская поэзия рубежа XX-XXI вв.: жанрово-стилевые и образные модификации // *Studia Litterarum*. 2019. Том 4, №1. С. 286–309.
10. Софронова И. В. Современная чувашская поэзия // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.). Барнаул, 2012. С. 207–231.
11. Шибанов В. Л. Туала удмурт лирикаын чеберлыко кабыёсты утчан // *Инвожо*. 2012. №4-5. С. 42–48.

References

1. Aituganova, L. D. (2004). Siulemez zechlyk shunte. *Kenesh*, 1, 88-90.
2. Arzamazov, A. A. (2005). *Eskizy*, 232. Izhevsk : Invozh.
3. Broitman, S. N. (2004). *Khokku. Teoriiia literatury*, 197-199. Moskva: Izdatel'skii tsentr "Akademiia".
4. Vladykin, V. E. (2003). Mon. O sebe i drugikh, o narodakh i Chelovekakh, i ... , 400. Izhevsk : Udmurtiia.
5. Vladykin, V. E., & Arzamazov, A. A. (2018). Landshafty etnografii. *Vordskem kyl*, 3, 43-46.
6. Zagidullina, D. F. (2020). Татарская литература XX – начала XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы), 256. Kazan.
7. Kadochnikova, I. S. (2021). *Sovremennaia poeziiia Udmurtii. Imena, tendentsii, smysly*, 290. Izhevsk : Shelest.
8. Kel'makov, V. K. (2014). Iapon vit'churios no udmurt kylburet. Vit'ymte shorys' iyre lyktem uibyres malpanios. *Kenesh*, 4, B, 84-92.
9. Panteleeva, V. G. (2019). Udmurt Poetry of the late 20th and early 21st century: Transformation of Genres, Styles, and Images. *Studia Litterarum*, 4 (1), 286-309.
10. Sofronova, I. V. (2012). *Sovremennaia chuvashskaia poeziiia. Natsional'nye literatury respublik Povolzh'ia (1980-2010 gg.)*, 207-231. Barnaul.
11. Shibanov, V. L. (2012). Tuala udmurt lirikayn cheberlyko kabiosty utchan. *Invozh*, 4-5, 42-48.

Информация об авторе

Шибанов Виктор Леонидович – канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, Российская Федерация.

Information about the author

Victor L. Shibanov – candidate of philological sciences, research scientist, FSBIS "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", Izhevsk, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 07.09.2022

Принята к публикации / Accepted 29.09.2022

Опубликована / Published 29.09.2022

Исследование этнической и гражданской идентичности студентов вуза

DOI 10.31483/r-101499

УДК 316.32

Камаева М. П.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
 Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики,
 Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-2511-5483>, e-mail: marinakamaeva59@mail.ru

Резюме: Статья посвящена изучению вопроса этнической и гражданской идентичности студенческой молодежи, воспитания культуры межнациональных отношений в условиях учебного заведения. Представлен *анализ* литературы по рассматриваемой проблеме, рассмотрены государственные подходы к решению вопросов этничности и гражданственности. *Актуальность* исследования обусловлена причинами, требующими своевременно реагировать на изменения, происходящие в современном полиэтничном пространстве. Многонациональность Российской Федерации, неоднозначность исторически сложившихся межэтнических отношений, активное развитие в сознании современной молодежи установок не только на материальную, но и на духовную глобализацию, позволяют уделить особое внимание процессу формирования этнической и гражданской идентичности личности. *Цель* статьи – представить результаты эмпирического исследования этнической и гражданской идентичности студентов. Автор приводит **результаты** собственных эмпирических исследований общегражданской и этнической идентичности студентов вуза. Использование *методов* анкетирования, интервьюирования, наблюдения и обобщение педагогического опыта помогли автору в определении основных направлений этнокультурного воспитания обучающихся. Этническая идентичность является необходимой ступенью становления гражданственности студенческой молодежи, она позволяет легче и быстрее взаимодействовать с представителями других этнических групп, сплочивает и помогает адаптироваться в новых культурных условиях.

Ключевые слова: этническая идентичность, учебно-воспитательный процесс, гражданская идентичность, полиэтничное пространство.

Для цитирования: Камаева М. П. Исследование этнической и гражданской идентичности студентов вуза // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 51-55. DOI:10.31483/r-101499.

Short Communication

On the Issue of Ethnic and Civic Identity of University Students

Marina P. Kamaeva

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts"
 of the of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic,
 Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-2511-5483>, e-mail: marinakamaeva59@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the issue of ethnic and civic identity of student youth, the education of a culture of interethnic relations in an educational institution. The article presents an *analysis* of the literature on the problem under consideration, considers state approaches to solving issues of ethnicity and citizenship. The *relevance* of the study is due to the reasons that require a timely response to the changes taking place in the modern multi-ethnic space. The multinationality of the Russian Federation, the ambiguity of historically established interethnic relations, the active development in the minds of modern youth of attitudes not only towards material, but also spiritual globalization, allow us to pay special attention to the process of forming ethnic and civic identity of the individual. The *purpose* of the article is to study the features of the formation of ethnic and civic identity and to identify their relationship in the student environment. The author cites the *results* of his own empirical studies of the general civic and ethnic identity of university students. The use of the *methods* of questioning, interviewing, observation and generalization of pedagogical experience helped the author in determining the main directions of ethno-cultural education of students. Ethnic identity is a necessary step in the formation of citizenship of student youth, it makes it easier and faster to interact with representatives of other ethnic groups, unites and helps to adapt to new cultural conditions.

Keywords: ethnic identity, educational process, civic identity, multi-ethnic space.

For citation: Kamaeva M. P. (2022). On the Issue of Ethnic and Civic Identity of University Students. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 51-55 (in Russ.). DOI:10.31483/r-101499.

Введение

Современная российская действительность характеризуется проявлением двух противоположных векторов: с одной стороны, этносы стремятся сохранить собственную культурную неповторимость, а с другой – у них присутствует желание объединиться и войти в общую мировую глобальную систему.

В многонациональном российском государстве проблема идентичности не перестает быть актуальной. В государственных документах эти вопросы постоян-

но поднимаются. Так, в разработанной Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. уделяется большое внимание воспитанию гражданина России, в котором сочетается любовь к большой и малой родине, уважение к культурным ценностям людей, живущих рядом, общенациональной и этнической идентичности.

Возросшие миграционные потоки, тесное взаимодействие представителей различных этнокультурных общностей в общественной жизни порождают ряд

проблем, затрудняют сохранение этнической идентичности у жителей коренных национальностей.

Вопросы формирования и развития этнической идентичности рассматривались в работах А. В. Миронина, И. Н. Татуйко, Н. С. Чернышевой [7; 10; 11] и др.

Т. Г. Стефаненко считает, что этническая идентичность – это не только осмысление своей принадлежности к определенной этнической группе, но и переживание процесса идентификации с одной этнической общностью и отделения от других [9].

Составными частями этнической идентичности большинство авторов считают когнитивный компонент, который включает в себя знания и представления об этнической принадлежности и аффективный, характеризующий единство личности с определенным этносом. Термин «гражданская идентичность» для отечественной науки является относительно новым. По мнению М. А. Юшина, гражданская идентичность – это «тождественность индивида государству, своему статусу гражданина, личная оценка своего гражданского состояния, готовность и способность выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности, пользоваться правами, принимать осознанное активное участие в жизни государства» [12, с. 15].

Л. М. Дробижева рассматривает понятие «государственно-гражданская идентичность» как соотношение индивида с обществом в целом и гражданами своей страны, понимание и разделение гражданами интересов государства [4].

Существует мнение ряда ученых, которые ставят гражданскую идентичность в один ряд с этнической. Так, Н. Л. Иванова, Г. Б. Мазилова считают, что гражданскую идентичность мы соотносим с нацией, термином самим по себе неоднозначным и являющимся одним из спорных в современной науке [5].

Т. В. Водолажская считает, что гражданская идентичность воплощает основные потребности личности в принадлежности к определенной группе [1].

Гражданская идентичность формируется у членов общества с юного возраста, поэтому ведущая роль принадлежит системе школьного образования, однако в вузе этот процесс продолжается. Специалисты разных научных школ и направлений согласны с тем, что российская государственная идентичность должна утверждаться, однако расходятся в стратегии и способах ее формирования.

Методы исследования

Исследование гражданской и этнической идентичности проводилось на базе Чувашского государственного института культуры и искусства в 2019–2021 гг., было опрошено 75 студентов направлений подготовки «Народно-художественная культура» и «Социально-культурная деятельность». Основным методом исследования явилось анкетирование. Авторская анкета была составлена на основе использования методики А. А. Горбуновой, С. Г. Максимовой (адаптированный

вариант) [2]. Кроме того, была использована методика «Типы гражданской идентичности», предложенная Р. В. Борисовым [3].

Результаты исследования

С целью выяснения, чувствуют ли себя студенты единой общностью со своей страной, какие эмоции испытывают при осознании своей национальной принадлежности, в Чувашском государственном институте культуры и искусств было проведено исследование, которым было охвачено 75 студентов направлений подготовки «Народно-художественная культура» и «Социально-культурная деятельность».

Студентам предлагалось расставить по степени актуальности следующие ниже высказывания.

Что Вы скажете о себе в первую, вторую и т. д. очередь, в зависимости от того, насколько важны для Вас нижеперечисленные характеристики:

1. Я – житель города...
2. Я – гражданин России.
3. Назовите себя по национальности (я русский, чуваш, мариец и т. д.).
4. Я православный (или представитель другой религии).
5. Я – космополит (могу быть гражданином любого государства).
6. Я – житель планеты Земля.

Ответы распределились следующим образом: на первом месте оказался ответ «Я – гражданин России», на втором – выражение «Я – русский, чуваш, мариец и т. д.», затем «Я – житель города...», далее шла категория «Я – православный», «Я – житель планеты Земля», последнее место заняло выражение «Я – космополит». Результаты говорят о том, что этническая и гражданская идентичности схожи, но не исключают и не заменяют друг друга. Тот факт, что категория «Я – космополит» оказалась непопулярной, свидетельствует о проявлении ценности принадлежности к определенной нации и государству.

Известно, что этническая и гражданская идентичности тесно связаны с эмоциональными переживаниями, поэтому студентам задавались следующие вопросы: «Какие чувства Вы испытываете, называя себя по национальности?»; «Какими событиями в истории нашего государства Вы гордитесь?»; «Какие события в истории нашего государства вызывают у Вас чувство досады, возможно, злости?»

Анализ ответов показал, что приоритетное положение занимают такие национальные чувства, как гордость за свое отечество, духовная близость с своим народом, ответственность за происходящее в стране. Студенты испытывают гордость за единство народа в период великих испытаний, победы в сражениях, успехи в спорте, культурное наследие страны. Испытывают стыд за «развал СССР», «безалаберность и пьянство», «за утрату духовных ценностей», «моральное разложение, особенно молодежи». В ответах на вопрос: «Какими событиями в истории нашего государства Вы гордитесь?» – priori-

Сравнение результатов исследования студентов первого и пятого курсов, проведенного по методике «Размышляем о жизненном опыте»

Table 1

Comparison of the results of study of freshmen and graduate students, conducted by "Reflexing on life experiences" method

Параметры	2019 г.						2021 г.					
	1 курс (количество студентов)			5 курс (количество студентов)			1 курс (количество студентов)			5 курс (количество студентов)		
	уровни											
	высокий	средний	низкий									
Когнитивный компонент	5	9	11	20	3	2	10	9	6	17	5	3

тетное положение занимают ответы: «Горжусь победой в Великой Отечественной войне, «Полетом Ю. Гагарина в космос» и т. д.

Результаты показывают, что студенты испытывают как положительные, так и отрицательные этнические и гражданские чувства, что свидетельствует о динамичном процессе развития как этнической, так и гражданской идентичности. Кроме того, ответы студентов достаточно широко отражают культурно-историческое пространство, в котором они живут, которое оценивается, переживается и рефлексировается.

В заключение беседы студентам был задан вопрос, насколько важны для них национальные ценности. Самые распространенные ответы: «Национальная принадлежность – это мои корни, мое происхождение, а значит, поведение, общая история, культура, традиции»; «Национальная принадлежность для меня – взгляды на жизнь, будущее, семейные ценности»; «Представители моей национальности великие люди (ученые, поэты, художники, музыканты)».

Во время работы над ответами студенты отмечали, что в процессе беседы испытывали противоречивые эмоции: гордость за свою страну, радость и одновременно печаль, что необходимо задуматься над нашим отношением к нашей национальной культуре. Таким образом, мы выявили, что необходимой ступенью становления гражданственности является этническая идентичность.

С целью изучения психологических особенностей формирования гражданской идентичности студентов на разных этапах обучения в вузе мы использовали методику «Типы гражданской идентичности», предложенную Р. В. Борисовым [3].

Респондентам предложили 15 утверждений, в которых они должны были выразить степень своего согласия или несогласия, ответы испытуемых были переведены в баллы в соответствии со шкалой:

согласен – четыре балла; скорее согласен – три балла; в чем-то согласен, в чем-то нет – два балла; скорее не согласен – один балл; не согласен – ноль баллов.

Затем подсчитывается количество баллов по каждому из типов гражданской идентичности:

1) гиперпозитивная гражданская идентичность, т. е. идентичность, при которой доминируют национальные интересы, присутствует готовность идти на любые жертвы во имя их, приписывание нации особого места в истории;

2) позитивная гражданская идентичность – идентичность, при которой присутствует умеренный патриотизм, личность испытывает чувство удовлетворения, осознание себя гражданином своей страны;

3) негативная гражданская идентичность – идентичность, при которой возникает чувство неполноценности своей нации перед другими, стремление скрыть свою гражданскую принадлежность.

В зависимости от суммы баллов, набранных респондентами по определенной шкале (от нуля до 20 баллов), был определен соответствующий тип гражданской идентичности.

Результаты показали преобладание у респондентов позитивной гражданской идентичности (средний балл у первокурсников составил 13 баллов и 17 баллов у студентов последнего курса). Было выявлено, что несколько студентов обладают гиперпозитивной гражданской идентичностью: средний балл у первокурсников составил семь баллов, а у студентов последнего курса – 5 баллов. Негативная гражданская идентичность не была выявлена.

Таким образом, большинство студентов как первого, так и последнего курсов обладают умеренным чувством патриотизма. Однако существует ряд вопросов, требующих решения, в частности, небольшая выраженность у ряда студентов деформированной гражданской идентичности.

Далее со студентами первого и последнего курсов была проведена методика «Размышляем о жизненном опыте» [6].

Данный тест состоит из 15 ситуаций, он выявляет особенности возможного поведения человека в разных ситуациях, затрагивающих этнические и гражданские

ценности. Результаты исследования показали, что сформированность когнитивного компонента гражданской и этнической идентичности старшекурсников выше по сравнению с первокурсниками.

Результаты исследования наглядно показаны в таблице 1.

Результаты свидетельствуют о том, что благоприятная этносоциальная ситуация, преобладание позитивной гражданской идентичности – это результаты этнонационального и патриотического воспитания в вузе, однако ряд проблем в этом вопросе требуют усилий коллектива по реализации программы «Формирование гражданской идентичности и диалога культур в творческом вузе».

Выводы

Гражданская и этнокультурная идентичность – близкие понятия, которые оказывают большое влияние на процесс социализации личности, являясь частью и формой социальной идентичности. Граж-

данская и этническая идентичности в сознании студентов вуза совмещаются и взаимно дополняют друг друга.

Важное значение для развития государства имеет общероссийская идентичность, которую нельзя противопоставлять этнической идентичности. Национальные языки и обычаи, общий государственный русский язык, общие культурные и духовные ценности и традиции – «все это укрепляет единство и силу России». Гражданскую и этническую идентичности в России противопоставлять нельзя [8].

В условиях многонационального коллектива учебно-воспитательная деятельность должна быть направлена на обеспечение благоприятной поликультурной среды. Позитивная этническая идентичность является необходимой ступенью становления гражданственности студенческой молодежи, она позволяет легче и быстрее взаимодействовать с представителями других этнических групп, сплочивает и помогает адаптироваться в новых культурных условиях.

Список литературы

1. Водолажская Т. В. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. №5-6. С. 140–141.
2. Горбунова А. А., Максимова С. Г. Соотношение этнического, гражданского и религиозного компонентов идентичности личности в современной России // Политика и общество. 2017. №7. С. 127–134 [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20748 (дата обращения : 15.02.2022).
3. Гражданская идентичность в терминах психодиагностики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-v-terminah-psihodiagnostiki> (дата обращения : 17.02.2022).
4. Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся: ежегодник. Москва: Academia, 2002. С. 213–244.
5. Иванова Н. Л., Мазилова Г. Б. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. 2008. №2. С. 83–93.
6. Методика «Размышляем о жизненном опыте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://29school.ucoz.ru/vospitRabota/metodika-razmyshljaem_o_zhiznennom_opyte_n.e-shhur.pdf (дата обращения : 27.01.2022).
7. Миронов А. В. Этническая идентичность как фактор формирования самоотношения личности // Теория и практика общественного развития. 2012. №11. С. 116–119.
8. Путин заявил, что гражданскую и этническую идентичности в России противопоставлять нельзя [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tass.ru/obschestvo/11028377> (дата обращения : 01.02.2022).
9. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Москва: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
10. Татуйко И. Н. К вопросу о теоретических основах формирования положительной этнической самоидентификации у школьников // Вестник ТГПУ. 2015. Выпуск 1. С. 96–111.
11. Чернышева Н. С. Развитие этнической идентичности школьников // Вопросы психологии. 2015. №1. С. 30–35 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/125/chernyshev%D0%B0_125_103_112.pdf (дата обращения : 14.02.2022).
12. Юшин М. А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23 00 02. Тула, 2007. 22 с.

References

1. Vodolazhskaia, T. V. (2010). Identichnost' grazhdanskaia. *Obrazovatel'naia politika*, 5-6, 140-141.
2. Gorbunova, A. A., & Maksimova, S. G. (2017). Correlation of ethnic, civil and religious components of personal identity in modern Russia. *Politika i obschestvo*, 7, 127-134. Retrieved from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20748
3. (2022). *Grazhdanskaya identichnost' v terminakh psikhodiagnostiki*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-v-terminah-psihodiagnostiki>
4. Drobizheva, L. M. (2002). *Rossiiskaia i etnicheskaia identichnost': protivostoianie ili sovместimost'*. Rossiia reformiruiushchaisia, 213-244. Moskva: Academia.

5. Ivanova, N. L., & Mazilova, G. B. (2008). Changes of ethnic and civil identities in new social conditions. *Voprosy psikhologii*, 2, 83-93.
6. (2022). Metodika "Razmyshliaem o zhiznennom opyte". Retrieved from http://29school.ucoz.ru/vospitRabota/metodika-razmyshljaem_o_zhiznennom_opyte_n.e-shhur.pdf
7. Mironov, A. V. (2012). Ethnic identity as a factor of self-concept formation. *Theory and practice of social development*, 11, 116-119.
8. (2022). Putin zaiavil, chto grazhdanskuiu i etnicheskuiu identichnosti v Rossii protivopostavliat' nel'zia. Retrieved from <https://tass.ru/obschestvo/11028377>
9. Stefanenko, T. G. (1999). Etnopsikhologiya, 320. Moskva: Institut psikhologii RAN, "Akademicheskii proekt".
10. Tatuiko, I. N. (2015). K voprosu o teoreticheskikh osnovakh formirovaniia polozhite'noi etnicheskoi samoidentifikatsii u shkol'nikov. *Vestnik TGPU*, 1, 96-111.
11. Chernysheva, N. S. (2015). Development of ethnic identity of schoolchildren. *Voprosy psikhologii*, 1, 30-35. Retrieved from https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/125/chernyshev%D0%B0_125_103_112.pdf
12. Yushin, M. A. (2007). Politicheskie mekhanizmy formirovaniia grazhdanskoi identichnosti molodezhi v sovremennoi Rossii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk: 23 00 02, 22. Tula, 2007.

Информация об авторе

Камаева Марина Петровна – канд. пед. наук, доцент
БОУ ВО «Чувашский государственный институт
культуры и искусств» Министерства культуры,
по делам национальностей и архивного дела
Чувашской Республики, Чебоксары,
Российская Федерация.

Information about the author

Marina P. Kamaeva – candidate of pedagogical sciences,
associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute
of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs
and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary,
Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 22.03.2022

Принята к публикации / Accepted 29.09.2022

Опубликована / Published 29.09.2022

Рецензия на: Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2011. 164 с.

DOI 10.31483/r-103551

УДК 93

Годовова Е. В.

БФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-5798-3413>, e-mail: godovova@mail.ru

Резюме: Представлена рецензия на монографию уфимского историка Л. Ф. Тагировой «Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века», изданную в Уфе в 2011 г. Автор поднял актуальную тему, связанную с исследованием социальных национальных верхов, а именно кантонных начальников Башкирии, их инкорпорации в государственные властные структуры. В концептуальном плане данное исследование может стать модельным при исследовании национальных региональных элит различных территорий или стать основой для компаративистских исследований.

Ключевые слова: Л. Ф. Тагирова, Башкирия, кантонная система, кантонные начальники, национальная региональная элита.

Для цитирования: Годовова Е. В. Рецензия на: Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2011. 164 с // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 56-57. DOI:10.31483/r-103551.

Review

Review on: Tagirova L. F. (2011). Cantonal Chiefs of Bashkiria: The National Regional Elite of the First Half of the XIX century, 164

Elena V. Godovova

 FSBEI of HE "Orenburg State Pedagogical University",
Orenburg, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0001-5798-3413>, e-mail: godovova@mail.ru

Abstract: A review of the monograph by Ufa historian L. F. Tagirova "Cantonal chiefs of Bashkiria: the national regional elite of the first half of the nineteenth century", published in Ufa in 2011, is presented. The author raised an urgent topic related to the study of social national leaders, namely cantonal chiefs of Bashkiria, their incorporation into state authorities structures. Conceptually, this study can become a model for the study of national regional elites of various territories or become the basis for comparative studies.

Keywords: L. F. Tagirova, Bashkiria, cantonal system, cantonal chiefs, national regional elite.

For citation: Godovova E. V. (2022). Review on: Tagirova L. F. (2011). Cantonal Chiefs of Bashkiria: The National Regional Elite of the First Half of the XIX century, 164. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(3), 56-57. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103551.

В 2011 г. в Уфе была издана монография молодого исследователя Л.Ф. Тагировой «Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века». Она посвящена актуальной теме, связанной с изучением социальных национальных верхов, а именно кантонных начальников Башкирии, их инкорпорации в государственные властные структуры. Несмотря на то, что кантонная система управления, существовавшая в Башкирии с 1798 по 1865 гг., получила достаточное освещение в литературе, особенности личности и деятельность самих кантонных начальников практически не исследовались. Однако именно башкирские и мишарские кантонные начальники представляли собой элиту башкирского общества – военное чиновничество, обладающее большими правами и привилегиями.

Рассмотрение данных вопросов имеет особую научную и практическую значимость, поскольку исторический опыт и традиции, использованные в современных

условиях, могут способствовать реализации государственной национальной и региональной политики.

Во введении рецензируемой монографии четко определены объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки, степень разработанности проблемы, обозначены цель, задачи исследования и в соответствии с ними выстроена работа, в которой выделяются введение, две главы, заключение, список источников и литературы, приложения.

Глубокий и обстоятельный анализ отечественной литературы позволил автору объективно осветить процесс формирования и становления башкирской военной элиты, кантонную систему управления и институт кантонных начальников, определить место и статус управляющих кантонами во властной структуре российского общества.

Монография написана на основе привлечения большого количества опубликованных и неопубликованных источников, среди которых документы 9 фондов Российского государственного военно-исторического

архива, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, Государственного архива Оренбургской области, Научного архива Уфимского научного центра Российской академии наук, статистические данные, материалы периодики, мемуарная литература. Многие архивные источники введены Л.Ф. Тагировой в научный оборот впервые. Анализ этих источников позволил автору составить объективное представление о положении управляющих башкирскими и мишарскими кантонами как национальной региональной элиты в исследуемый период.

В первой главе «Инкорпорация социальных верхов башкирского общества в российский административно-управленческий аппарат (середина XVI в. – начало 1830 гг.)» [1, с. 35–89] автор монографии выявляет причину введения кантонной системы управления, а именно слабость государственного контроля со стороны российского правительства. Создание надежной опоры в Башкирском крае было возможно только путем уравнения сословно-привилегированного и имущественного статуса башкирской элиты и рядового российского чиновничества по примеру казачьих войск.

Автор справедливо отмечает, что введение кантонной системы управления привело к четкому структурированию правящей господствующей элиты у башкир, а созданные управленческие структуры башкирских и мишарских кантонов составили низовое звено единого военного общероссийского чиновничества. Кроме того, введение кантонного управления способствовало укреплению башкирского этноса.

Исследование института кантонных начальников первой половины XIX века показало, что национальная элита башкирского войска формировалась под влиянием родовых семейных кланов. Так, во многих кантонах сформировались почти наследственные «династии» кантонных начальников, некоторые дослужились до российского дворянства.

Во второй главе «Правящий слой башкирского и мишарского общества (1834–1863 гг.)» [1, с. 90–141] автор монографии изучив формулярные списки, составил своеобразный социальный портрет кантонного начальника, – образованного и довольно богатого человека, стремящегося выйти из сословия башкир-вотчинников

в привилегированное дворянство и установить полный контроль над подчиненными ему башкирами.

Проанализировав взаимоотношения кантонных начальников с рядовыми массами населения, автор приходит к выводу, что кантонные начальники часто злоупотребляли своим положением в целях личного обогащения, что вызывало недовольство среди рядового населения, но чаще всего жители кантонов оставались бессильны перед их злоупотреблениями. Анализ жалоб башкир на башкирских чиновников показывает, что в большинстве случаев дела оставались нерассмотренными, а некоторые кантонные начальники, побывав под судом 10–15 раз, ни разу не были наказаны.

Определяя место и статус кантонных начальников во властной структуре российского общества, автор отмечает, что, хотя по сравнению с общероссийским чиновничеством они находились на нижней ступени привилегированного сословия, внутри башкирского общества их статус был довольно высок и формирующаяся к концу существования кантонной системы национальная интеллигенция края происходила в большей степени из национального чиновничества [1, с. 140].

В заключение книги автор делает ряд выводов, которые вытекают из содержания работы, носят обобщающий и аналитический характер.

Обогащают монографию приложения, где представлены весьма ценные сведения и карты, служащие иллюстрацией основных положений исследования.

Монография адресована историкам, краеведам, этнографам и всем тем, кто интересуется историей Башкортостана. Материалы книги можно использовать при написании очерков по истории национальных республик России, истории Башкирии, а также в учебном процессе в высших учебных заведениях при разработке общих и специальных лекционных курсов по отечественной истории и истории Башкирии, в рамках изучения исторических, политологических и социологических курсов.

В целом монография Л.Ф. Тагировой «Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века» вносит весомый вклад в изучение региональной истории.

Список литературы

1. Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2011. 164 с.

References

1. Tagirova, L. F. (2011). *Kantonnye nachalniki Bashkirii: nacionalnaya regionalnaya elita pervoj poloviny XIX veka*. Ufa, 164.

Информация об авторе

Годовова Елена Викторовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург, Российская Федерация.

Information about the author

Elena V. Godovova – doctor of historical sciences, associate professor, professor Departments of Russian History at the FSBEI of HE "Orenburg State Pedagogical University", Orenburg, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 05.09.2022

Принята к публикации / Accepted 28.09.2022

Опубликована / Published 28.09.2022

